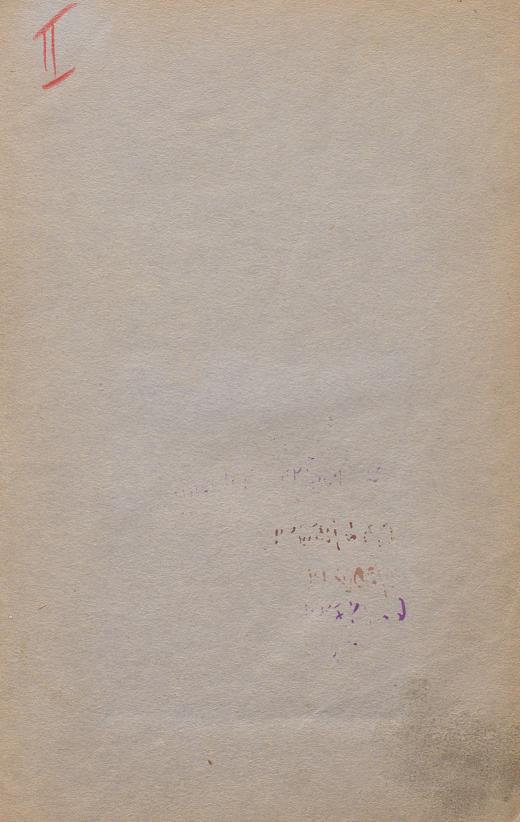
784627 IIPHKAMBE

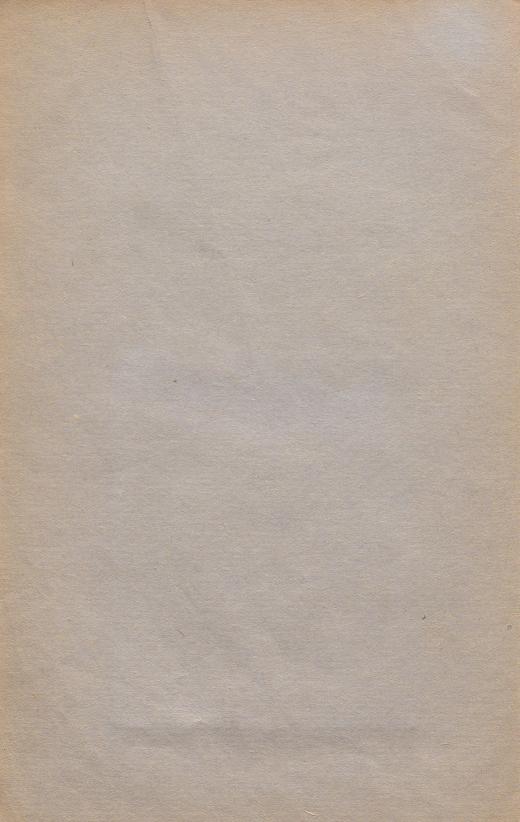
> литературнохудожественный сборник

74 ×48-150

2

223/18/142 456 16/vin 233/2432, 232/18/344 8/20144 62/4244 962/1244 44/61145

8-8 5-758

ПРИКАМЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

2168¥

Nº 2

ОГИЗ МОЛОТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1941

\$89h8£

АНАТОЛИЙ КЛИМОВ

СЕРДЦЕ-КАМЕНЬ

1

Выходя из гавани, "Седов" простуженным голосом рявкнул. Белый пар от сирены ледокола, прижатый плотным воздухом, вместе с дымом из труб корабля стелился по воде.

Ветра не было.

"Седов" прокричал последний раз. И хотя с корабля давно уже ничего не было видно, зимовщики продолжали молча махать шапками. Это было прощание: трогательное своей сдержанной теплотой, может быть, даже скупое и суровое.

Тихая спокойная бухта ласково плескалась о берег...

- Ну, вот, мы и осиротели, товарищи, - просто сказал на-

чальник острова.

Никто из остальных четырех не ответил ему. Радист Даров строго смотрел вслед ледоколу; доктор Трегуб, пряча взволнованные глаза, нагнулся к земле, словно увидел на берегу редчайший камень; метеоролог Афанасьев резко повернулся и быстро зашагал к зимовке, а повар Матвеич протяжно вздохнул.

Для Павла Дмитриевича Никитина нынешняя зимовка на острове Дальнем была пятой по счету. Он провел две зимы на Новой земле, возглавлял зимовки в бухте Тихой, на мысе Входном, плавал парторгом на судах арктического флота. Несмотря на свои сорок лет, высокий, сухощавый Никитин сохранил жизнерадостность, бойкость, легко и уверенно переживал тоску оторванности и одиночества зимовок. Обстановка никогда не влияла на его настроение. Он не поддавался ей. Старость тронула виски Никитина инеем седины, но Павел Дмитриевич не унывал:

— Не беда,— пошучивал он,— это ога пробует. А увидит, что со мной не сладить — уйдет. Вот, смотри, к концу третьей

пятилетки опять чернеть начну.

За новую зимовку он взялся смело. Его предупреждали:

— Смотри, Никитин, только впятером будете зимовать. Народ даем тебе новый. Трое новичков, а коком Ростов...

— Это Кузьма Ростов? Тот, что у меня в Амбарчике был?

Давай, давай.

— Метеоролог, радист и доктор первый раз едут.

— Молодежь, — весело откликался Никитин. — Тем лучше.

Работы в первые дни было хоть отбавляй. Зимовка на острове Дальнем года четыре была необитаемой. Последний раз здесь зимовала научно-исследовательская партия на полуострове Юрунг-Тумус. Уехали геологи, домики заколотили, и люди здесь больше не появлялись.

За годы запустения жилые дома и склады стали жертвой любопытства белых медведей. Звери разорили складские помещения, выбили стекла, исковеркали мебель и перебили всю ку-

хонную посуду.

Надо было делать все заново. Ледокол, доставивший партию зимовщиков, простоял в бухте три дня. Корабельные плотники на скорую руку подремонтировали здания, оставили островитянам лес, гвозди, пилы, топоры и пожелали:

— Удачи, товарищи! Дорабатывайте сами. Вот материал и

инструменты, а нам не успеть.

На берег бухты выгрузили мягкие диваны, кровати, оконные стекла, бочки с маслом, радиостанцию и библиотеку.

— Устраивайтесь! С новосельем вас, — шутили седовцы.

И ледокол ушел.

Зимовщики принялись за устройство "зимней квартиры". В отремонтированный склад сносили запасы продуктов и продовольствия. Деятельный Матвеич, как заправский стекольщик, взялся застеклить рамы, а Афанасьев с Трегубом одолевали малярное искусство. Дарова не привлекали к хозяйственным работам: у него был свой аврал — рация.

Никитин бывал всюду. То на мачту заберется натягивать антенну, то развешивает окорока на складе, а иногда брался наво-

дить бордюры.

В самый разгар работ через пролив к мысу приплыл малень-кий, юркий, с множеством рябин на плоском лице, человек.

— C Большой земли гость плывет! — увидев его в море, крикнул Никитин.

Неожиданного пришельца вышли встречать все.

Гость подошел совсем близко, остановился и молча принялся разглядывать зимовщиков. От него пахло тюленьим жиром. Волосы на голове когда-то, вероятно, были белокурыми, но сейчас потеряли свой первоначальный цвет, и трудно было сказать, какого они цвета— не то черные, не то просто грязные. Шуря подслеповатые, это прирожденный признак северян, от солнца глаза, незнакомец спросил:

— Неужто на всю зиму опять? Да ну. Вот ладно!

А вы где живете, товарищ? — наивно спросил радист.
 Там, — махнул на землю человек. — Кешка звать меня. Кеш-

ка-Заяц...

— Погодите, — вспомнил Никитин, — у вас не было приятеля по прозвищу Павел-Слеза? Он все еще плакал одним глазом, болезнь такая была.

— Как не знать! — встрепенулся Кешка. — Хороший был человек Пашка. Откуда нас знаешь? И он нас обоих знает, — кивнул на Матвеича Никитин, на Входном жили...

Кешка вдруг счастливо заулыбался и закричал:

- Никитин! Матвейка! Вот ладно!

Через час Кешка работал за двоих, помогая зимовщикам. Он как-то умел сразу много работать, вволю смеяться и беспрерывно

говорить.

— Пашка умер, три зимы прошло с того дня. Все был человек, зверя бил, каюрил ловко, а сгинул, как один стал жить. Пропал одним временем, избу от людей далеко поставил. Месяц нет, зиму нет. Весной не утерпел я—поехал к нему в жилье. Слеза сидит на лежанке и без головы. Ружье у него знаменитое было — три ствола, два дробью, а нижний нарезной для пули. Забил он патроны гусятником, снял сапог, дуло в рот взял, а большим пальцем собачки тронул. Ну и пальнул зараз из обоих стволов себе в рот. Кешка задумался. — Легкий был человек... Отчего убился? Кто его знает, видать от тоски, один был...

— Мы тут осенью соль сторожим,— лились разговоры Кешки.— За солками Тумуса, дальше в тундру, горы соляные есть. Большие горы, ух большие! Кто знает, откуда они. Осенью туда олени стадами приходят лизать горечь, мы их бьем. Вот скоро придут. А сейчас зверя били— нерпу, тюленя. Зима нынче лютая будет, морозы схватят крепко... Отчего же не взять с со-

бой на охоту. Возьмем, мешать не будете, если...

— Помню, я маленький был, — продолжал Кешка. — В этих домах трое жили, не дотерпели до весны — зацынжали. Последний, видать, совсем зря умер — солнце встало, а он не вынес — умер.

— Откуда ты это знаешь?—недоверчиво спросил Матвеич. Его начинало раздражать полное безразличие, с каким охотник

говорил о смерти. - "Врет, поди, запугивает что ли?".

— Вот он тут метку оставил, — Кешка подощел к одному из окон, вытащил из ножен ненецкий нож и, прежде чем кто-либо успел остановить его, соскоблил свежую краску с косяка. — Вот читай! Эту тамгу¹ не знаю...

На старом, почерневшем дереве отчетливо были видны буквы, очерченные глубоким овальным прорезом: "Солнце! Здесь

было солнце! 13 марта 191... сил нет!"

- И все умерли? - почти шопотом спросил Трегуб.

— А то как же.

* * *

Через три дня Кешка-Заяц, как и обещал, приехал на зимовку.

— Видимо-невидимо оленей идет к солям. На охоту кто по-

едет?

Вызвались Афанасьев и Даров. Никитин уговорил и доктора:

— Поезжайте, развлекайтесь, это полезно будет. Потом Кешка откочует от нас, и до весны уже такого случая не будет. А мы с Матвеичем сторожами останемся.

¹ Тамга — иероглиф, означающий подпись.

Кешку прозвали в тундре Зайцем за случай, происшедший с ним лет десять назад. В ту пору лютый мороз стоял — даже ку-

ропатки мерзли тысячами.

— О ту пору дивно было с ними, — рассказывали промышленники. — Идешь, глядишь — табунок сидит. Красться к нему зачнешь: сидят словно и не видят. Известно, куропатка — она глупая, людей не пужается, но все же. Шагов на двадцать подойдешь и бахнешь в кучу. Ан, сидят! Не падают, не улетают — сидят! Подойдешь, а птицу в руки взять нельзя — гольный лед. Стукнешь по ней — звенит, ломается. Во какой мороз висел!

Кешка поехал на лыжах проверить пастники. Только за стойбище выбрался, смотрит — навстречу заяц. Охотник за ружье, выстрелил. Заяц стоит, не шелохнется. Из второго ствола громыхнул — стоит заяц. Обозлился Кешка: как так — дробь его взять не может! Выстрелов десять дал, а потом вдруг страх охотника взял... Скинул Кешка лыжи, бросил в ужасе ружье и убе-

жал в стойбище.

Отец сначала понять ничего не мог: молчит, стучит зубами

Кешка и рукой куда-то показывает.

— Неужто медведь? — удивился отец. — Откуда ему тут? Да и парень не трусил перед медведями.

Кликнул отец на подмогу еще троих охотников и пошли они

по кешкиным следам...

Зайца потом сварили. Попробовал его отец, плюнул в горсть, подвинул варево Кешке и сказал:

- Ешь, сынок, наливайся свинцом, сукин ты сын.

А в зайце и в самом деле фунта полтора дроби застряло. Зубы поломать можно. С той поры стали Кешку звать Зайцем.

* * *

На зимовье Кешки-Зайца приехали, когда там было все готово. Возле избушки сидело человек пятнадцать волосатых, пахнущих гарью и ворванью, охотников.

— Только, ребя, из бухалок не палить, пока не крикнем, предостерег старик-зимогор.— Потом греми, сколько успеешь.

— Что это за охота, если стрелять нельзя, - горячился ра-

дист. — Арканом что ли ловить собрались.

— Зазывать будем нежными голосами, Саша, — смеялся Афанасьев. — У вас, Сергей Михайлович, кажется, проникновенный голос, баритональный тенор. Все оленухи к вам сбегутся. А нам

будет - увы!

Трегуб отмалчивался. Он теперь пожалел, что поехал на какую-то молчаливую охоту. "Обманом истреблять доверчивых животных будут",— негодовал он. Не нравился ему Кешка. Слишком просто и легко живет этот удачливый человек в Арктике. Он — Трегуб не так представлял жизнь в снегах. Ему казалось — люди здесь должны быть сурово-молчаливы, сдержанны, а этот Заяц очень уж шумен. Временами Трегубу казалось, что Кешка искренен, естественен. Метели и пурги, бездорожье и дикость — все, что несет за собой смерть, не пугают его. И он оправды-

вал его. "Не страшат же меня трамваи, троллейбусы", — рассуждал Трегуб. Но все же страна эта, как он себе ее представлял, не любит больших сборищ. "Коллектив в снегу — оскорбителен. Одиночки побеждают стихию. Одному легче. Вот Амундсен, Нансен, Скотт, Пири — герои-одиночки, и они были сильны не поддержкой извне, а внутренней силой". Поэтому он недолюбливал Кешку, который все делал сообща. "Фарисейничает! Храбрость его показная, наигранная. Вообще же он, должно быть, трусоват".

Пригнал на оленях гонец:

- Стадо идет к реке по оленной дороге.

— Опять нынче у Песцовой косы переплывать будут,— заключил старик.— Кому в покольщиках быть?

— Тебе, Кешке и Текки-Якуту, — в один голос назвали имена

охотники.

Старик, Кешка и коренастый Текки с раскосыми черными глазами взяли по длинному шесту с острыми наконечниками и

по короткой палке с привязанным к ней ножом.

До реки было недалеко. Остановились возле широкого быстрого брода. Противоположный берег был крут и обрывист, в воду с него только прыгать сразу. Другой берег долго и медленно сходил в воду, образуя песчаную косу. Сразу же за косой на берегу начиналось хаотическое нагромождение камниш, между которыми силились расти ползучие хилые ивы. Коса была не широкой — метров тридцать.

— Хоронись вот за эту гальку, - показал старик гостям на

огромный камень. - Курить бросайте, не гуторьте...

Тихо. Только изредка булькнет вода, потревоженная верткой водяной крысой, или хрустнет береговая осока, увядающая вместе с осенью.

Гул стада стало слышно еще издали. Скоро отчетливо можно было различить цоканье копыт и короткое хрюканье оленей. Показалась ветвисторогая голова вожака. Около него быстро вырос целый лес рогов. Стадо остановилось, тесно сбившись. Вожак вышел к самому обрыву, высоко поднял голову и прислушался, широко раздувая ноздри.

Уверившись в безопасности, вожак прыгнул в воду и, сильно работая ногами, легко поплыл к отлогому берегу. За вожа-

ком бросились в воду сотни оленей.

Этого только и ждали люди. Из-за камней выскочили охотники и, подбежав к воде, криками и выстрелами остановили испуганных оленей. Стадо устремилось вниз по течению.

Тут навстречу смятенным животным выплыли покольщики. Ехали они на легких лодках самоделках, потрясая в поднятых

руках поколюгами - смертоносными шестами.

Трегуб заметил, что Кешка — весельчак и балагур, преобразился. В нем не осталось и тени несерьезности. Рябое лицо его окаменело, глаза блестели. Он стоял в шаткой лодке прочно, спокойно ожидая грозного врага.

Кешка первым врезался в плывущий табун. Его утлая лолчонка исчезла среди тел и брызг. Над рогами виднелся только Кешка да высоко поднятая поколюга. Он быстро колол и рубил оленей с обеих сторон, впереди и позади себя. Не отставали от него и другие покольщики.

Река забурлила, по ней поплыли жирные кровяные круги.

Даров и Афанасьев бегали по берегу, стреляя в оленей, пытавшихся выйти из воды. Иногда они забывали про ружья и бро-

сались на диких животных с голыми руками...

Трегуба ошеломило это кровопролитное побоище. Шум нескольких сотен мечущихся оленей, предсмертное харканье раненых и умирающих, стук сталкивающихся рогов, обрызганные кровью покольщики, разящие с невероятной быстротой живот-

ных, крики людей на берегу кружили ему голову.

Отчаявшиеся в спасении олени неожиданно перешли в атаку на людей. Сильный рогатый бык кинулся навстречу своей смерти — на копье Кешки. Увернувшись от удара шеста, бык боднул охотника рогом в низ живота. Кешка охнул и сел в лодке. Бык тянулся к нему, оскалив желтые, стертые на ягелях, старые зубы. Еще момент, и они вопьются в плечо Зайца. Но Кешка ловок. Он снова вскакивает на ноги и ножом распарывает горло быка. Олень хрипит, бьется в воде...

— Вот ладно! — кричит в лодке Кешка.

Обезумевшая подруга убитого выбрасывает передние ноги из воды и, что есть силы, бьет лодку. Кешка летит в воду...

Вынырнул, озлился, подплыл к ближайшему оленю и ударил его ножом в затылок. Другого, третьего... Выбившись из сил, Кешка зацепился за рога сильного оленя и повис на них.

— Текки! — заорал он на убойщика, замахнувшего над оле-

нем поколюгу. - Текки, я на нем плыву. Слышь!

Текки услышал крик, смазал с лица липкую кровь, улыбнул-

ся и опустил копье.

Выбравшись из свалки, олень поплыл к берегу, волоча на рогах Кешку. Когда олень достал дно ногами и замотал головой, пробуя отделаться от рук охотника, Кешка всадил ему в бок нож.

— Вот ладно! — устало, но весело крикнул он в лицо Тре-

губу, бежавшему к нему на помощь.

Уцелевшие олени понемногу доплыли до пологих мест и скрылись в камнях. Вернулись на лодках старик и Текки. Их сменили другие охотники, чтобы поймать плавающие в воде туши.

— А здорово ты, Кешка, колешь, — похвалил восхищенный

Даров.

- Я что, вот у меня отец был. Тот, бывало, больше всех убьет и так бьет - олень сам идет на берег умирать. Потом за ним не плавать, не ловить в воде. Рану даст ему как раз, чтобы жизни до берега хватило.

Через час зимовщики возвращались на остров. Кешка вез на

своей лодке Трегуба.

— Сто двадцать оленей убили, — хвалился Заяц.

— И тебе не жалко убивать беззащитных оленей, — укорил

его Трегуб. - Я понимаю, убить зверя в борьбе один на один,

когда у вас одинаковые шансы...

— Э-э, паря,— остановил доктора охотник.— Думать так— голодом сидеть. У нас все так. Ты думаешь мы песца только ловушкой берем. Долго его по одному-то собирать. В нашей стороне— на Айюне— озера есть. Снег с них каждую зиму сдувает дочиста. Вот мы соберемся артельно да и гоним стадо песцов на озеро. Забегут они на лед и ложатся на брюхо— стоять немогут, когти на лапах большие. Тут его палкой и бьешь.

Он помолчал и затем добавил:

— У вас зимовка на мысу стоит. Мыс тот зовется Сердце-Камень. Пошто так зовется? Выжить там — сердце надо твердое иметь — вот пошто. Многие жили да редкие уходили. На острове том особый человек выжить может. Дурная слава о нем в народе ходит.

— A что?

— Богатый он, зверя полно, а мы там не живем. Я бы пошел, — дерзко выкрикнул Кешка, — да никто больше не терпит! А одному там страшно. Ты вот на зиму остаешься, смотри, держись за людей. Сердце у тебя, видать, мягкое, как снег, одному тебе здесь солнца не дождаться...

* * *

Кешка уехал. Зимовщики отдали ему последние письма на материк. Он обещал сдать почту в Нижне-Колымске. С ним порвалась последняя нить, связывающая далекий остров с Большой Землей.

Перед отъездом Кешка отвел в сторону Никитина и сказал,

кивая в сторону Трегуба:

— Маятный человек у тебя. Выживет — другим будет; одна-

о, прощай пока. После ночи буду здесь...

Полярная ночь нависла над морем, смешав тундру с небом постоянными метелицами. Беспрестанно плыл звенящий промороженный снег. Ветры проносились над домиками. К ноябрю зимовку доверху запорошило, спрятало в глубокий сугроб. В перерывах между метелями обитатели зимовки откапывались, прорывали в снегу туннель от входной двери на поверхность, отбрасывали снег от единственного окна в кают-компании, чистили дымоход. Окна в общежитии оставили занесенными.

— Незачем, все равно подряд темно, — говорил Матвеич. —

Под снегом теплее будет.

От жилого дома каждый раз прорывались глубокие траншеи

к метеоплощадке, к складу.

В темные сплошные ночи-дни пять человек несли свои вахты. Метеоролог Афанасьев бродил возле домов по веревке, захолоделыми руками, наощупь отыскивая приборы, и потом составлял синоптические характеристики подведения капризной арктической зимы. Даров отправлял эти сводки в Москву, Ленинград, Архангельск, Свердловск, и там донесения с острова Дальнего вместе с другими сводками полярных станций "делали погоду" для всей страны.

Вечерами в кают-компании было шумно и весело.

— Помню, в Ирбите пожар был,—всегда первым начинал Николай Афанасьев.—Вот полыхало!

— Послушай, Никола, неужели ты и там был? — спращивал

его кто-нибудь.

— Как же, я везде был. Так вот, пожар: горело училище. Так горело, что жители от жары в речку полезли. Ужас...

— Да ну!

- Дышать стало нечем.

— Кому? — врасплох спрашивал Даров.

— Как кому. Людям же...

— Да нет, я не про это спрашиваю. Кому врешь, говорю. Метеоролог бросался на радиста, и они долго возились, пока не вступался Матвеич.

— Ну-ка вы, козлы, я вот вам обоим сейчас.

Через минуту Афанасьев снова начинал:

- Павел Дмитриевич, почему нашего соседа— остров Домашний так назвали?
- Странные иногда названия прилипают не только к людям, но и к островам и городам,— объяснял Никитин.— Знаешь, например, отчего произошли названия Югорский Шар и Маточкин Шар.

- Вероятно, там перекат, мель.

— Многие так думают. А не так. Оказывается, корень слова не шар, а шарить. Шарить руками, искать. Поморы, первые прошедшие проливы, сбивчиво рассказывали о них потом, а компасов не было. Вот и ходили искать, шарить проливы.

— Ну, а остров Домашний?

— Какому-то соскучившемуся по дому исследователю этого острова показалось, что похож он на добрую домашнюю кастрюлю, в которой варятся всякие вкусные кушанья. Вот он и назвал его Домашним.

— А знаешь, Сергей Михайлович,— вступил в разговор Матвеич,— кто вам, сибирякам, город Читу выдумал. Мы — укра-

инцы.

— Это ты, Матвеич, того! — смеялись над ним.

— Верно, говорю, мы. Вот, когда заселялась Сибирь, слух о ней прошел — богатая, мол, земля, даром лежит. Поехали с Укранины ходоки посмотреть на сытую жизнь. Приехали. Верно, — вольготно жить. Срубили себе по избе, сразу вроде деревни выросло. Послали двух мужиков за семьями. Вернулись они в скором времени, слезли с чигунки, а кругом много деревень выросло. Одна на другую похожа. Стали они перед одной деревней и рассуждают: — "Чи та деревня, чи не та". Так и повелось — Чита.

— Сказка, Матвеич, — флегматично отзывался доктор. — Остро-

умная, но сказка.

— Тебе все сказки. Вот вы, сибиряки, обижаетесь на прозвище челдон, а я бы гордился им.

— Есть чем.

— А то как же, мил человек; челдон — человек, приплывший в челне с вольного Дона. Может, со Степаном Разиным бунтовал, а потом в Сибирь захоронился от плетей или плахи...

— По этой теории доктор наш — прямой потомок ушкуйных

казаков, - хохотал Афанасьев. - Здорово получается.

Трегуб обрывал остроту и уходил к себе. Зимовщики стали замечать — срывался Трегуб на грубости, дерзил, словно хотел обидеть человека. Часами просиживал он у радиоприемника, выискивая неведомо что в нескончаемых оперных ариях, лекциях, докладах и вальсах. Отходил от приемника еще мрачнее.

Однажды ночью начальник услышал тихий разговор в комнате врача. Никитин оделся и, стараясь не шуметь, подошел

к двери.

— Маленькая моя, не бойся меня,— нежно шептал Трегуб.— Не бойся, я не обижу. Ну не беги, зверенка. Вон какая ты нежная, как белка. Вот так мы с тобой и будем жить. Пусть нас забудут все. Пусть.

Никитин резко рванул дверь и, еще не привыкнув к свету,

щурясь спросил:

— Папиросами на ночь богаты? Дайте парочку.

Сергей засуетился, полез в карман брюк, силясь незаметно задвинуть ногой под постель блюдечко.

- Пожалуйста, берите больше, я не курю ночью.

- Я бы, конечно, не зашел,— пытливо вглядываясь в лицо доктора, сказал Никитин,— но слышу голос, думал вы беседуете с кем.
  - Да... Я разговаривал.

— Что-то не вижу собеседников.

— Крысу я... вот кормлю ее и к голосу своему приучаю. Через день доктор не нашел крысы. Матвеич подкараулил ее у блюдца и убил из "тозовки". Горю Трегуба не было конца. Он не спал всю ночь, сидел около норки, звал крысу самыми нежными именами, плескал в щель сладкое молоко, крошил сыр. Крыса не появлялась.

Доктор стал, было, сближаться с товарищами. Ему оказывали много внимания, окружали заботой. Но скоро он снова отшатнулся от друзей, завидуя радости их, когда сам ее не испы-

тывал.

2

Кешка-Заяц оказался прав. Зима выдалась наредкость злая и колючая. Морозы держались стойко. Снег спаялся в фирн—в снеговой лед. Верхняя корка гулко отзывалась на шаги. Лед возле острова распух и иногда оглушительно лопался. В глубоких двухметровых трещинах вода не показывалась. Море казалось промерзло до самого дна.

Старые моржевые отдушины, в которых раньше иногда появлялись блестящие щетинистые головы зверей с матово-белыми зубами, пустовали. Их запорошило снегом. Тюлени, моржи и нерпы отошли от острова в поисках менее толстого

льда, где легче и удобнее продышать отдушину— выход из воды на лед.

Белые медведи, лишившись охоты и пищи, озлобились. Все чаще появлялись они вблизи зимовки, влекомые голодом и раздражающими запахами снеди. Теперь и крохотная крыса стала казаться им вкусной. Нередко медведи с грохотом разбрасывали ледяные глыбы, гонясь за ускользнувшим леммингом.

На зимовке спали, когда со звоном упала в комнату оконная рама.

Никитин вбежал в кают-компанию полуодетый и, силясь рассмотреть что-либо в полумраке, крикнул:

- Кто здесь?

В ответ слышалось старательное сопение.

— Кто здесь?— снова крикнул Никитин и остановился. Крик, подхваченный ветром, зазвенел и замер...

Вбежал Матвеич с лампой, за ним Даров. Ветер дышал на

огонь, пламя колебалось, лампа чадила.

В черном пролете окна зимовщики с ужасом увидели огромную продолговатую голову медведя, рассматривающего людей с явным любопытством.

Даров торопливо вытащил браунинг и, почти не целясь, вы-

стрелил в зверя. Медведь заревел и исчез.

На рев раненого откликнулись с разных концов несколько голосов.

— Быстро закрыть дверь, стол к окну! — оживился начальник.

— Винтовки сюда!

— Что случилось?— тревожно спрашивал заспанный Трегуб, зябко ежась в полушубок.

— Боюсь — напали медведи. Зажечь свет! — командовал Ни-

китин. - Все ко мне!

— Не дрожите так, Трегуб,— начал Павел Дмитриевич, когда все собрались вокруг него.— Выходить ни в коем случае нельзя. Если их много— не успеем отстреляться, и они ворвутся в дом.

— А склады?

— Это уж как понравится гостям.

— Батюшки,— загоревал Матвеич,— там одного масла три бочки, шоколад... И окорока, окорока сожрут.

Дверь затрещала под напором тяжелых тел. Даров бросился

к ней и поднял револьвер, но Никитин остановил его.

— Александр, не стрелять! Все равно не убъешь, а злости прибавишь. Надо вот эту брешь сторожить,— указал он на окно. Даров опустил браунинг.

— Как я был прав, когда отговаривал расчищать все окна, вспомнил Матвеич.— Вот теперь бы передушили нас, как курей...

— Погодите, еще успеется, — медленно проговорил Трегуб. — Напрасные страхи, Сергей, — возразил Даров. — Снежная баррикада наша крепка. Погоди, мы еще покажем этим налетчикам, — воскликнул он.

— Надо звать помощь,— настаивал Трегуб.— Одни мы про-

— Что за паника? О какой смерти разговариваете вы, доктор?— Павел Дмитриевич взял его за плечо и, отозвав в даль-

ний угол, заговорил:

— Я согласен с вами, Сергей Михайлович, деля наши плохи. Но стоит ли так мрачно смотреть на это происшествие. Взять они нас не возьмут. Зачем же поднимать шум на Большой Земле.

- Надо требовать, нам обязаны помочь.

— Требовать! Вы чудак, нечего требовать помощи, она пришла бы к нам без требования. Но как притти? Откуда ее сейчас можно ждать? Из Москвы?

— Смотрите, товарищи, вот негодяи!— с горечью закричал Матвеич.— Эй, пошли к себе на лед, подлюги. Я вам!— и рвался

из дома.

На светлом небе играли сполохи. Блестел снег В рамке снегового переулка чуть виднелся край выхода из склада. Возле него копошились медведи. Сколько их собралось на пир! Разгоряченные дразнящими запахами, звери беспокойно переходили с места на место, вставали на задние лапы, взбирались наверх в лабазы.

— Пятьдесят три, пятьдесят четыре... тьфу, ты пропасть ка-

кая! - плюнул Афанасьев, так и не сосчитав медведей.

Видневшиеся звери были, видимо, неудачниками, которым не посчастливилось забраться в склад. Ропща и негодуя, ожидали они своей очереди, злобно рычали, нетерпеливо рыли снег длинными когтями лап.

Из-под сугроба, наметенного над складом, доносился рокочущий рев, треск ломаемых досок, звон посуды.

— Вот драчка у них идет!— не удержался Афанасьев.—Шо-

колад делят, ребятки.

Бледный, расстроенный Матвеич узнавал в этом шуме стуки ка-

док, корзин, банок.

— Ах, ворюги!— печально повторял Матвеич.— Ведь это они монпансье в банках кончают.— Старик злобно ерошил моржевые усы и рвался в окно.— Павел Дмитриевич!— кричал он,— фанерный ящик из-под папирос сгинул. Курева не будет. Вот шкоды!

Медведи у входа заметно оживились.

Из траншеи показался мешок, который зверь нес на загривке, как заправский грузчик. Медведь, стоявший на верху сугроба, пропустил ношу около себя, потом быстро нагнулся, схватил пятипудовый мешок обеими лапами и поднял над стаей. Обиженный зверь неуклюже полез на сугроб отнимать свою добычу. Не дождавшись его, обидчик поставил мешок на сугроб и полоснул лапой: из прорехи на поднятые медвежьи морды, пыля и клубясь, посыпалась мука.

— Крупчатку добыли! Вот шкоды! - горевал повар.

Звери чихали и фыркали, расходясь от сугроба. Даже обозленный противник сразу стих, гнев его потух и он, медленно пятясь задом, сполз с сугроба.

Один за другим выбегали из склада звери, унося добычу. Вот выскочил перемазанный в икре, побуревший от рыбьего жира, зверь, волоча бочонок с сельдями, другой выбрался, опоясанный, как пулеметными лентами, вязанками кренделей. Третий вынес мешок сухих овощей. Овощи рассыпали под ноги и втаптывали их вместе с крупчаткой в снег.

Обладателей богатств встречали у входа голодные медведи,

кидались на продукты, рвали, дрались.

Большая медведица вытащила в зубах жирный окорок и, счастливо обойдя заграждение, прилегла под самым окном доедать добычу. Матвеич, чуть не плача, попросил Никитина:

— Начальник, можно эту грезу¹ свинцом угостить?

— Вряд ли этим отгонишь их, а попробовать можно. Давайте, друзья, залпом. Только не дробью, — остановил он Матвеича. —

Дробь еще больше обозлит их.

Стреляли очередями, залпами, поодиночке, но голодные медведи не пугались выстрелов. Они не обращали никакого внимания на винтовочный грохот и, спокойно перешагивая через трупы, лезли в склад. Раненые, обожженные пулями, искали виновников своих болей, ревели о мщении. Выстрелы привлекли внимание осаждающих: теперь звери во что бы то ни стало хотели попасть в дом. В темном снеговом коридоре, ведущем к входной двери, толпились десятки медведей.

* * *

На третий день осады Матвеич объявил:

— Последнюю консерву открыл из моей кухонной кладовки. Табурет разобью и суп согрею. А потом оленьи дохи есть будем.

Осада изнурила островитян. Усы Матвеича больше не топорщились кверху, обвисли, спутались. Трегуб бродил по холодным комнатам, как мертвец: осунувшийся, бледный, с лихорадочным блеском в глазах. Обросший седеющей бородой Никитин постарел за эти дни на несколько лет. Давно немытые руки и лица зимовщиков лоснились.

— Исполняющий обязанности Маркони по острову Дальнему

совсем завял, - трунил над Даровым метеоролог.

— Да и у тебя, Коля, вид изрядно подержанного чемодана —

грязен и помят со всех сторон.

— Утомили, понимаете, зверюшки. Главное, они на виду кушают. Совесть у этих медведей, должен я вам сказать, баранья. Новый взрыв возмущения отвлек их к окну. Матвеич ругался:

— Последнюю надежду кончают, ей-пра! Смотрите, как на-

ловчились консервы жрать.

• Опустошив в складе все, что поддавалось зубам, хищники принялись за консервы. Блестящие банки определенно пахли съедобным. Жесть под острыми зубами поддалась — из отверстия пахнуло мясом. Медведи жадно хватали банки в рот, силясь раскусить их. В теплой пасти жир и замерэщий сок таяли и вытекали на язык. Секрет был открыт, белые банки получили

1 Греза — блудня (сибирский говор).

широкое распространение. Медведи прокусывали жесть и, отогрев банку во рту, с причмокиванием сосали.

-- Ловко придумано! -- одобрительно воскликнул Афанасьев.

— А нам жвачку в банках оставят. Лов-ко, лов-ко, — передразнил его Матвеич.

Тревога охватила людей.

Ночью началось самое страшное. Звери добрались до винных запасов, раскидали ящики, разбили бутылки с коньяком, ликером, наливками и пожирали сладкий, пропитанный алкоголем, снег.

Голодные они не были так опасны, как опьяненные. Вспыхнули воинственные кровопролитные драки. Какая-то пьяная стая стала нагло и настойчиво ломиться в дом. Никитин, Матвеич, Афанасьев и Даров стреляли по ошалевшим, рычащим медведям из винтовок, дробовиков, револьверов, но остановить зверей казалось невозможно. Еще час и силы людей иссякнут.

Трегуб в начале битвы убежал к себе в комнату, зарылся в подушку и плакал навзрыд. Он слышал элобное рычание медведей, слышал сквозь грохот выстрелов, как трещат расшатанные двери и звериный рев становится с каждой минутой оже-

сточеннее...

Сергей вскочил с кровати, пробежал мимо своих товарищей и вбежал в радиорубку. Аппарат был знаком ему. В начале зимовки Даров учил Сергея приему и передаче сводок. Делалось это на случай болезни радиста. Теперь случай представился. И какой случай! Он не может больше молчать, все должны, наконец, знать о трагедии на мысе Сердце-Камень.

Вот ключ, вот — земля, антенна... Скорей!

В наушники послышалась какая-то музыка. К чорту музыку! Он взялся за ключ...

И тогда под медвежий рев и грохот винтовок в эфир понеслись тревожные три буквы, говорящие об опасности, о смерти, просящие о помощи:

"SOS!.. SOS!.. SOS!.."

"Спасите наши души".

"SOS!.."

"Спасите наши души"...

Станции, принявшие сигнал, мгновенно прекратили всякую передачу, перейдя на прием.

"Спасите наши души"...

Сотни радистов застыли у аппаратов, слушая сигналы бед-

"SOS!.. SOS!.. Говорит полярная станция Сердце-Камень. Говорит остров Дальний. На зимовку напали белые медведи. Белые медведи (много точек, рука Сергея дрожит) разбили склад, врываются в жилой дом (Сергея лихорадит). Скоро конец... помогите...

Прошел час, облизнув высохшие губы, Никитин отдавал последние распоряжения радисту:

— Собери все документы у себя в рубке. Ружья, патроны туда же. Будем отступать...

Но в тот момент отворилась дверь радиорубки. Из комнаты вышел Трегуб, на глазах его блестели слезы, руки дрожали.

— Что... что? — бросился к нему начальник.

— Телеграмма из Белого моря с зверобоя, с норвега.

Буквы прыгали в глазах Никитина и сердце учащенно билось, когда он читал слова спасения: "Остров Дальний! Дальний! Камрад, используйте петарды, используйте ракеты, ракеты... ракеты, петарды. Рот-фронт!"

— Матвеич, Сашка! — совсем весело, звонко закричал вдруг Никитин. — И надо было нас сожрать. Давайте ракеты! Мы им

сейчас такой фейерверк устроим. Ракеты!

Встревоженное лицо Матвеича озаряется счастливой улыб-

— Эх, дурья моя старая голова! А еще в тайге жил. Про

огонь забыл. Замени-ка меня, Сережа, мигом я.

Матвеич притащил охапку хвостастых ракет. Он первым прижег от свечи фитиля ракету и направил ее в окно. Обжигая старику руки каскадом искр, ракета вдруг прыгнула в окно, скользя, ударяясь и юля, как ящерица. За ней носилась струя огня, поливая медведей. Забившись в самую груду стаи, ракета оглушительно разорвалась, обсыпав зверей ослепительными нитями разноцветных огней.

Медведи растерялись, замолкли.

Вслед за первой кинулись в окно другие, непонятные, страшные огненные противники. Они пробирались под ноги, проскальзывали возле самых морд, вертелись в стае, сновали над головами, проносились с угрожающим напряженным шипом. Грозно разорвавшись, они распадались на миллионы брызг обжигающего огня и сеяли страх. Запахло горелой шерстью.

Страх обуял зверей. Они ринулись в бегство, беспорядочное, паническое, страшное. Медведи давили друг друга, толкались,

грызлись, обезумев от ужаса и отчаяния.

Зимовщики быстро разбросали баррикады и распахнули дверь. Струи огня полились в снеговую берлогу. Подбежавший Трегуб разрядил вдогонку медведям обойму. Один из беглецов упал, загородив выход. Через него неслись обезумевшие от страха сородичи, безжалостно топча и раздирая когтями раненого. Медведь ревел, и рев его, отчаянный и последний, еще больше пугал животных.

— Наддай, ребятки! — кинулся по проходу Матвеич, находу зажигая фитили ракет папиросой и бросая их вслед медвелям...

...Разгром склада оказался настолько серьезным, что перед обитателями острова встала угроза голодовки. То, что четвероногие грабители признали несъедобным, было ими уничтожено. Они не оставили в целости ни одного ящика, бочки, банки. Даже пятидесятилитровая бутыль из-под керосина была опрокинута. В лужах керосина плавали макароны, крендели, печенье, конфе-

ты, пачки папирос, объедки копченой колбасы, спички. Старик Матвеич печально бродил среди разбитых ящиков и, чуть не плача, причитал:

— Одного масла сливочного три бочки слопали, а какие ма-

ринованные огурцы и грибочки были. А...

Из консервов уцелели сардины. Не разбились толстые бутылки из под соусов, приправ и шампанского. Муку Матвеич собирал горстями вместе со снегом, с примесью сушеной капусты, моркови и разных круп. Испеченный хлеб отчаянно вонял

керосином и уксусом.

За самовольную подачу сигнала бедствия Трегуб отсидел три дня под домашним арестом. Никитин послал на Большую Землю обстоятельную депешу о происшествии: "Полярный год зимовка, несмотря ни на что, закончим успешно, — заканчивалась депеша. — Мы бодры и уверены в победе. По поручению коллектива начальник Сердца-Камень Павел Никитин".

Несчастье сдружило людей. Хуже оказалось с Сергеем. После ареста он заметно опустился, бросил брить бороду и еще больше

дичился.

В середине апреля остров ожил, поднялось от спячки солнце, в снегах проснулась жизнь. Зимовщики обрадовались весне. Можно было потушить чадные фитильники из медвежьего сала и охотой разнообразить скудное, незатейливое меню.

Обрадовался солнцу и Трегуб. Он брал винтовку и уходил

к морю на круглый каменный мыс, прозванный Сердцем.

Апрельский липкий ветер с юга дышал запахами тепла и зелени.

Трегуб вскакивал и убегал прочь с мыса в снежную пустыню. Она успокаивала его своей нетронутой тишиной, в которой, чудилось ему, нет ничего раздражающего, обидного для человека. Он садился на снег и сидел молча, не думая ни о чем...

3

Матвеич был особенно суматошлив и торжественен. Трегуба раздражала его суетня. Прислонившись к шкафу с книгами, он безуспешно перебирал переплеты книг, не находя того, что искал. Мериме, Пруст, Короленко, Гете — мелькали названия... Давно нечесанные волосы Сергея скатались клочьями, смятый форменный китель застегнут небрежно.

- Чего ты сегодня особенно жить торопишься, бренчишь,

как плохой джаз? Побьешь остатки посуды.

— Черед хочу отвести, накормлю, а завтра постовать будете

или медвежатину кушайте.

— Бр-р, — поморщился Трегуб. — Опять есть эту гадость. Я провонял ей, как тюлень рыбьим жиром. Нельзя ли чего другого, Матвеич?

— Некогда будет, Михайлыч, — к завтрашнему банкету гото-

вить надо что-нибудь.

— Неужели банкет затеваете?

— Как же, мил человек, такой праздник

Underson Polygop.
Clychemian becauses

TEXAMINE THE TEXAM

— Прямо с ума сошли люди,— эло ощетинился доктор.— Ну кому нужен наш банкет?

— Сам здоров ли, Сережа? — оглядел старик запущенную

фигуру Трегуба.

- Я... Здоров, вполне. А вот за вас опасаюсь.

— Эх, Михайлыч,— с укором заговорил старик.— Смотрю я на тебя и думаю, кто тебя подменил. Восемь месяцев жили дружно, а тут, на тебе, трещинка появилась. Маленькая трещинка побежала и трещинка эта — ты, Сережа.

Трегуб поежился.

А, брось, старик!

— Я и бросить могу, — ласково настаивал Матвеич. — Только подумай, Михайлыч, над трещинкой. Она всю зимовку разломить может. После оказии с медведями совсем чужой какой-тостал. Сторонишься нас, на берегу один тоскуешь, нехорошовыходит.

Злость взяла Трегуба: "Какое им дело".

— А вы поочередно следите за мной, в душу лезете, — почти

закричал он. — Оставьте меня в покое, дайте быть одному.

— Одному здесь, Михайлыч, нельзя. Одного сразу задавит тоска. Одному не совладать с ней. В груде легче. Вот и сегодня утром брыкнул на всех и ушел. А ты думаешь нам за тебя не тяжело? Тяжко, милок. Сегодня такой день, под Первое мая, а ты на дыбы встал.

Доктора неожиданно прорвало:

— Тяжело, Матвеич,— заговорил он,— скука, одиночество давят. Особенно сегодня. Пойми, Матвеич, ты пойми только, сколько радостей сегодня у людей на Большой Земле. Весна! Сколько красоты скрыто за этим простым словом. Мы его даже перестали чувствовать там на юге. Только здесь и научишься его понимать. У него даже вкус есть, Матвеич, вес-на! Чуешь, Матвеич, запахло черемухой, сиренью. Пахнет землей, вспаханным густым черноземом, навозом. А у нас, старина?— он порывисто подбежал к окну и показал на сугробы, видневшиеся за стеклом, разрисованным трепетным узором мороза.— Посмотри на нашу весну: лед, снег, холод. Кругом холод. И на душе чертовский холод.

Вошел морозный, закуржевелый Никитин: на поясе висели куропатки. Поставив ружье у двери и отряхая снег с себя, Ники-

тин спросил:

— А где остальные?

- Ребята на вахте, ответил Матвеич.
- Ух, и намучился же я, доктор,— ежась и потирая руки, рассказывал Никитин,— ноги даже мозжат. А хорошо! Пуржит только немножко, а так хорошо. Ну, шеф-повар, скоро ли вечерять будем?

- Сейчас будем. Что-то ты проголодался, видать: светлынь

на дворе, а ты вечерять собрался.

 Теперь эту светлынь не переждешь. До зимы темноты не увидишь. В этой стране все так: нет так уж нет. Ну зато ежели есть что, так уж есть — полно, доотказу! Щедрая, прекрасная страна.

— Куда ты, Сергей? — остановил Трегуба вошедший Даров.

— Так, -- скрываясь за дверью, ответил тот.

— Вот хандра! Телеграммы я все передал, начальник.

И сводку?И ее, конечно.

- А обед, Сергей?— снова спросил Даров у Трегуба, собравшегося уходить. Кутая лицо в воротник шубы, доктор глухо ответил:
- Я сейчас вернусь. Вы... кушайте без меня, товарищи, желудок что-то пошаливает. — И ушел.

Подавленное настроение его передалось остальным. Молча уселись за стол. Как всегда шумно ворвался в комнату Афанасьев.

- Ого, все в сборе.

- Классный наставник явился,— обрадовался ему Даров.
   Как ваша капризная девица-погодка? Надула губки или улыбается?
  - Погода обещает не подвести, маевка выйдет преотличная. — Матвеич,— вспомнил Павел Дмитриевич,— флаг сделал?

- А как же, сделал живой рукой.

— А где Трегуб, наша великая печаль?

— Небось, снова на скалы пошел, к морю, — за всех ответил Матвеич.

И обед прошел в молчании. В конце его появился сумрачный доктор.

— Надо нам вторично вмешиваться,— серьезно начал начальник.— Человека оставлять одного нельзя. Этак он опять чтонибудь вроде крысы выдумает.

— Да, дело с ним плохо. Позавчера застал я его на мысу. Сидит, песни поет. Да так поет — душу выматывает, хуже, чем

метель.

— Если мы его не поддержим, свихнуться может. Надо дать ему почувствовать, что он не одинок, внимательно относиться к нему и, главное, — не оставлять одного, наедине со своими мыслями. В коллективе он легче перенесет кризис. — Никитин помолчал. — Между прочим, его хандра — вещь, которая сопутствует почти каждому, впервые зимующему в Арктике. Особенно в его летах. Совсем молодые ребята легче переживают оторванность и одиночество. Вон вы какие орлы! Верно? — с улыбкой взглянул он на радиста и метеоролога.

Афанасьев принял шутку:

— Я — действительно орел. А вот Кренкель частенько над портретом какой-то девушки страдает. Да ты не красней, Кренкель. Как зовут-то ее?

Орел-то ты орел — это правда...
Я об этом же и говорю тебе.

— ...только стервятник, — докончил Александр. В мертвый час Никитин начал разговор с Трегубом:

— Жить в нашей стране, Сергей Михайлович, и не чувствовать, как о тебе заботится родина—это значит ничего не чувствовать. Даже о нас, заброшенных в самые отдаленные точки страны, думают постоянно. Тем более сейчас, когда мы растревожили всех своим сообщением. Думают много, с тревогой и верят нам. Они знают, что у нас коллектив, а коллектив (если он, конечно, дружен и здоров) победит все.

— Ну, едва ли о нас лично, Павел Дмитриевич, думают. Мало ли таких зимовок. Думают, конечно, близкие нам, а так — никто

больше, - не сдавался Трегуб.

— Милый доктор, уверяю вас — думают. Мы принадлежим к общей жизни всей нашей страны. Мы — какой-то маленький нерв этой жизни.

Вдруг в кают-компании раздался неистовый радостный крик

радиста:

- Самолет! Товарищи, ура!

Опрокидывая стулья, хлопая дверями, зимовщики сбежались к Дарову.

— Где?

- Что орешь?

Радист протянул журнал:

- Вот... Летит.

Остальные настороженно ждали, пока начальник читал, а когда увидели, как этот большой спокойный человек растерянно вытер пот со лба, поняли — случилось нечто огромное.

— Самолет, — глухо повторил Никитин. — К нам летит самолет? Будет через три— четыре часа. Нужен аэродром, то-

варищи.

— Прочтите телеграмму, — попросил недоверчиво Трегуб.

"Мыса Челюскин тчк Мыс Сердце-Камень тчк Срочно сообщите возможность посадки острове самолета специального назначения тчк, — голос Никитина прервался. — Пилот ждет ответа на нашей зимовке тчк Радируйте через час."

* * *

Поиски аэродрома не увенчались успехом. Ровная гладь снега прятала под сугробами груды черных камней и зеленого морского льда. Пуржило.

Молчаливые, усталые, обсыпанные снегом, вернулись в дом,

и Никитин, стараясь быть спокойным, чужим голосом сказал:

- Товарищ Даров, запишите в журнал телеграмму.

Сердца перестали биться, когда он начал диктовать лаконич-

ную телеграмму:

— Мыс Челюскин. Аэродрома острове...,— запнулся, не находя сил сказать того, что не хотелось,— нет. Посадка невозможна. Вблизи зимовки в бухте ропаки. Пожмите от нашего имени руку храброму пилоту. Привет. Никитин.

И, словно не надеясь на свое благоразумие, добавил:

— Отправьте скорее, сейчас же. Слышите, Даров, — немедленно! — Есть, товарищ начальник, — в дверях рубки ответил радист. Подавленный ушел Трегуб в свою комнату. Неслышно исчез из кают-компании метеоролог. У них отняли радость. Нет, они сами отказались от нее. Разве не хотелось тому же Никитину получить письма и после девятимесячного одиночества увидеть свежего человека. О, очень хотелось.

Начальник потрепал Матвеича по плечу.

- Тяжело, старина, да. Сами себе приговор вынесли. Ну, ничего. Время еще есть, и, глядишь, не один самолет прилетит к нам.
- Верно, Дмитрич. Чего человеком зря рисковать. Вдруг ковырнется. Федор рассказывал, как мало надо самолету, чтоб гробануться.

— Где он сейчас летает? Опять на Дальнем Востоке?

— Писал, обещали перевести куда-то. Не знаю, где он. Да, чать, на севере.

Никитин вынул часы.

— Первому мая пошел первый час... Все ли у тебя готово к банкету?

— Как не все. Все!

— Тогда давай соснем, старина. Спокойной ночи. Укладываясь спать, старик еще долго ворчал:

— Хороша ночь — светлынь такая. Ночь теперь, крадучись, за морем ходит.

Затих и этот шопот. Зимовка погрузилась в успокаивающий

сон

* * *

Ранним, неожиданно ясным утром, когда молодому маю не минуло еще и пяти часов от роду, над островом замурлыкал мотор машины. Самолет прошел в первый раз высоко, и никто не встретил его, люди спали, только красный флаг, вывешенный заботливым Матвеичем над входом в дом, приветствовал оранжевую птицу. Сделав круг, аэроплан поплыл над зимовкой ниже.

Первым услышал рокот мотора Матвеич. Он не поверил ушам, оделся и вышел на улицу: прямо над зимовкой висел силуэт самолета. Растерявшийся старик ворвался в дом и, схватив для чего-то двухстволку, закричал:

- Гусак! Ей пра, гусак! Эй, эй! Ребята, машина шпарит,-

и выбежал на улицу.

— Эй, эй, гусак!— продолжал кричать Матвеич, махая руками.— Эй, гусак! Хлюпай сюда, милый. Давай, давай, беспрестанно повторял он, словно с самолета его могли услышать.

Дверь жилого дома раскрылась настежь и из нее стали поочередно выбрасываться необычайные люди: начальник без шапки, в одной сорочке и в меховых собачьих чулках, радист в резиновом плаще, в ночной пижаме и в комнатных туфлях на босую ногу, Трегуб в рыжей моржевой шапке, в дохе, в трусах и сапогах и Афанасьев, застегнутый кое-как.

— Давай, давай! — кричал Матвеич и вдруг неожиданно гро-

мыхнул дуплетом.

— Перестаньте, Матвеич, что вы делаете?— очнулся Никитин, котя и самого так и подмывало выкинуть что-нибудь радостное, мальчишеское.— Надо быстро на видное место выложить крест... Иначе катастрофа! Живо, друзья. За мной!

И они побежали по сугробам как были одеты, кто в чем. Отбежав от домов метров шестьдесят, побледневший Матвеич

опустился в снег и с отчаянием прошептал:

— Не могу больше... Загорелся я, братцы. Эх, ты старость подлая! — Он пробовал подняться, но только беспомощно барахтался в сугробе. — Да что же это в самом деле...— и заплакал.

А самолет продолжал снижаться.

— Ложись, Дмитрич, — закричал старик. — Ложись! Не садись, гусак, не садись! Я нарочно звал гусака.

Выбежав на чистую ровную площадку, Никитин медленно лег

на снег во весь рост.

- Скорей, Саша, милый, - сквозь шум в ушах слышал он

крик Матвеича. - Скорей ложись, ребятки.

Около головы Никитина очутилось потное растерянное лицо Трегуба. Доктор жарко дышал и, видимо, многого не понимал, как и не чувствовал, что лежит в снегу в трусах. Даров и Афанасьев дополнили знак — крест.

Все четверо перевернулись на спину и жадно следили за машиной. На этот раз самолет шел бреющим полетом совсем низко. Отчетливо были видны оранжевые бока и грудь аэроплана, огромные буквы на крыльях и номер на фюзеляже.

Из кабины летнаба махали руками. Кто там, кто тот счастливец, который еще десять дней назад был в Москве, бродил

по ее улицам, встречался с родными?

— Машина Севморпути из отряда "Авиаарктика", — размазывая по лицу густую кровь из носа, ни к кому не обращаясь,

сказал Трегуб.

На самолете, видимо, поняли знак, да и вряд ли пилот надеялся на аэродром, потому что, делая круг над полярной станцией, из машины выбросили вымпел с внушительным свертком. Потом второй, третий. Затем летчик прибавил газ, мотор залился, исчез в невидимом разбеге пропеллер и машина взяла курс на юг, на Большую Землю.

Зимовщики бросились к вымпелам.

* * *

В двух свертках, сброшенных с самолета, оказались фрукты, папиросы, масло, варенье, консервы, печенье.

Матвеич восторгался:

— Вот теперь банкет будет! Смотрите, груши какие — поро-

сята, а не овощи.

На последнем пакете стояла лаконическая надпись: "Почта". И сразу же все внимание приковалось к нему. Руки потянулись к мешку, к ремням, к лентам вымпела и нежно, любовно ощупывали сверток.

Давайте скорее!

— На пол клади.

— Вот ножик.

Никитин лег на мешок, прикрыл его собой и предложил:

— Доверьте мне вскрыть и раздать каждому, что ему принадлежит. Это ускорит дело. Договорились?

Пачка писем очутилась в руках метеоролога. Он взглянул на

адрес и передал Дарову:

— Маркони, тебе какая-то Княжева пишет. Это не та, что на портрете?

Даров выхватил письма и кинулся в рубку.

— Ишь, будущий князек,— добродушно смеялся Николай, по княжески жадный. Побежал один переживать девичью тоску.

- Коля, тебе от матери. А это вам, доктор.

— Дочка, честное слово дочка,— взволнованный Трегуб протянул письма к Никитину.— Смотрите, Павел Дмитриевич, она каракули поставила на конверте. Милая, родная моя...

— "Правда", "Известия"!— восторгался Никитин.— От 27 апреля "Правда", еще семь дней назад она была в Москве! Вот

это свежье... "Огонек" - апрельский номер! А это что?

Он быстро вскрыл продолговатую узкую коробку. Из нее выпала записка. Никитин прочитал: "Доктору Трегубу посылаем взамен сломанной новую трубку для выслушивания".

— Сергей Михайлович, из политуправления вам трубку при-

слали. Вы просили?

— Нет. Правда, я писал, что еще на пароходе сломал стетоскоп, смеялся, что вот, мол, теперь нечем будет слушать чужие сердца. Это письмо увез Кешка, помните, осенью.

— Видите, как относятся люди к своему товарищу в Арктике:

пустяк, а запомнили.

— Это очень трогательно, Павел Дмитриевич. Я не нужен здесь. Пойду читать письма.

Наблюдавший радость товарищей, Матвеич не вытерпел и со

вздохом сказал:

— Эх, ребятки, всем есть, только мне нет ничего...

— Как, Матвеич, — схватил в руки охапки газет и журналов Никитин. — А это — все. Это же наше, общее. Здесь жизнь целой страны! Нашей страны! — Из-под рук у него с шелестом птичьих крыльев падали пахнущие краской газеты. Никитин сел на пол.

— Ух, сколько радости сразу. Так ведь и, действительно,

сердце может не вытерпеть.

— Ничего, Дмитрич, от счастья не умирают. Сердце-то у нас

не простое - каменное - крепкое. Верно, Коля?

- Сердце наше камень, это ты верно сказал, Матвеич. Но посмотрите, товарищи, как время летит. Шесть часов. Спать некогда, вставать пора. А что, Павел Дмитриевич, не сейчас ли нам начать банкет? Спать—не уснешь, а читать успеем до ледокола далеконько.
- Верно, Дмитрич, одобрил Матвеич, а на демонстрацию после выйдем.

— А у тебя все готово?

- Чего не было - прислали.

- Идет. А ну, Коля, поможем Матвеичу приготовить стол.

* * *

Звонок Матвеича, означающий начало первомайского банкета, созвал к столу только троих: Никитина, Дарова и Афанасьева. Не было доктора.

— Чего он там, нетопырь?— и Матвеич пошел звать Трегуба. — Михайлыч! Сережа, до дыр зачитаешь. Иди, ждем ведь...

Дверь медленно открылась. Матвеич, глянув в нее, так и не кончил фразы. Слова застряли у него в горле. Из комнаты появился блестящий, торжественный Трегуб, в белоснежной сорочке с крахмальным воротничком, в ярком пышном галстуке, в сером костюме. Давно нечесанные волосы лежали в строгом проборе, на гладко выбритом лице сияла улыбка. Заметив всеобщее внимание, Трегуб смущенно остановился.

— Эк тебя корова облизала, ну и нетопырь, - обрел, нако-

нец, дар речи Матвеич.

— Эт-та д-а-а! – присоединился и Даров.

Афанасьев выскочил на середину комнаты, стал на колени и приложил к глазу воображаемую "лейку":

— Не трогайтесь с места, не портите кадр, доктор. Спокойно,

снимаю.

Начальник был выбрит, он взглянул на остальных: они виновато ерошили густые бороды, одергивали небрежные костюмы.

— Есть предложение,— начал Даров,— отложить начало первомайского банкета на полчаса для стрижки и брижки.

— Для культурности вида, — поправил метеоролог.

Улыбаясь, Никитин приказал:

— Приказываю всему составу станции немедленно побриться.

— Нет, уж этак нельзя, как хотите,— запротестовал Матвеич.— Остынет ведь все.

— Не остынет, Матвеич, а потом с этим горячим, — щелкнул

по шампанскому Никитин, - все пройдет.

Оставшись наедине с Никитиным, Трегуб долго не решался начать разговор, но поборол себя и окликнул занятого чтением газет начальника:

— Павел Дмитриевич!..

- Слушаю, доктор.

— Вы, вероятно, давно сердитесь на меня. Я хотел бы...

— Сережа, хватит. Я знаю, как бывает тяжело рассказывать людям свое личное, только свое. Не надо, доктор. Не надо об этом. Я все отлично понимаю, давно вижу, чувствую. И, говоря откровенно, давно ждал этого разговора. А раз вы его начали, значит, все в порядке. Перебороли вы себя и хорошо. А рассказывать, как да что, да почему — не надо. Все мы в душе немного лирики, любим погрустить, помечтать. Но не отчаиваться! Арктика не переносит размягченных, изнеженных сердец. У нашей зимовки в этом отношении символическое название — Сердце-Камень.

И вовсе это не значит, что мы должны быть бездушными и черствыми. Нет. Только собрать себя всего надо.

- Я был свиньей, Павел Дмитревич...

— Ну, каков я!— вбежал помолодевший Афанасьев.— Не парень, а подарок девушкам ко дню рождения.

— Молодец!

— Ай-да старикан!— захохотал метеоролог, увидев входившего Матвеича.— Ну и кокетка! Усы торчат, рубаха новая, блестит, как морж. Теперь тебя только облизать осталось.

— Да ну тебя, сваха что ли, — отбивался старик. — Отстань,

смола:

— Нет, погоди, сейчас тебя разоблачим,— не отставал тот. Подойдя к столу и заглянув в кастрюлю с жарким, он трагически всплеснул руками.— Ну да! Так я и знал! Так оно и есть!

— Чего опять? — растерялся Матвеич. — Волосок что ли попал,

Коля? Замучился я с ними, ей пра.

— Волос, — грозно кричит Николай. — Какой там волос. Где сало, спрашиваю? Где наши жиры?

- Как где? Тут, сколько есть. Сам знаешь, куропатки к

весне худеют, свадьбы зачинают играть...

— Что ты нам голову морочишь, старик. Увы, нам, увы! Все сало себе на волосы извел, а теперь и не мудрено— о свадьбах заговорили. Увы, нам, увы!

— Николка, я тебя, кажется, сейчас бить начну.

— Это тебе только кажется, Матвеич.

Они весело рассмеялись. В первый раз искренне и весело

смеялся Сергей.

— Александр, живо!— Никитин налил искристого вина. — Банкет начинается, друзья. Я предлагаю тост за нашу великую родину. За великую, славную и чуткую родину! Я пью за цветы... за то, что где-то сейчас на Большой Земле люди бросают в землю зерно... Я пью за сирень, которая расцвела...

Никитин заметно волновался. Волнение его было понятно каждому. Даров, войдя в кают-компанию в самый разгар тоста, не решился помешать этому мужественному человеку рассказать, как он умеет, о своем большом сердце. Он остановился, незамеченный никем, за шкафом, на котором стоял репро-

дуктор.

— Я поднимаю бокал за ребят, играющих в теплом песке, за молодежь с улыбками, которая пройдет на парадах... Я говорю, кажется, бессвязно... Может, это и есть волнение. Пусть, я не стыжусь его. Пять лет я живу в снегах, каждый год готовлюсь к этой торжественной минуте и каждый раз... речь не выходит. Что-то подкатывает вот сюда... друзья.

Даров быстро сделал рупор из журнала, который нес начальнику, спрятался за шкаф и, подражая хрипу репродуктора, заго-

ворил:

— Алло! Алло! Слушай нас, Арктика.

Все рванулись к черному кругу на шкафу.

— Говорит Москва! Говорит Москва! Радиостанция Главсев-

морпути через радиостанцию РВ-1 имени Коминтерна. Вызываем зимовку мыса Сердце-Камень.

Настала мертвая тишина, слышались короткие стуки карман-

ных часов.

— Вызываем начальника зимовки Павла Дмитриевича Никитина. Товарищ Никитин!..

Никитин шагнул к репродуктору.

— Приказом по Управлению сего числа вам объявлен строгий выговор...

— За что? — тихо спросил начальник зимовки. — За что?

Смех душил Дарова.

— За... плохую речь на первомайском банкете, — закончил

он, выходя из-за шкафа.

Островитяне вволю смеялись над проделкой своего товарища, а Никитин только улыбался, вспоминая, как он пробовал вступать в пререкания с Москвой.

Вот, начальник, телеграммы с острова Уединения и Диксона.

— Читайте вслух!— Что сообщают?— Тише, тише!

"Остров Дальний, — читал Никитин. — Дорогие товарищи полярники, поздравляем вас с великим пролетарским праздником Первое мая. Желаем успехов, бодрости, здоровья. Коллектив острова Диксона".

- А вот и вторая: "Коллектив острова Уединения встречает

радостный праздник весны в увеличенном составе..."

Притихшие слушатели подняли шум:

— Кто? Кто приехал?— Дальше читайте.— Тише, козлы!

"... у радистов супругов Ваговых родилась дочь. Назвали Майей. Просим быть коллективным кумом..."

— Идет! Согласны!

Как же подарок переслать?

- Тише, друзья. Восторги и шум принимаю за изъявление «согласия»
  - Так, Дмитрич?

- Конечно!

— Саша, пиши ответ и отстукай его сейчас же. Пиши: "Остров Диксон. Сердечное спасибо за поздравление. Ваши пожелания целиком обращаем и к вам. Крикнули за славный коллектив Диксона громкое ура..."

— Ур-р-ра!— неожиданно взорвался крик.

— Да что вы, друзья, это же в телеграмме крик, а не в самом деле...

— Не извращайте истории, Павел Дмитриевич, — невозмутимо прервал начальника метеоролог. — Раз ура, значит, должно быть ура. Это же исторический факт. Вот мы и гаркнули.

— Согласен. Уговорили. Пиши, Саша, вторую: "Остров Уедижения. От радостного шума лопнул лед в бухте. Пьем за здоровье нашей подшефной. Подарок до ледокола за нами". Так, ребята?

— Правильно!

А что полагается дарить в таких случаях?

Песца хорошего надо!

Никитин поднял руки. Шум стих.

— Об этом после подумаем, друзья. Отправь им, Саша, телеграммы.— Он проводил Дарова до рубки.— Валяй. А мы будем пока продолжать банкет.

— Слова! Прошу слова, — попросил Трегуб.

— Погоди, Сергей Михайлович,— остановил его с лукавой улыбкой Никитин.— У нас тостов накопилось больно много

и лежат они мертвым капиталом. Надо их реализовать.

Они выпили шипучего шампанского. Потом поднялся Трегуб. Голос его в начале речи был робкий, но под конец окреп, сделался звонким. Никогда не слышали от него товарищи таких теплых слов, обращенных не к себе лично, а прежде всего к своей

родине, своему народу.

— Товарищи!— воодушевляясь, говорил Сергей.— Я предлагаю поднять бокалы за нашу работу, за работу инженеров погоды. Арктика — это лаборатория погоды. Здесь делаются дожди и зной, холод и тепло для всей страны. Значит, мы — инженеры погоды. Неистовая зелень на полях Кубани и Дона, в виноградниках Крыма и садах Кавказа — все благодати земли рождаются не без нашего участия. Будем же работать во-всю. Пусть нас мало, но мы — сильны... Я хочу сказать, совсем недавно стали сильны, когда я...

— Алло! Алло! Говорит Москва! Говорит Москва, — прервал его речь сухой голос диктора. — Радиостанция РВ-1 имени Комин-

терна...

— Даров, перестаньте,— раздраженно закричал Никитин.— Всему есть предел, тем более шуткам!

- Брось, Маркони!

Дверь радиорубки открылась и в ней появился Даров.

— Кто зовет меня? — начал было он, но голос далекого дик-

тора с хрипом продолжал:

— Передаем специальную передачу для полярников. Слушайте нас, зимовщики Арктики! Москва еще спит...— На этот раз говорила действительно Москва.—Пустынна и молчалива Красная площадь. Но скоро оживет она. Скоро тысячи трудящихся столицы и ее гостей хлынут под седые стены Кремля, к мавзолею, чтобы принять ласковую улыбку от великого вождя народов всего мира— товарища Сталина. Дорогие полярники! Вас не будет среди нас. Вы самоотверженно стоите на самой далекой суровой вахте— на краю земли. Ваших мужественных лиц не будет видно среди счастливых радостных москвичей. Но вы будете с нами! Пусть нас разделяют тысячи километров ледяных пустынь, холодные моря, бездорожье снежных тундр, горы, степи и леса—вы с нами. Вы связаны с Москвой, со всей родиной миллионами невидимых нитей. На параде мы будем чувствовать вас рядом с собой.

Диктор на секунду смолк. Зимовщики стояли немые, захваченные удивительным чувством близости ко всей стране, к миллионам людей. Сердца их быстрой птицей улетали в чудесную Москву.

— А сейчас, дорогие товарищи, слушайте ваших родных. Они будут разговаривать с вами и передадут свои весенние приветы. Алло! Алло! Слушай нас далекая зимовка мыса Сердце-

Камень...

Не отрывая глаз от репродуктора, все зимовщики словно по команде потянулись навстречу голосу. Никитин так и забыл поставить на стол невыпитое вино, стиснув в руке стекло.

— Внимание! Вызываем начальника зимовки Павла Дмитриевича Никитина. Товарищ Никитин, с вами будет разговаривать

ваша жена Нина Осиповна.

— Внимание! У микрофона Нина Осиповна.

Ласковый грустный голос произнес:

— Здравствуй, Павлик. Спасибо за телеграммы — они успокоили меня. Признаться, мы здорово струхнули, когда узнали о вашей битве с медведями. Но теперь все прошло. Ты, ведь, сильный, дорогой. Не скучай и не беспокойся о нас. Петя здоров и уверен в экзаменах. Жаль, не видишь меня: стою перед микрофоном с букетом первых цветов. Купила специально для тебя. Желаю тебе сил и здоровья, чтобы ты вернулся опять победителем. Ждем тебя с нетерпением, Петя обнимает тебя. До скорой встречи, родной.

Никитин беспомощно опустился на стул, бессвязно бормоча:

- Спасибо... Спасибо... Да, конечно...

— Алло! Алло! Внимание! Вызываем врача зимовки Сердце-Камень— Сергея Михайловича Трегуб. Сергей Михайлович, с вами кочет говорить ваша дочь Люда.

— Я здесь! Я слышу... — изо всех сил закричал Трегуб, словно

котел докричать до Москвы. — Давайте, давайте!

В наступившей тишине коварный картон донес приглушенный шопот диктора:

— Только ты не плачь, Людочка, папу не надо расстраивать.

— Я и не буду плакать, — заговорил картон детским голосом. — Зачем плакать? Папа, здравствуй.

— Здравствуй, маленькая моя, здравствуй.

— Ты слышишь меня, папа, а?

- Слышу! Не мешайте ей, товарищ, неистовствовал Трегуб, когда послышался новый шопот диктора: "Говори, Люда, папа тебя слышит".
- Мы с мамой живем хорошо. Дом наш уехал на другое место. Я боялась, когда он поехал, а потом ходила смотреть, на чем он катается. Мы тебя очень ждем домой. Когда поедешь к нам, привези мне белого медведку. Ладно, папа? Только, чтоб он бегал. Ладно? Мама принесла мне медвежонка, но девочка Соболевых сказала, что он не настоящий, а плюховый, нос у него холодный и глаза из пуговиц. Ладно, ведь, папа?

— Ладно, дочка, ладно, привезу. Еще! Люда...

Матвеич ласково взял его за руки и стал уговаривать, как маленького: "Тихо, Сережа, тихо, сынок".

Вызываем метеоролога Николая Афанасьевича Афанасьева.

У микрофона ваша сестра Вера.

— Дорогой брат, папа и мама не могли приехать в Москву для разговора с тобой. Поехала я. Все живы и здоровы, только у бабушки болят ноги. Живем дружно, ждем тебя. У нас в Курске весна нынче хорошая. О тебе все спрашивают и ждут. Обещай мне, когда приедешь, никуда не пойдешь, прежде чем не побываешь у нас в рабфаке!..

— Это мы еще посмотрим, — нежно шепчет Афанасьев.

— ...береги здоровье и приезжай скорее. Папа, мама, Коля

и Ниночка все целуют тебя.

— Вызываем радиста полярной станции Александра Дарова. Слушайте, товарищ Даров, у микрофона ваша мать Агафья Яковлевна. Внимание!

Из репродуктора полился тихий старческий голос, переполненный материнским смешанным чувством— гордостью и жало-

стью:

- Дорогой Санюшка, не беспокойся обо мне. Живу очень корошо. Деньги твои получаю. Мне говорили, что там, куда ты уехал, холодно и зверей много. Смотри не простудись. Шарф-то одевай.
- Маленький, что ли, я. Вот еще,— смущенно бормотал радист.

— А ты не брыкай, — накинулся на него Матвеич, — слушай,

что мать говорит, мать никогда плохо не скажет.

— ...Городской совет Одессы ко мне относится хорошо. Бывают у меня часто, спрашивают, не нужно ли чего. Да у меня все есть. Спасибо им. Еще часто приходит эта девушка...

— Вот как!— не удержался Афанасьев. — Да!

— ... Маленькая, беленькая такая. Княжина что ли...

Маркони — князь! — шепчет метеоролог.

— Это она... по долгу из горкома комсомола,— также тихо оправдывается радист.

Но старая мать и не думала пожалеть сына. Она продолжала: — ...Ждет она тебя летом в лодке кататься. Славная она...

— И это она тоже по долгу?— издевается над приятелем метеоролог.— Обязали в горкоме. Ответственная нагрузочка.

Ладно, мама, ладно, торопит сын. Давай дальше!
...Приезжай скорее, Санюша, ждет тебя старуха-мать.

После непродолжительной паузы Москва снова заговорила:
— Внимание! Слушайте нас, полярники зимовки мыса Сердце-Камень. Слушайте нас, повар зимовки Кузьма Матвеевич Ростов.

Матвеич запротестовал:

— Да ну вас, право. Кто говорить то будет. Некому.

Но Москва настаивала:

— Кузьма Матвеевич, с вами будет говорить представитель управления полярной авиации, Герой Советского Союза товарищ Мазурук. Предоставляем ему слово.

— Товарищ Ростов! На-днях мы получили сообщение, что ваш сын — полярный летчик Федор Кузьмич Ростов успешно закончил большой арктический перелет по маршруту: Москва -Иркутск — мыс Нордвик — мыс Челюскин. Он совсем рядом с вами, в двухстах километрах. Вчера он спрашивал у нас разрешения сделать специальный рейс с почтой на Сердце-Камень. Ему разрешили этот полет. Если он сейчас у вас на зимовке, обнимите его и поздравьте с большим успехом. Ваш сын — храбрый пилот. товариш Ростов. Привет.

— Федя, Федюшка, - простонал пораженный старик. - Это его гусак был здесь, а я-то дурной звал сесть. А... Да что же

это в самом деле, - и из глаз Матвеича полились слезы. Начальник подошел к нему, обнял и, улыбаясь, сказал:

— За отсутствующего сына обнимаю отца. Банкет продолжается, друзья. Саша, выключи репродуктор. Не будем, товариши, подслушивать чужое счастье. Мы получили свое счастье. мы полны им. Так пусть же живет в веках наша славная могучая и нежная родина!

— За смелых людей, в груди у которых храброе, но рассуди-

тельное сердце, сердце большевиков, - предложил Даров.

— За отца, имеющего такого сына-храбреца, подхватил Сергей Трегуб. — За смелых людей, умеющих побеждать всякие... Кончить ему не удалось. Тот, за кого хотел предложить тост

доктор Трегуб, шумно и неожиданно появился на пороге.

Кешка! Милый Иннокентий — за тебя я пью! — вскричал.

доктор.

— Жив, — осклабил белые зубы охотник. — Вот ладно! Ну, раз выжил, могу теперь тебя товарищечком взять в артель. Надежный парень будешь.

· — Откуда ты, Кеша?

— Большой аргыш был, парень. От Анти-Паютте гнал оленей на Дальний остров. Зачем торопился? Как же — человек человеку здесь должен быть братом.

И гостем, — засмеялся Никитин. — Радостным гостем.

— Вот ладно!

Безмольный ветер пронесся над домиком и унес с собой дружную песню.

Игарка, 1938 г.

В. ЗАНАДВОРОВ.

ВРАЧ ИЗ ПОСЕЛКА БУРМАНТОВО

Я знаю, что некогда ей, Врачу из поселка Бурмантово. О, сколько томительных дней Письма дожидаться обратного!

Что с нею? Сидит у огня Иль правит в буране оленями? И трудно ей вспомнить меня За тысячу верст от селения.

Там в ночь поджидает врача Охотник, в лесу покалеченный. Там корчнтся в муках, крича, На шкурах раскиданных женщина.

Там столько заботы вокруг — В бревенчатой северной здравнице; И паре ли маленьких рук Со всеми заботами справиться?

Она же, как жизни волна, В своей человеческой участи О каждом заботы полна, Душою за каждого мучится.

Где участи лучшей сыскать, Чем горе чужое пить каплями, И вместе с больным умирать,

И в жизнь возвращаться под скальпелем? Когда же печаль или грусть Скует ее тяжестью давящей, В глуши ей припомнятся пусть Улыбки сердечных товарищей.

Того пусть припомнит она, Кто тоже ночами угрюмыми Чуждается легкого сна И к ней устремляется думами. Кто письма шлет пачками к ней — В далекий поселок Бурмантово, Кто столько томительных дней Письма поджидает обратного.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

Картина 2-я¹

Поляна на фоне уральского пушечного завода. Стоят две — три пушки, возле которых бочки и груды ядер. Воскресный день. В отдалении слышится звон колоколов.

Девушки (ведут хоровод, поют):

Уж как светел

Золот месяц у окна.

Я-то, звездочка,

Люблю тебя одна.

В тихом небе

Светом ласковым плыву —

Сны желанные

Увижу ль наяву?

Не увижу — тучи

Жизнь закроют тьмой.

Я скажу тогда:

- Прощай, соколик мой.

Ой, осталась

У окошечка вдова.

Не утешит ли

Другая голова?

Устинья (находится в кругу хоровода, ритмически танцуя с плапочком в руке):

Хорошо мне, молодой,

Ходить рано за водой,-

На восходе у реки

Поджидают казаки.

Они песни мне поют.

Не хотят да воду пьют —

Потому, вода моя,

Ой, хмельная самая.

Девушки (звонко *смеются*, *сбегаются* к Устинье): Гостьюшка веселая,

Гостьюшка Устиньющка.

Спой нам песню новую,

Что теперь поют.

¹ Из либретто оперы "Емельян Пугачев".

Устинью я (становится на пушку). Девушки (окружают Устинью): Устинью шка,

Лебедушка, заря.

Спой нам песню

Про хорошего царя.

Пугачев появляется на заднем плане верхом на коне. Одет богатым куппом. Он жадно, увлеченно вслушивается в песню устиным. Засматривается, любуется уральской казачкой.

Устинья: В цветики полянушка Расцвела с утра. Разгулялась славушка Про царя Петра.

Было — распевали мы, Как царили встарь. Ныне к нам пожаловал Самолучший царь.

По народу странником Ходит царь в Руси. Нас он уважает всех— Чего хошь проси.

Подари свободушку, Кумачем одень. Выбери лебедушку, Царь, в желанный день.

А уж мы — твои цветы, Ленты наши алые, Косы девьи русые, Голубицы малые.

Девушки: Где этот царь— Расскажи нам, поведай.

Устинья: Он в наши степи

Пришел за победой...

Пугачев (появляется перед Устиньей):

Я хоть купец —

Не поддамся царю. А по-царски Устинье За хорошую песню

Подарок дарю. (Подносит Устинье самонветные бусы).

Девушки: Купец — молодец.

Загляденье - подарок.

Устинья: Не хочу я твоих

Драгоценных товаров И даром.

Пугачев: Аль не пригож?

Аль сукно из рогож?

Ишь ты какая,

Устиньюшка, гордая.

Только, пожалуй,

Царю и подстать.

А нам, купцам,

Не купить, не достать.

Устинья: Нет, не хочу я

Спознаться с купцами.

Ни сердце, ни волю Я им не продам.

Меня не обманешь

Златыми венцами,— Мне ль с тобой торговать

По чужим городам.

Пугачев: Я не обманщик,

Не вор, не убийца,

А вольная птица,

Как и ты, голубица.

Устинья: Вижу. Отстань.

(Отбегает от Пугачева).

Хлопуша весело врывается в группу девушек, разыгрывая из себя пьяного балагура с делью получше распознать, кто такой приезжий купец.

Пугачев (узнав своего друга, прячется):

Мой Хлопуша у пушек —

Рваные ноздри. Наставил, поди, у опушек

Мастеровых, — нос дери:

Теперь верное дело— Без особых забот

Мы захватим завод.

Хлопуша: Ох, вы, девушки —

Спасенье для души.

С вами только

Брагу пей да век пляши,

, н пью, я и пою,

Да враз пляшу.

Ежели надо,

Свои лапти сокрушу.

Девушки (втаскивают в круг Хлопушу):

Ну-ко, душенька-Хлопушенька,

Вздыми пыль в облака,

Чтобы каждая подруженька

Хваталась за бока.

Ну-ко, ну-ко, ну-ко.

Хлопуша (танцует вместе с девушками, присвистывая в четыре нальца):

Ну-ко, ну-ко. Бабка внука Учит:— Н**у**-ко, Внук, науку —

Эту штуку —

Одолей да одолей.

Ногу, руку Не жалей.

Хватит и одной руки.

Хватит и одной ноги.

Только бабке помоги.

(Ловит девушек, которые с визюм увертываются, разбегаются. И наконец хватает Устинью).

Пугачев (появляется с маленькой пушкой в руках и разъединяет Хлопушу с Устиньей):

Рыжий чорт!

Не хватай голубицу мою.

Выпалю в брюхо -

Будешь с дырой.

Куда денешь краюху?

Сгинь, землероб.

X л о п у ш а (замахивается на Пугачева дубиной, но вдруг узнает атамана, садится на пол и хохочет, крестясь):

С нами бог

И угодники на ночь!

Сам Емельян Иваныч.

Пугачев (толкает ногой Хлопушу):

Обознался, плясун!

В землю лбом

Для прощенья ударь.

Я – Петр Федорыч,

Ваш государь.

Хлопуша (падает в ноги, целует руку Пугачева):

Ой, и то гляжу —

Не казацкий косарь,

A сам батюшка-царь. Не вели казнить.

Пугачев (пристально смотрит на изумленную Устинью):

Ладно. Я — добрый.

Не люблю кровавой возни.

Встань. Не болей.

Царь тебе жалует

Двадцать рублей.

Хлопуша (крестится, получая деньги):

Ох, Ваше величество,

Был у меня лишь

Березовый веник,-

Царь пришел, Подарил кучу денег.

Молю бога за Ваше...

Ой, ты свет — Емельяша...

(Пугачев незаметно толкает ногой Хлопушу).

Хлопуша (прокашливаясь):

Петр Федорыч — царь. Заступник сирот.

Ой, как ждет весь народ, Люд премногий.

Устинья: Государь, я прощенья прошу.

Кланяюсь в ноги. (Кланяется, целует руку Пугачева).

Чудо неслыханно!

Диво невиданно! Солнце к нам прибыло!

Мне счастье великое

На долюшку выпало — Встретить царя.

Пугачев: Встань, голубица.

Самоцветы возьми.

Я дарю их не зря.

Авось пригодится

Подарочек мой,

Когда будешь в дороге,

Поедешь домой.

Может вспомянешь,

А может полюбишь —

Всяко бывает в судьбе.

Сущую правду

Только кровь,

Только сердце

Расскажут тебе.

Устинья и Хлопуша (восторженно поют):

Вот человек!

Открывайтесь ворота.

Пришел к нам желанный Заступник народа.

Вот человек!

По широкой Руси —

По степям, по лугам,

По родным берегам

Мы пойдем за ним

Вольную жизнь добывать,

К славе путь пробивать,

Чтобы наши поля,

Вся людская земля,

Вся мирская семья

Нами были

Навеки хранимы.

Все на радостях,

Все на крови мы.

Пугачев: Любо сердцу

Слова силы внять —

Русь мужицкую

Шире поднять.

Али мало

На волю охочих,

Али мало

В заводах рабочих?

А без них,

Как немой без слов.

Нельзя бунтовать

Без разумных голов.

В этом и честь,

Что тут головы есть —

Вот как у Хлопушки.

Значит, будут и пушки.

Хлопуша: Верю, Емель...

(Прокашливается улыбаясь).

Ух, этот хмель...

Верно, Петр Федорыч!

Дни и ночи

Рабочие льют.

Есть у нас

Пушки и ядра

И обездоленный люд.

Усти нь я: Есть у нас девицы

Вольных степей. Есть быстролетные птицы.

Мы ль не утешим

Своих голубей

Ласковой песней в светлице.

Есть у нас, птиц,

Беспокойные сны

О женской судьбине - неволе,

А ныне почуяли

Праздник весны,

И стала быль — звонкое поле.

Век бы так жить.

Слез не знать, не тужить,

Век бы справлять новоселье.

Век бы для сердца, души

Разливать удалое веселье.

Пугачев: Ну, и Устиньюшка,—

Радуга — дочь,

Я и сроду таких

Птиц не видывал.

Только в сказках слыхал

И тем сказкам

Да ласкам завидовал.

И вот вижу:

Откуда взялась

Надо мной твоя Девичья власть.

Ла по сердцу вином, Не вином, а огнем разлилась. Знать судьба

Привела да свела.

А судьба наша, ой, весела! Девушки, парни заводские (приходят с песней, низко кланяются Пугачеву, с изумлением его разглядывая):

Мы со славой,

С поклоном пришли,

Мы хлеб-соль,

Животы принесли.

Нам бы, малым,

Побольше земли —

Не отстать бы

От родной семьи,

Не бежать бы

Ветрами с полей.

Пожалей-ко,

Отец, пожалей.

Двое из толпы (на фоне песни, в стороне):

Петр али не Пётр?

Врет али не врёт?

Тот али не тот?

Пугачев или царь? Государь аль косарь?

Пугачев (тихо на ухо Хлопуше):

Покуда лес не продерем,

Называйте-ко царем.

Кому надо поймет,

Где тут мёд, где помет.

Хлопуша: Будет состряпано,

Ваше величество.

Князь так князь.

Не ударим мордой в грязь.

Славим государя, славим!

(Белобородов, Чика-Зарубин, Овчинников, Перфильев, Творогов— члены военной коллегии армии Пугачева. Держатся дружной свитой, любовно окружая Емельяна Ивановича, за исключением, однако, Ивана Творогова, который предательски, но умно хитрит, все время зорко, наблюдая за происходящим вокруг, якобы ради успеха пугачевского дела. Пользуется общим доверием).

Народ (восторженно):

Слава солнцу степному.

Здравствуй, родной отец!

На тебя по-земному

Возлагаем венец,

Чтобы ты с нами жил, Горе-радость делил.

Правил волей земли

Да народ веселил.

А уж мы за тобой

На любой грянем бой — Лишь бы волю добыть —

Русь поднять на дыбы.

Пугачев: Детушки кровные,

На свободе быть львам.

Затем и явился —

Жалую волю вам.

Свита: Вот он каков

Для крестьян, казаков —

Спасенье, забота

На славу завода.

Творогов (на ухо своему сообщнику):

Беги к старшине,

По приказчикам, стражникам.

Созывай-ко служивых — с плеча Захватить Пугача,

А то этот табун

На рожон лезет в бунт.

Сообщник (скрывается). Пугачев: Эй, Творогов,

Ты куда посылаешь гонца?

Творогов: На дозор я угнал

Своего молодца —

Пущай в тайне тычется.

Ваше величество,

Вот вам Зарубин-Чика Скажет про тайну.

Зарубин Чика: Не каждому верь, государь, Отпетому Каину.

Пугачев: Али много таких,

Мой полковник Зарубин?

Зарубин: Кому следует —

Головы саблей отрубим.

Кто заслужит —

И саблю с конем отдадим.

Наградим. А про тайны Известно — завод

Будет нашим по праву.

Погуляем на славу.

Пугачев: Верно ль, Овчинников,

Белобородов, Перфильев,-

На дело военное исты?

Бывалые артиллеристы?

Овчинников: Хвалиться не стану, А врагу в лоб достану.

Пугачев (смеется со всеми):

Ты, вижу, Овчинников, Будешь генералом

Под Уралом!

Ну-ну. А ты Перфильев,

Гонец Екатерины? Перфильев: Я—верный твой

Со всею головой.

С таким царем

Мне диво жить — Народу век служить.

Пугачев: Хвалю. Служи народу,

А ты что скажешь,

Друг Белобородов?

Белобородов: Мои руки рабочие, вот, Чешутся взять завод,

Да скорей

В дело пустить пушкарей.

Не терпит народ.

Настрадался в ярме

На хозяйском дерьме,

За решеткой в тюрьме.

Ты с нас цепи сними,

Да крестом осени,

Крылья нам распусти

На привольном пути.

Народ (в движении):

Солнце и то не ждет —

Клонит к заходу. Дай распоясаться

Вволю народу.

Терпеньюшка нету.

И времечка нету,

И хлебушка нету,

Свободушки нет. Пропадай, белый свет!

А с тобой пойдем в бой.

Только слово скажи — На завод укажи.

Пугачев: Ребятушки, детушки.

Воля ваша —

Земля русская

В бунте кругом.

Постоим за себя.

Завод али крепость —

Наш кровный дом.

Ладно. Пойдем.

Грозой да бурьяном

На гибель дворянам.

Ну-ко вздохнем

Богатырским огнем.

Кто с ружьем,

Кто и с вилами,

Аяс вами —

Ржаными да милыми.

Эй, айда,

Золотая орда!

Серебром, жемчугами,

Алмазной волной,

Хлынем, голодные, Бурей-войной.

Где мой конь вороной?

Народ: Хлынем, голодные,

Бурей-войной.

Веди нас, спаситель,

Кормилец родной.

Пугачев: Где мой конь вороной?

Старшины, приказчики, стражники (вбегают, окружив:

Пугачева и свиту): Стой, сдавайся,

Острожная тварь!

Ты - не Петр.

Ты — не царь.

Самозванец — буян, Пугачев Емельян.

Падай в ноги,

Раскольничий крот.

Пугачев (вынимает из кармана красный платок и вэмахивает): Заступись,

Начинай ко, народ!

Докажи, кто тут кот,

А кто крот!

Народ и свита бросаются на врагов, завязывается драка. Блестят сабли. Мелькают дубины, раздаются выстрелы. Шум. Крик. Свист. Визг.

Пугачев храбро сражается. На его лице появляется струя крови, также кровь и на руках его. Слышится зали из пушки в сторону с пригорка— это стреляет Белобородов.

Хлопуша дерется отчаянно и подает ядра Белобородову. Бой, наконец, стихает. Пугачевцы победили. Часть врагов лежит, перевязанная веревками.

Устинья (подбегает к Пугачеву и стирает белым платком кровь с лица Пугачева, как и с окровавленных рук):

Коршуны сгинули.

Дохнут на брани.

Кто тебя, солнышко,

Дерзостно ранил?

Светлый, любимый,

Пречистая кровь,

Ты после бури —

Как радуги бровь.

Семь цветов на твоем Ненаглядном лице—

Это наша любовь,

Взоры всех на отце.

Пугачев: Спасибо, степная

Моя голубица.

Доброе слово —

Ключевая водина.

Мне хорошо.

Да и всем хорошо.

Было ненастье —

Сторонкой прошло.

Стерли врагов в порошок.

Завод наш!

Народ:

Наш завод,

Свой завод —

Свои пушки у нас.

Свое кровное право!

Слава спасителю,

Надеже — воителю

Многовечная слава!

Наш завод!

Народ:

Пугачев: Слушай, народ!

Слушай, народ.

Пугачев: Степью, горами,

Реками, лесами

Как завладеть —

Судите сами.

Солью, железом, Пушниной, лесами

Как завладеть —

Судите сами.

Мясом да рыбой,

Хлебом возами

Как завладеть —

Судите сами.

Скотиной, домами, Землей, чудесами

Как завладеть —

Судите сами.

Народ: Царствуй, живи, весели!

Слава тебе,

Солнцу красному Русской земли!

А. СПЕШИЛОВ

ЭВАКУАЦИЯ

(Отрывок из повести)

1.

Колчак перешел Уральские горы. Части 29 стрелковой дивизии, уставшие в беспрерывных боях, голодные, плохо обмундированные, были не в силах сдерживать натиск врага.

В декабре белые подошли к городу Перми и стали угрожать

Закамью.

В селе Строганове свертывалась работа советских учреждений. Комитет бедноты (комбед) спешно распределял среди нуждающихся свои хлебные запасы. С камского нефтесклада отпускали бесплатно керосин. Но мало было охотников до зерна и дарового керосина. Все сидели по избам. Редко-редко кто подходил к комбедовскому складу. На улице совсем пусто. Гнетущая тишина в ожидании неизвестности легла черным грузом на село Строганово, и особенно притаились бурлацкие поселки.

В двадцатых числах в Никольске сформировалась "районная

комиссия по эвакуации".

Меня товарищи послали в Никольск для связи. Пришлось ехать верхом ночью, в мороз и пургу. Все замело бураном. Только телеграфные столбы по краям тракта не давали окончательно сбиться с дороги. Выл ветер. Стонали провода. Глаза слепило снегом.

На подъезде к районному селу я догнал обоз. На возах, нагруженных домашним скарбом, сидели женщины, ребятишки, старики.

- Кто такие? Куда в такую непогодь?

Возчик, шагавший с плетью за первым возом, ответил:

— Выселенцы. От Колчака выселяемся в Вятскую губернию. В Никольске я подъехал к штабу расквартированного здесь десятого кавалерийского полка, где работала эвакуационная комиссия. Привязав лошадь к коновязи, я пошел в штаб, заранее вынув из кармана документы, чтобы предъявить их при входе. К моему удивлению, у штаба охраны не было.

В штабной канцелярии за столом дремал дежурный. При моем входе он встал, ударив о край стола кавалерийской

шашкой. Звякнули шпоры. Я не успел с ним поздороваться, как без всякого разрешения в комнату с шумом вбежали два кавалериста.

— Товарищ командир! Холодно на посту стоять. Мы тоже

не деревянные.

Дежурный вместо того, чтобы призвать их к порядку, стал

уговаривать:

- Что же делать, если такая поганая погода. Я не распоряжаюсь небесной канцелярией. Постойте как-нибудь до утра. Меняйтесь чаще что ли. Главное, чтобы обозы "не выпустить из Никольска".
- Вы по какому делу?— спросил меня дежурный, когда кавалеристы вышли из штаба.

- По делу эвакуации... Дисциплинка у вас аховая, товарищ

дежурный. Даже у штаба поста нет. Входи, кто хочет.

— Сбежали к бражнице черти... Собственно говоря, это не ваше дело. А с эвакуацией так: немедленно выезжайте сюда в Никольск. Дальнейший маршрут — станция Григорьевская. В случае набега белых наш полк прикроет обозы.

Я не стал долго задерживаться. Немного обогрелся и вышел от дежурного. Проходя по коридору, услышал за собой торопливые шаги. Обернулся. Бежала знакомая телефонистка Надежда Суханова. Она догнала меня, поймала за обшлаг шинели и быстро

заговорила:

— Плохо у нас. Вслух ругают советскую власть. Все офицеры старые. Я думала образованные люди, а они... Спирт выдают красноармейцам... Я в понедельник дежурила ночью, многого наслышалась...

Неожиданно наш разговор был прерван грубой матерщиной. У нас за спиной стоял и улыбался дежурный. Надежда выскользнула и скрылась.

— Любит языком трепать... Ну-с, до свиданья. Аллюр — два

креста! Ясно!

Я пулей вылетел на улицу, быстро отвязал коня и вскочил в седло.

Обратно я ехал по ветру, и пурга не слепила глаза, но на каждой версте преграждали дорогу встречные обозы. Приходилось сворачивать в сторону. Лошадь ложилась на живот в глубокий снег. Я слезал с седла и помогал ей выбираться из снега. Как я ни спешил, но приехал домой только на рассвете.

9

В Строгановском исполкоме — как после разгрома: чернели пустые раскрытые шкафы, на полу мусор, рваная бумага. Имущество заколачивали в ящики, грузили на подводы и отправляли на тракт.

Катя Панина из кооператива собирала общественный товар. У председателя, товарища Кондрякова, кроме сборов в исполкоме, еще одна забота прибавилась, забота о жене. Он попросил своего

тестя Якова Панина:

— Яков Ильич! Поговори, знаешь ли, с Катериной. Меня не слушает, может быть, послушает отца... Не хочет ехать вперед вместе с семьями. Она, ведь, последние дни ходит.

— Сама не маленькая, — отвечал Панин. — К тому же она

партийная. Сама знает, что делает.

С первыми возами уехали семьи партийцев. Обоз военного комиссариата сопровождал за старшего курьер Леня Дудин. Был он круглый сирота. Жалеть ему было некого, никто его не провожал. Он, весело помахивая ременным кнутом, посвистывал на лошадку. Завернул за угол школы и скрылся из глаз.

Заведующий паровой мельницей — Андрей Заплатный — при-

вез пять возов машинных частей. Кондряков запротестовал:

— У нас в обрез перевозочные средства. Вместо твоих шестеренок можно отправить более ценное имущество. Сваливай, давай, это барахло.

— Барахло, говоришь?.. Ни чорта не желаю оставлять бандитам! Лучше мельницу взорвать. А ты говоришь— сваливай!

Нашел дурака...

- Знаешь ли, прервал Заплатного председатель, мы, партийные, последними должны отступить, а пешком до Никольска нескоро дойдешь. А если, к слову сказать, белые нагрянут, тогда что?
  - Воевать будем. Я не больно испугался золотопогонников.
- Осади, Аника-воин!— сказал Яков Панин.— Я советую все твои машинные части утопить.

- Как утопить?

— Вывезти на Каму, да и спустить в прорубь.

— А может быть эти механизмы еще службу сослужат трудовому народу. Не больно еще богата советская власть, чтобы машинами швыряться.

Панин положил руку на плечо Заплатного.

— Если не понимаешь доброго слова, так я тебе приказы-

ваю как председатель Чека. Йди, заворачивай оглобли.

Андрей вышел. Вскоре заскрипели подполозки саней. Из окна мне было видно сгорбившуюся фигуру Заплатного, который плелся за последним возом без шапки, как на похоронах.

Минут через десять Андрей обратно подъехал со своим обо-

зом к исполкому. Запыхавшись, вбежал в помещение.

— Рогожи дайте, дьяволы. В рогожи зашью, засмолю, а потом уж топить буду. Прогоним обратно беляков, сам полезу по шесту в Каму. Все достану. Ни одного винтика не пропадёт...

3

К ночи мы отправили в Никольск последние подводы. Все оставшиеся товарищи собрались в исполком. Все, кто был свободен от постовой службы, устроились на ночлег на канцелярских столах, некоторые прикурнули на скамейках, на стульях.

Перед сном я заметил на стене какие-то красноватые отблески. Подошел к окну. На горизонте играли "калинники". Вспыхнет над лесом зарево, "подгорят" облака, зарево погаснет. Потом рядом такая же вспышка. В противоположной стороне то же самое. Я разбудил Павла Ивановича Ефимова.

— Посмотри, "калинники" играют... зимой.

Ефимов подошел к окну. - Нет! Это батареи бьют.

Мы разбудили товарищей. Кондряков решил поговорить с районом. Телефон оказался испорченным.

— Неужели тракт перерезан? — забеспокоились товарищи.

— Этого не может быть, — возразил комендант Охлупин. — Белые от нас за сто верст. Да еще придут ли сюда. Не было никаких оснований устраивать панику.

— Какую панику?

— Какую? Да эвакуацию эту самую. - А телефон почему не работает? Чорт его знает. Я не электрик.

Выслали разведку на тракт. Романова Охлупин послал в село Никольское, комиссара Меркурьева отправили на Висим, а меня в Усть-Гари.

Мой возчик — дядя Спиридон, весело помахивая вожжами,

что-то напевал себе под нос.

На южной стороне играли огненные вспышки, иногда был слышен отдаленный гул. Спиридон лупил лошадку вожжами, а я крепче кутался в тулуп.

В селе Усть-Гари нам дорогу перебежал вооруженный человек и скрылся в темном переулке. В исполкоме оказался один

дежурный.

- Как, товарищ, дела? Ничего пока. Идут...

— Вы не эвакуировались еще? — Нет, не выковыривались.

- Приказ, ведь, был. Потом, стреляют батареи. — Испужался! Это в Мотовилихе пушки пробуют...

— Ну, ладно. Позови председателя. Дежурный растолкал спящего сторожа.

Айда за председателем.

Пришел заспанный председатель.

- Кого чорт носит по ночам? Ага, из Строганова... Чего

хорошенького скажешь?

— Собирай, дядя, народ и выезжай немедленно. На Никольск уж два дня идут обозы. Не получили что ли распоряжения об

эвакуации? Мы из Строганова уж всё отправили.

- Обозы, говоришь, идут? Мы живем в стороне, на отскочихе. Ничего не знаем. Послал еще утром ребят в Никольск, в Добрянку послал. Жду, что привезут... Сзывай всех, Никифор. И то надо собираться...

Я только-только успел выехать из Усть-Гарей, как там под-

нялась стрельба...

Впереди, где дорога выходила на самый край берега, в ледяных шорохах сверкнул огонек. Я с силой дернул за левую вожжу. Лошадь метнулась в сторону. По нам дали зали. Лошадь понесла без дороги, по целине. Спиридон лежмя лежал в санях и выл от страха. Вдруг лошадь влетела в остожье и остановилась. Я сбросил тулуп и вывел дрожащую лошадь.

Благополучно выехали на торную дорогу. Понемногу лошадка

успокоилась, пришел в себя и дядя Спиридон и заговорил:

— Отродясь такого страха не принимал. Что, если бы завертка лопнула? Беда! Мужики у нас, когда едут на дежурство, так в самые худые сани запрягают, а я нет. Сегодня даже новые завертки поставил, варовые. Ай да Спиридон!

Спиридон вприпрыжку побежал за санями, весело хлопая

рукавицами. В нырке вскочил в сани и задумался...

— Слышь, парень, ведь мы с тобой были на вершок от смерти. — Во всю дорогу Спиридон больше не вымолвил ни слова.

Подъезжая к Строганову, мы увидели, как на тракту высоко под облаками появился огненный шар. Он с легким треском лопнул и рассыпался множеством разноцветных искр. На колмах и на сельской окраине стало светло, как днем. Через минуту свет исчез, и еще чернее стала пасмурная ночь.

У Строгановского исполкома собирали последний воз с товаром кооператива. Около него с фонарем в руках хлопотала.

Катя Панина.

Приехали из разведки? — спросил я Панину.
 Все еще нет. Иди скорее, тебя давно ждут.

Я вбежал в исполком. Товарищи сгрудились у телефона. "Ага! Поправили", — думаю. Яков Ильич держал трубку и с кемто ругался.

— Что у вас такое?

— Кто-то прицепился к нашему проводу,— объясняли мне.— Все время звонит. Возьмешь трубку, лается, сукин сын.

Панин повесил трубку. Тотчас же затрещал звонок. Я подо-

шел к телефону.

— Слушаю! Кто говорит?

— Я говорю... Только что со строгановскими красными разговаривал... По тракту прошли две подводы. Встречайте.

Я бросил трубку и выбежал на улицу. В коридоре мне

навстречу попала Катя Панина.

С возом кто уехал?Егор уехал, Сибиряков.

- Надо вернуть. На тракту белые.

— Что ты говоришь?— Катя растерянно развела руками. К счастью, Спиридон не успел еще выпрячь лошадку. Я вскочил в сани.

— Гони на тракт, дядя Спиридон. Надо догнать Егора.

— Опять стрельба будет?

— Нам с тобой не привыкать...

На второй версте догнали подводу. Егор с возчиком шли

рядышком за возом и мирно разговаривали.

По возвращении в исполком я донес товарищам о поездке в Усть-Гари. Оказалось, что они и стрельбу слышали, и ракету заметили.

— Значит в Никольске неблагополучно. Мы у врага в тылу, товарищи. Надо выезжать,— предложил Кондряков. А Охлупин запротестовал:

— Я — комендант села Строганова и не допущу дезертирства. Панин положил свою широкую руку на плечо Охлупина.

— Мы тебя выбрали комендантом. Можем и выбросить с этого поста. Я предлагаю отступать.

4

В два часа ночи на пяти подводах мы выехали из села Строганова. Впереди ехали Михайло Кондряков с Катей Паниной. За ними — братья Павел и Иван Ефимовы и Егор Сибиряков. На третьей подводе — Заплатный с учительницей-коммунисткой Раисой Якимовной. На четвертой — комендант Охлупин с военруком комиссариата Чудиновым. На последней подводе ехали: начальник милиции Чирков, милиционер Иван Сибиряков и я.

Кондряков свернул с тракта в сторону на берег реки Обвы.

Остальные потянулись за ним.

По окольной, мало проезжей дороге, мы утром выехали на село Митино. Никольское осталось с левой стороны. Оттуда тянул ветерок, и была слышна беспрерывная стрельба.

Митинцы спешно эвакуировались. Мы, отогреваясь у чугунной печки в пустующем помещении исполкома, обсуждали поло-

жение.

Василий Охлупин говорил:

— Возможно, что передовые части белой армии из Добрянки через Усть-Гари дошли до Никольска. Там, сами знаете, стоит кавалерийский полк, а у них полторы тысячи сабель. Возможно, белые дошли и осеклись. Ну, и идет перестрелка.

— Может быть, и так. А почему наши разведчики не возвратились в Строганово? Говорят, что отсюда четверо уехало в Никольск. Обратно никого. Все это, знаешь ли, довольно

подозрительно.

— Что же, по-твоему, товарищ Кондряков, там происходит?

— Трудно сказать...

— Надо разведать, — предложил Охлупин. — Послать... Ну-с, тов. Ховрин может съездить... Я уверен, что мои предположения совершенно правильны.

* * *

Я еду в село Никольское.

Рассмотреть что-нибудь впереди было совершенно невозможно. Чистил такой холодный ветер, что лицо воротило в сторону. Вытекающая слеза сразу замерзала. Слипались глаза. Я плюнул. На дорогу упал ледяной шарик. Стоял мороз, когда — как говорят в деревнях — птица замерзает на-лету. Чтобы не замерзнуть, я большую половину пути бежал за санями "собачкой". Густая морозная мгла закрывала даль. Шагов за двадцать ничего не было видно. Едешь, как в какой то сказочной пустыне. Вокруг — ни

людей, ни придорожного кустика... Стрельба в Никольске прекратилась. Совсем стало тихо и одиноко. Я не заметил, как подъехал к селу и наткнулся на охрану.

— Стой! Куда? Есть пропуск? — остановил меня неожиданно

окрик постового.

Я поежился, заметив у него на плечах погоны. Куда едешь? — повторил вопрос постовой.

Я не знал, что ответить. Лошадь от мороза стала переступать с ноги на ногу, и я нашелся:

Лошадь ковать в кузницу.

— Документ есть?

И я уже полез было за пазуху, где у меня было спрятано

оружие. В это время подошел другой солдат.

- Почему задерживаешь? Видишь, лошадь не кована... Проезжай. Обратно поедешь, возьми пропуск. Ну, и мороз... И солдат стал прыгать, приговаривая:

— Чай, сахар, белый хлеб!.. Чай, сахар, белый хлеб!..

Я ударил лошадку вожжами и въехал в улицу села. На окраине жил мой дядя Николай. Я и подвернул к его избе. Вошел в ограду, снял затвор с больших ворот. Завел лошадь во двор. Из избы вышла тетка Александра.

— Зачем приехал? Себя не жалко, хоть нас пожалей.

— Чего ты окрысилась? Приехал в гости в первый раз за два года, а ты лаешься.

Тетка торопливо стала закрывать ворота, а я тем временем забрался в избу.

Когда тетка рассказала мне, что у них делается, я сто раз

раскаялся, что заехал так неосторожно.

— Двадцать третьего, - сообщила мне тетка, - кавалерийский полк поднял восстание. Перебили всех коммунистов. По дорогам выставили засады и расстреливали всех, кто едет с обозами. А сегодня утром под мостом выдолбили прорубь. Арестованных убивают на мосту и в прорубь сбрасывают...

Я поехал обратно. На посту стояли те же солдаты. — Больно скоро подковал? Пропуск имеешь? Я замялся. Один солдат схватился за узду. - Давай пропуск, а то оглобли заворочу.

— Не трогай лошадь!

— Ты разговаривать? — солдат стал поворачивать лошаль обратно. Я выстрелил. Он уткнулся головой в снег. Я рванул вожжи, и лошадь понесла.

У меня за спиною трещали выстрелы, пули пищали мимо

ушей. Я слышал гиканье конников... Погоня...

Рядом с дорогой стали попадаться кустарники. Я уже хотел выскочить из саней и по кустарникам, уйти в ближний лесок, вдруг моя лошадь пошла как-то боком и, ломая оглобли, упала рядом с дорогой. Сани перевернулись. Не успел я выбраться из-под них, как на меня навалилось пятеро солдат...

Притащили меня к двухэтажному дому на горе и втолкнули

в холодный и тёмный амбар.

Прикамье 49 Когда я немного пригляделся, заметил в углу еще одного арестованного. Подошел к нему.

— Садись ближе. Видишь, какая стужа. Вместе не замерзнем. Ежели и замерзнем, так оба враз и убивать им некого будет.

— Ты, товарищ, кто такой?

— Тиш... Не говори таких слов. Услышат — беда! Я "хресьянин" с Висиму. С возом ехал, комиссаров вез.

— Подожди. Строгановские вместе с вами не ехали?

— Ехали. Всех убили. На одном возу углан ехал. Ну, мальчонка лет двенадцати. Его, знаешь, солдат прямо по голове ружьем стукнул, ну и... Я хитрый. Под воз упал, мертвяком прикинулся. Вечером вылез. До ночи не мог вытерпеть — вон какая стужа. Солдат меня и заграбастал. — Сознайся, бает, ты коммунист? — Какой коммунист, мать света икона. Из-за коммунистов, может, жизни решуся... — а он говорит — коммунист ты... Мертвяков, говорят, на скотский могильник возят. Тыщи положили народу...

Вскоре меня повели на допрос.

По выходе из амбара в глаза ударил яркий дневной свет. Я зажмурился от ослепительной белизны снега. Конвоиру пришлось толкать меня в спину прикладом. Он провел меня по темной лестнице во второй этаж и втолкнул в крайнюю комнату.

Я перешагнул порог и отшатнулся. За письменным столом сидел бывший инструктор Строгановского комиссариата Романов. Для него, должно быть, встреча со мной тоже была неожиданной. Романов сделал движение встать, передернул плечами и, не глядя на меня и конвоира, бросил сквозь зубы:

— К Рукавицыну в подвал!...

Вечером, на закате солнца, нас из рукавицынского подвала выгнали на улицу.

— В затылок, становись!

Арестованные, окруженные взводом солдат, замялись. Кто то шептал:

— Господи, в затылок будут стрелять.

— Становись! — повторил команду офицер, подкрепив ее злобной матерщиной. Солдаты стали устанавливать порядок при помощи штыков. Я стал первым.

— Шагом марш!

Кто-то часто дышал мне в шею. Обернулся — висимский крестьянин. Без шапки. Уши у него уже прихватил мороз.

Провели нас по мосту за реку Обву, где на завороте дороги росли густые кустарники, а за кустарниками черной стеною стоял еловый лес.

Солнце огромным красным шаром подкатилось к далекому горизонту. Мне почему-то показалось, что оно кружится, как волчок.

Вспомнилась родная мать, покойная бабушка Якимовна, Ванюшка-крестник, товарищи по работе...

По большевистской банде! Взвод!...

Одновременно с командой "пли!" я упал в дорожный ухаб. Пули сыпнули над головой. Прикрываясь сумраком вечера и беспорядочной стрельбой, я бросился в кустарники, за мной еще кто-то. Раздались окрики. Вслед летели шальные пули.

Через лес я выбежал на обвинские луга. В это время закатилось солнце, и вечернюю зарю скрыло туманное марево. Стало

темно.

В темноте я бежал... Опасность уже давно миновала, а я бежал и не мог остановиться. Вдруг упал под горку. Встал, провалился в снегу. Ноги обожгла ледяная вода. Я понял, что скатился под берег реки Обвы и попал в наледь.

На противоположном берегу чернели постройки села Митино.

5

Той же ночью строгановский отряд из Митина направился

на север.

Исчезла туманная мгла. Вызвездило. Поднялась луна в морозных рукавицах. Еще крепче подмораживало, чем в прошлую ночь. При вынужденном повороте к встречному ветру мороз, как кипятком, обжигал лицо — пробирал до костей. Я был в тулупе, а он казался мне тонкой рубахой. Было невозможно разговаривать.

Замерзала смазка в ружейных затворах. Я хотел подстрелить пробежавшего мимо русака, винтовка дала осечку. "А что, если погоня?"— невольно мелькнула тревожная мысль...

Утром у поселка Рождественского нас неожиданно остано-

вил "секрет".

— Стой! Кто такие?

С передней подводы слез Кондряков.

Переговорив с часовыми, мы въехали в поселок. Единственная улица и площадь у церкви были заставлены подводами. На площади горел большой костер. Подъехали к одному двору. Я выскочил из саней и побежал греться. Во дворе вплотную стояли лошади и повозки, не было никакого прохода. Лошади закуржевели, как будто бы их обложили ватой. Из открытой двери избы валил пар. Там стоял сплошной гул. Я с трудом протискался в избу. Скоро оттаял, согрелся, высушил ноги и вышел на улицу, чтобы дать место другому. Наши подводы стояли за воротами. На лошадей товарищи набросили тулупы и сами разочились по домам. Около обозов дежурил Егор Сибиряков.

— Убежал, а куда — не сказался. Тебя Заплатный спрашивал. Ждет у костра на площади. Иди скорее... Скажу я тебе, — ну и голова — Андрей Иванович! С ним, брат, в такую пору не

пропадешь.

Заплатный хозяйничал у костра. Увидел меня, помахал головней.

— Ховрин! Айда скорей! Мерэлюк!

Я подошел к костру, который пылал, как баня при пожаре, распространяя тепло чуть не на всю площадь, а подкладывали все новое и новое топливо.

– Говори спасибо долгогривым. Приготовили дровишек для

доброго дела.

Десятки людей сидели вокруг яркого костра. Все ели горячую печеную картошку. Андрей палкой выкапывал из горячей золы готовые печёнки.

- Чья? Борода с сосульками! Твой пай.

Подошел человек, оттаивавший сосульки на бороде, взял картофелину и, перебрасывая ее с руки на руку, стал в сторонке. Следующая печёнка досталась мне. Вкусная, рассыпчатая...

— Ты где картошку взял?— спрашивали у Андрея Ивановича.
— В отороде у пода в осочной дуе среду речья У него

— В огороде у попа, в овощной яме среди репья. У него картошки пудов сто... Кто побойчей, тащи еще одну торбу. От костра отделились двое и пошли в поповский огород...

В полдень собрали народ на митинг. Говорил Михайло Его-

рович.

— Товарищи! Десятый кавалерийский полк в Никольске, как вы знаете, восстал против советской власти. Для нас пути на железную дорогу отрезаны. Может быть, противник уже идет и по нашим пятам. Надо что-то делать...

Андрей Заплатный предложил пробиваться на железную дорогу. Нашлись и такие, что предлагали мирно разойтись по хуторам и отдать себя на волю победителей. Но на таких кричали,

грозили "стенкой".

Когда собравшиеся досыта накричались, вышел Яков Ильич Панин. Он спокойно оглядел собравшихся и, не торопясь, стал

говорить:

- Товарищи! Я думаю так: надо семьи, стариков, больных и всех, кто не может носить оружия, отправить сейчас же на Вятскую грань, пока белые не обошли нас кругом. Из коммунистов мы должны составить отряд. Если кто из беспартийных пожелает, пусть остается с нами. Мы будем задерживать белых и прикрывать отступление нашего обоза. Вот всё, что я могу сказать.
- Правильно, папаша... Прошу слова!— встал рядом с Паниным молодой парень в красноармейской форме.— Наговорились? Не о чем больше говорить: кто желает, непартийные, записывайтесь в отряд.

Красноармеец достал из сумки памятную книжку, карандаш и стал в очередь записывать товарищей в партизанский отряд.

Вместе с коммунистами набралось семьдесят четыре человека.

В гору мимо школы, где был митинг, потянулся обоз.

В отряде выбирали командиров. Командиром нового парти-

занского отряда выдвинули Панина.

— Я— человек штатский, — отказывался Яков Ильич. — В войне ничего не понимаю. Самый подходящий у нас командир — это товарищ Кондряков Михайло Егорович. Я, если ничего не имеете, буду в отряде вроде как комиссар.

Так и сделали. Кондрякова выбрали командиром отряда, а Панина комиссаром. Назначили двух взводных, шесть отделен-

ных. Распределили людей по заставам, по постам, в секреты. Нас, строгановских, послали на самую опасную заставу в сторону Никольска— в деревню Усть-Нердву.

6

Из Усть-Нердвы, расположенной на высокой горе, видна на десятки верст долина реки Обвы. Под горою, на речке Нердве, шумела двумя поставами водяная мельница. Хотя на ее стене висела комбедовская вывеска, а на мельнице уже важно расхаживал ее бывший владелец, толстый мужик Матюга Редька.

В Усть-Нердве наша застава заняла пустой дом — хозяева уехали с красными. Жители деревни тайком принесли молоко, свежий хлеб. Мы затопили печь и стали сушить промерзшие

насквозь сырые валенки.

С вечера меня послали на пост за деревню, по край глубокого лога. Настала ночь, темная, безлунная. Кругом на горизонте вспыхивали огни орудийных залпов, где-то стреляли из винтовок. За логом протяжно завыл волк...

Через два часа меня сменили.

Товарищи спали. Караульный начальник Павел Иванович вполголоса разговаривал с военруком Чудиновым.

— Что значит, по-твоему, идейный коммунист?

— Это не мне объяснять. Изволь. Это — человек идеи. Она для него всё в жизни. Вначале духовное, а потом уж материаль-

ное. А много ли у вас таких коммунистов?

— Совсем их нет — таких коммунистов. Ваши ученые люди не могут понять, что идеи не изобретаются отдельными личностями, а выдвигаются развитием материальной жизни общества... Большевики — это, прежде всего, материалисты...

Я прикурнул на лавочке. Делал усилие понять, о чем говорят товарищи, но скоро уснул, ничего не понявши: идеалисты...

материалисты...

Ночь прошла спокойно. Утром сам начальник заставы Охлупин поехал в разведку и взял с собою Чудинова и Чиркова.

Прошел день, наступил вечер, а разведчики не возвращались.

— Неужели засыпались?

Товарищ Панин высказал некоторые догадки:

- Сбежали господа офицеры к белым...

Мы обнаружили исчезновение патронов. Потерялись две винтовки. Пропал мешок с сухарями. Теперь уже не было сомнения, что Охлупин изменил нам и передался белобанде.

Нас осталось семеро. На всех — пять винтовок с ограниченным количеством патронов. Успокаивало то, что мы были хорошо

вооружены гранатами - у каждого пять штук.

При наступлении ночи пришлось всем дежурить на улице и греться в избе по очереди. Оставить заставу без приказа мы не имели права, чтобы не подвести весь отряд. Ожидали из Рождественского связи...

В полночь показался противник. Мы остерегались нападения с тыла, а белые шли со стороны Рождественского, окружая нашу

заставу. Мы зарылись в снег. Белые без всякой осторожности

поднимались цепочкой в гору.

Подпустив их шагов на пятьдесят, мы бросили гранаты. Ухнули тяжелые взрывы, отдаваясь эхом от ближнего леса. Мы побежали на Рождественскую дорогу. По нам с тыла застрочил пулемет. Враги у мельницы встретили нас в штыки.

— Смелей, товарищи! — крикнул Павел Иванович и бросился на плотину. Работая прикладом, он сшиб одного беляка на подливной мост мельницы. Кто-то выстрелил прямо в упор,

и Ефимов свалился с плотины.

На меня бежал солдат, размахивая кавалерийской винтовкой без штыка, держа ее за ствол... В это время треснул выстрел, и солдат свалился мне под ноги. Я не успел увернуться и получил удар прикладом по спине. Рядом стоял с дымящимся наганом Иван Ефимов — брат Павла Ивановича...

К нам на выручку вынырнули из-за поворота первые подводы партизанского отряда. Белые отступили, но на горе в Усть-Нердве успели поставить трехдюймовку и стали бить по дороге в поселок Рождественский. Мы были вынуждены свернуть

в лес по направлению Обвинского монастыря.

Проезжая мимо хлебных амбаров Рождественского, Егор Сибиряков погрозил в сторону белых кулаком.

— Подожди, гады! Мы еще вам покажем...

Из-за угла раздался выстрел, Егор свалился на руки своего однофамильца Ивана Петровича Сибирякова.

7

Ехали темным дремучим лесом, по дороге, проложенной лесорубами. У меня сильно болела спина. Я забрался в кошовку Кондряковых и в нырках стонал от боли. Рядом со мной сидела Катя. Она участливо глядела на меня, как родная мать.

- Потерпи немного. Скоро приедем, рану перевяжу. Сейчас

нельзя останавливаться.

Смотрю, в одном месте, где пришлось переезжать через занесенный снегом валежник, сама Катя Панина вся переменилась в лице, прикусила нижнюю губу. Вот-вот закричит. Я кулаком ткнул в спину Кондрякова, который правил лошадью.

— Тпру! Эх, не женись, брат Лука... Андрей! Остановись. Раздались крики: "Стой! Остановись!.." Заплатный остановил подводу. К нам подошла Раиса Якимовна. Взглянула на Катю.

 Ничего. Начинается. Не во-время только... Ты иди вместо меня.

С помощью Кондрякова я перебрался в сани к Андрею За-

платному. Поехали дальше.

Скоро весь отряд узнал о положении Кати Паниной. Передние остановились. Остановились все. Подошли товарищи. Гово-

рили враз, советовали, возмущались.

— Ты хотя и командир, а что? Заморозить хочешь бабу-то с ребенком? До Обвинского верст пятнадцать... В этом волоке никто нас не найдет. Никуда не поедем, пока не родит.

Затрещал сушник. Загорели костры. Закипели чайники, котелки. К самому большому костру набросали хвою, тулупы — всё, что было теплое.

Сплошной стеной стояли ели и пихты, освещенные пламенем костров. Среди вершин черными пятнами проглядывало ночное небо. Около Кати, кроме Раисы Якимовны, хлопотали партизаны из старичков.

Ни одна мать никогда не пользовалась таким теплым сочувствием, как Катя Панина. Товарищи спрашивали друг

друга:

- Как? Благополучно ли?

Сам Кондряков рассеянно ходил от костра к костру. - Товарищи дорогие! Что мне делать? Я не виноват.

— Мы что ли виноваты? Только знай, брат, что ребенок-то совсем не твой. Он, как тебе сказать, наш — партизанский...

Отряд пополнился еще одним партизаном. У Кати Паниной

родился сын...

Забросали костры снегом, заботливо устроили молодую мать на самые широкие розвальни и стали продолжать путь.

На рассвете за пригорком показались зеленые купола. То было село Обвинское...

На отдых разместились в школе. Раиса Якимовна в школьной сторожке осмотрела мою больную спину. Оказался большой синяк и ссадины. - "Хорошо, что ребра целы", - подумал

я... Хотелось есть. Я побрел по школе.

В одном классе компания, человек пять, взгромоздила парты чуть не до потолка, сверху положили классные доски и устраивались на отдых. И тепло, и никто не беспокоит. Один из взгромоздившихся на парты уплетал большой ломоть ржаного хлеба с солью.

— Товарищ! — обратился як нему, — дай немного хлеба. Есть

— Хлеб у меня для себя, — ответил он. — Я бы в твои годы во как бы жил, как кот Васька в масле. Чем попрошайничать, иди к монашенкам. Напоят, накормят и спать уложат...

А другой добавил:

— Иди, иди, серая пробка! Без нахлебников обойдемся.

Я пришел к своим. Андрей Заплатный уж успел напечь картошки, предусмотрительно заготовленной в поселке Рождественском. Я позавтракал и лег спать.

— Сашка! Вставай что ли...-через час тормошил меня За-

платный. - Идем обедать. Наши все пообедали.

— Куда? Где?

— В монастыре. Не можешь если, подмогу.

Оказалось, что по заказу Якова Панина монашки для отряда сварили мясной обед. На первое - суп, вторым - жареная баранина с капустой. Молоко, белый хлеб. Многие дома так не едали, как наелись в монастырской трапезной.

После обеда старая монашка привезла нам в школу сахар и папиросы "Тары-бары". Задымили все, даже некурящие.

Кондряков так объяснил:

— Врасплох мы нагрянули. Советская власть давно у них эвакуировалась. Монашки ждали белых, а пришли красные. Пе-

репугались... теперь думают папиросами отделаться...

Разведка белых нашупала наш отряд. Они стали с трех сторон обстреливать село Обвинское. Снаряды рвались далеко за селом: то ли корректировка у них была плохая, то ли они думали закупорить дороги к нашему отступлению.

Мы, не торопясь, готовились к выезду из Обвинского. Грузили продукты, приводили в порядок оружие, сменили разбитые сани на хорошие монастырские, у кулаков конфисковали несколько

лошадей.

Командир отряда Кондряков отдал приказ садиться на под-

воды и готовиться к отъезду.

— Никуда я не поеду, — заявил партизан, у которого я утром просил хлеба. — Ну ее к лешему, эту войну! То наступаем, то отступаем. Нас и не спрашивают... Митрей, Митрей! Был ты нижним чином и остался нижним чином. Атаман-от наш — истовый офицер-золотопогонник. Сам к белым перемахнет, а мы отвечай. Говорил я вчера, что по хуторам надо разойтись. Не послушали, чорт с вами! Майтесь по тайге, а я никуда отсюдова не поеду. — Митрий поставил в угол винтовку, в парту сунул гранату и пошел к выходу.

Меня послали сменить с дежурства дальний пост — "размять

больную поясницу", - как говорил Заплатный.

Пока я ковылял к посту, меня обогнали трое. Один из них безоружный. Это был Митрей.

Прошли в ложок... Быстро возвратились вдвоем.

Спрашиваю:

— А тот где?

— К Духонину отправился...

"Зимний денек с воробьиный носок", — говорит народная

пословица. Незаметно подошел серый вечер.

Белые не прекращали орудийной канонады. С наступлением темноты снаряды стали ложиться все ближе и ближе к монастырю. Вот один взорвался на гумне, другой — на околице. С одного нашего поста заметили, что за селением, на возвышенности, в лесном сколке мерцает сигнальный красный огонек и, очевидно, руководит стрельбой артиллерии белых.

Меня и Ивана Ефимова послали в разведку.

С большой дороги в сколок тянулась свежая лыжница. По ней мы дошли до высокого ельника. На вершине одной елки

сидел человек и помахивал фонарем.

Я, как белку, взял сигналиста на прицел. Но Иван меня толкнул под локоть. Пуля ударилась в соседнее дерево и рикошетом с визгом пропала в лесу. Сверху упал фонарь. Ударившись о пень, он разбился вдребезги. Спустился сам сигналист. Из-под котиковой шапки на плечи вылезали длинные... поповские волосы.

[—] Кому сигналил?

— Своим сигналил, белым...— Он упал на колени и поднял руки.

- Сдаюсь. Что хотите, то и делайте.

Когда мы возвращались обратно, в колокольню монастырской церкви ударил трехдюймовый снаряд. По верху сыпнула шрапнель, сбивая с крыш тяжелые снеговые навесы. Затрещали пулеметы, поливая свинцом улицы Обвинского монастыря. Наш отряд, отстреливаясь от наседавшего противника, по глухой дороге спешно отступил в тайгу...

Мы ехали по темной трущобе, не зная, куда выедем. За собою в перекрест дороги валили сушник и валёжник, чтобы загородить путь на случай погони. Сани цеплялись за пни и коряги. Иногда лошади вязли в снегу. Приходилось подпрягаться к ним и помогать вытаскивать сани на дорогу. Рвались завертки, ло-

мались оглобли.

Только утром попала нам проезжая дорога, и мы по ней выехали на безымённый кордон.

Катю Панину ввели в избу под руки.

Распеленали маленького Мишку. Он на всю избу поднял концерт. Катя беспокоилась, а хозяйка— мать кучи белобрысых ребятишек— советовала Кате:

— Ты сама себя побереги, а то оставищь сиротинушку: не

хворый он, вот и голосит.

У заборки стояла худощавая женщина и, закусив угол платка,

со слезами на глазах говорила:

— Не приведи господь так с дитёнком маяться... Мне приходилось с Анюшкой к причастию в монастырь раз в годочик съездить, и то умаешься, а ты в каку даль осмелилась... Подумать только...

8

Становись!.. По порядку рассчитайсь!
Первый, второй, третий, четвертый...

В строю оказалось тридцать четыре человека. Десятка два

раненых да больных.

— Товарищи!— обратился к нам Михайло Егорович.— Сейчас поедем в село Питеево через деревню Сутяги. Там должны быть наши войска. Всех, кто не может носить оружие, отправим в тыл в Вятскую губернию, сами вольёмся в какую-либо воинскую часть. Садись в сани! По местам, товарищи!..

В воздухе потеплело. Валил мягкий снежок. В одном месте из лесочка выбежал заяц, сел на задние лапы близехонько от дороги и смешно зашевелил ушами. Поднялся крик: "Держи его!. Лови косого! О-го-го!.." Заяц фыркнул и скрылся в лесу.

Совсем было не похоже на войну, — ехали как будто на про-

гулку...

На каждом повороте извилистой дороги в раскатах сани описывали дугу и, если "кучер"— неловкий парень, опрокидывались. Люди падали в снег и со смехом бежали, догоняя свою-

подводу. Передние запели песню. Она была подхвачена осталь-

ными и громко разнеслась над снежным лесом.

Так с песнями и беззаботным весельем мы подъезжали к селу Питеево, где ждал нас, как мы мечтали, заслуженный отдых и выход к своим красноармейским частям.

Вдруг из-за поворота дороги к нам вылетели на взмыленных

конях двое верховых. Один без шапки.

— Кто такие? Красные?.. Беда, товарищи... белобандиты заняли волость. Порют всех, расстреливают. Спасаться надо...

— Не тараторы! — остановил его Кондряков. — Есть где по-

близости отворот в лес?

Есть. Недалеко за кривулиной.

— Поезжай вперед в разведку, а ты, друг, нам показывай дорогу,— приказал Кондряков другому питеевскому товарищу.

За поворотом свернули в лес по дороге, запорошенной снегом. Спешно сделали первый завал. Не успели отъехать от него, как вдогонку нам засвистели пули. Кондряков назначил несколько стрелков под командой Заплатного задерживать противника у завалов. Постепенно погоня, которая, должно быть, гналась за питеевскими товарищами и была немногочисленной, отстала от нашего отряда.

Возвратился разведчик.

— Беда, товарищи!..

— Ну тебя к чорту с твоей "бедой"... Из Питеева притнал, кричал: беда! Из разведки едешь, опять — беда. Говори толком.

— Целое войско идет навстречу. Есть и верховые. Меня за-

метили... Чуть жив остался...

— Товарищи! Нашему малочисленному отряду придется пробиваться в расположение красных частей лесом, без дорог. Чтобы отвлечь и задержать противника на этой дороге, оставим более крепких ребят. Суханов, Заплатный, Ефимов Иван, Ховрин...— Кондряков назвал десять фамилий...— Эти остаются на месте, остальные товарищи должны отправляться в лес. Питеевские вас выведут, куда надо. Мы потом вас догоним.

Кто-то запротестовал:

— Я пойду свою шкуру спасать, а вы за меня будете кровь проливать. Как же это? Дозволь остаться, товарищ командир...

— Я приказываю! — необычно повысив голос, сказал тов. Кондряков. — Я отвечаю за вас. Кто, знаешь ли, не будет подчиняться, пристрелю без разговоров. Шагом марш, в лес! — В руке Кондрякова блеснул наган. Яков Ильич Панин любовно глядел на командира.

— Старшим назначаю Ивана Сибирякова.

Отряд разделился на две партии. Одни остались на дороге, другие на лыжах гуськом потянулись в лесную чащу. Кондряков снял шапку, задумчиво глядел вслед удаляющимся товарищам и прощался с Катей Паниной, которую вели под руки двое партизан. Сына нес на руках Иван Сибиряков. Катя повернулась, помахала нам всем рукой, и скрылась за деревьями...

Мы рубили деревья, сваливая их костром на дорогу, загораживая подходы как со стороны Питеевского тракта, так и с противоположной стороны, откуда по донесению разведки, приближалась неизвестная белая часть.

Свечерело. Мы стали ждать. Вот, показались первые конные—двое в черных шинелях, на вороных лошадях. Они ярко выделялись на белом зимнем фоне. Подпустив поближе, Заплатный двумя выстрелами снял их с лошадей. Кони бросились обратно по дороге. У убитых на рукавах черных шинелей были нашиты белые черепа. Кондряков предупредил нас:

— Это — офицерская часть "ударников"... Держись, "моряки сухого болота". Будет шторм... Только бы подальше ушли наши

товарищи...

На дороге показались белогвардейцы. Шли чётким строем по два человека в ряду, без единого выстрела. Все ближе и ближе. Мы замерли на своей баррикаде. За несколько десятков шагов белые с винтовками наперевес, с криками ура! бросились на баррикаду.

— Невежливо, братишки. Без объявления войны...—пошутил

Андрей Заплатный.

— Огонь! — подал команду Кондряков.

Дружный залп, взрывы десятка гранат. На белом снегу зачернели трупы. Оставшиеся в живых зарылись в снег.

Вторая колонна хотела взять нас с налету. Отчаянно стреляли, бросали гранаты, "наводили панику",— как говорится. Мы

их также заставили зарыться в снег.

Недолгой была эта передышка. С тыла застрочил пулемет. Несколько наших товарищей вышло из строя. Зашевелились белые, что залегли в снегу. Враг атаковал нас со всех сторон. Уже бесполезны были наши гранаты, прекратились выстрелы. Бились врукопашную. Только Андрей Заплатный, забравшись на самую вершину завала, метко работал винтовкой. К нему лезли беляки, а он их по одному точными выстрелами скидывал обратно, в перерывы стреляя по дороге, откуда двигались подкрепления белых...

Сопротивляться больше не было никакого смысла.

— Отдать чалку!.. крикнул Кондряков.

Я бросился в лес и видел, как над головою Андрея Заплатного сверкнула белогвардейская шашка.

9

До утра бродил я один по лесу. От устали едва передвигал ноги. С большим трудом развел костер. Притащил корягу, сел на нее и уснул. Когда костер заглох и стало холодно, проснулся, набросал сучья и опять уснул. И так несколько раз.

Надо было уходить, но меня так пригрело, что я едва оторвался от огня: завалил костер снегом и, когда огонь окончательно потушил и мне не было от него уже никакой пользы,

встал и пошел.

Жевал по пути высунувшиеся из-под снега верхушки сосновых побегов — "пестики", ломал пихтовые лапы и обрывал их молодые верхушечные почки. В одном месте в логу нашел целые заросли калины. Мерзлые ягоды горького дерева показались мне слаще винограда. Попалась реченка — напился. Нашел шиповник. Ягодами шиповника я набил все свои карманы, в сумку, за пазуху — везде насовал ягод.

К ночи случайно, не зная дороги, добрел до мельницы-мутовки. Сломал штыком висячий замок и забрался на мельницу. Из ковша выскреб все мучные остатки, затопил железную печку в сто-

рожке, улегся на скамейку и уснул.

На заре, когда еще было темно, меня разбудил собачий лай. Вскочил, схватился за винтовку. К мельнице кто-то подъехал.

— Что такое? Запор взломан... – недоумевал приезжий, не

решаясь войти внутрь.

Я быстро вышел из сторожки. Передо мной стоял крестьянин; от испуга у него дрожала рыжая борода.

— Не убивай, товарищ, семья большая...

Я рассказал, кто я такой и как попал на мельницу.

— Вот оно, какое дело-то, парень... Где-то у меня ярушники в котомке. Изголодался. Прямо смерть — на тебя глядеть-то. Кожа да кости.

Крестьянин смолол зерно, усадил меня рядом с теплым мешком, и мы отправились в его починок. Дорогой он мне объяснял:

— У нас в починке ни красных, ни белых. Сами себе хозяева. Красные куда-то уехали, а белым к нам ни в "жисть" не добраться, живем в лесу, поклоняемся пню. В Симанихе, пять верст от починку, стоит красный полк. Какие-то, слышь, водники... Погостишь у меня недельку-другу, а там я тебя отвезу в Симаниху... Но! Дареной! Переступай веселее...

- Нет! Ты меня сегодня отвези, а то пешком уйду.

— Как хошь... Была бы честь предложена. Вдругорядь тогда... на распутьи, милости просим к Никонору Петровичу.

Доехали до починка. Всего три двора. Избушки, занесенные

снегом, издали совсем были незаметны.

- Когда-нибудь ваш починок совсем снегом занесет.

— Не может быть этого... Тпру, дареной!.. Я тебя давеча обманул, — говорил Никанор, слезая с саней, — семья, баял, большая. Какая семья? Со старухой на-пару живем.

Из избы на двор вышла старушка.

— Старуха! Я на мельнице подкидыша нашел. Грей брагу, **п**ринимай родню.

Пришли в избу. На стене висели какие-то деревянные ре-

шётки.

— Не видал? Я ведь вятский шерстобит.

Здесь разве Вятская губерния?
А ты думал — православная.

Никанор Петрович заставил меня снова рассказать, как я по лесу бродил. Старушка подперла кулачком подбородок, слушала и даже прослезилась.

После обеда Никанор Петрович запрёг воронка в расписную кошовку. Я отказывался:

— Можно и в розвальнях.

— Непорядок. Нельзя такого комиссара в санях. В наилучшем экипаже в три дуги с колокольчиком... Парень! Ты не знаешь Никонора Петровича. Кто он был?.. Отхожий шерстобит. А теперя кто? А теперя гражданин Советской республики. И тебе пашня, и тебе покосы. Ведь советская власть мне избушку-то помогла построить. И называется — Красный починок... А помещику шлепнули по заднице. Так и надо...

К дуге Никанор Петрович подвесил колокольчик.

— Садись, давай, да держися крепче... A ну-ко, дареной. Но-но! Воронко! Поехали...

При выезде из починка Никанор Петрович наклонился ко

мне и сообщил на ушко:

— Воронко у меня тоже от помещика. Советская власть у него отобрала да мне и подарила. Оно и вышло — дареной. Пускай помещик пешком ходит, а мы находилися.

В Симанихе на посту стоял красноармеец в новой зеленой шинели, в остроконечной шапке. Он проверил мое удостовере-

ние, приложил руку к козырьку и пропустил.

По сельской улице ходили красноармейцы, так же хорошо

одетые, как и часовой.

Никанор Петрович подкатил к штабу. У коновязи стояли кавалерийские кони. Новые уздечки, желтые седла. Я вошел в помещение. Ко мне подошел какой-то военный. Расспросил меня, кто я и что мне надо. Потом подвел меня к двери одной комнаты. Постучал и спросил:

Товарищ комполка! Разрешите войти.

— Войдите, — ответили из комнаты.

Военный велел мне подождать, сам вошел к командиру полка. Через некоторое время позвали меня.

— Товарищ Ховрин!

Я робко переступил порог и, не доходя двух шагов до стола, за которым сидел командир, отрапортовал:

— Красногвардеец партизанского отряда Ховрин! Явился в

ваше распоряжение.

Командир быстро вышел из-за стола, взял меня за руки, а потом обнял.

— Сашка!.. Ты живой, дорогой товарищ, старый бурлак...

У меня от радостной встречи закружилась голова: это был Афанасий Ефимович, с которым я еще в пятнадцатом году служил на паровом баркасе. Он бережно усадил меня на стул и взял трубку телефона. Раздались три протяжных гудка.

- Седьмая рота?.. Поиски оставить. Нашелся... Да, да...

— Товарищ адъютант! Попроси комиссара.

Адъютант — это тот, который меня встретил в коридоре, вышел. Я взглянул в окно на улицу. Там Никанора Петровича обступили красноармейцы. Он что-то рассказывал. Красноармейцы весело хохотали.

Открылась дверь в комнату. Почищенный, побритый, в новом обмундировании, длинный и худой, вошел Михайло Егорович Кондояков.

— Ну и черти! — шутил Афанасий Ефимович. — Дисциплину

нарушаете. На командира полка никакого внимания...

В это время командиру передали телефонограмму. Он прочитал ее, потом снова прочитал, улыбнулся и встал из-за стола:

- Товарищи! Красная армия на восточном фронте больше ни шагу не отступит перед врагом. На фронт приехали товарищ Дзержинский и товарищ Сталин.

и. трайнин

конец главаря

I

Комендант пограничной заставы Назимов пятые сутки лежал без памяти, лишь изредка приходя в сознание. Тропическая лихорадка измучила его. Было решено немедленно отправить Назимова в ближайшую больницу.

Жена коменданта Вера Антоновна сдалась после пяти бессон-

ных ночей и согласилась ехать с мужем в больницу.

У линейки, на которой лежал Назимов, собрались бойцы.

Солнце и пыль работали заодно, и нечем было дышать.

Григорий Краснопляс — повар заставы — раздобыл марли и смастерил полог. Под ним было чуть прохладнее, и пыль не забивалась в рот. Дышалось свободнее.

— Товарищ Назимов, чтоб туда и обратно, - провожали бой-

цы коменданта.

Назимов болезненно улыбнулся и негромко ответил:

— Пожалуй до больницы еще не доеду, как вылечусь и обратно вернусь.

Бойцы рассмеялись.

II

Уставшее за день солнце уходило за болото, и сумерки быстро окутывали заставу.

В окно кабинета виднелись река и дорога, подходившая к

ней узким коридором, в густых зарослях камыша.

Ленивые буйволы, вывалявшиеся в грязи и разопревшие от жары, медленные и молчаливые бараны шли с водопоя, подымая облако густой пыли. Григорьев торопливо закрыл окна и подошел к карте. В дверь осторожно постучали.

— Можно!

В комнату вошли двое пограничников. Они ввели мужчину в тюбетейке и в сером халате. Мокрый халат был в грязи и местами изорван.

- Перебежчика, товарищ Григорьев, задержали.

Командир пристально посмотрел в глаза введенному. Они были грустные и усталые.

— Чего искал, куда ходил? — вежливо обратился к нему Гри-

горьев.

— Я есть... чабан Аслан-бека... Абубекир Юлаев. — Жажда мучила его, и он все время облизывал сухие, потрескавшиеся до крови губы. Заметив на тумбочке сосуд, он попросил разрешения напиться. Григорьев ему разрешил.

Юлаев снял тюбетейку, подошел к графину, выпил стакан тепловатой воды, вытер концом широкого рукава лоб и, отды-

шавшись, заговорил:

— У меня для вас слово есть. Очень важное слово. — И он показал глазами на красноармейцев, намекнув на то, что разговор должен происходить без свидетелей.

Когда бойцы удалились, чабан, точно боясь, что его прервут

и не дадут досказать, торопливо заговорил:

- Я у Аслан-бека за баранами ходил. Хуже собаки держал нас... Вчера до меня страшный слух дошел, и я сюда вам сказать пробрался. Завтра охота на кабанов будет. Аслан-бек камышем пройдет. По колхозным отарам и по заставе ударит. У него новые английские ружья и пулеметы ручные. Сто всадников.
  - Пусть хоть двести. Должно быть пронюхал, что Назимова

нет и решил резню учинить. Чего ж, пусть попробуют.

Юлаев стоял за ставней окна, чтобы оставаться незамеченным с улицы и глядел на дорогу. То и дело вытирал рукавом пот, густо выступавший на лбу.

— А ты верно говоришь? – дружески похлопал Абубекира

по плечу Григорьев. Чабан улыбнулся.

— Бедный человек красного начальника никогда не обманет,— и он распахнул халат из домотканного материала, накинутый прямо на голое тело, показывая то живот, то спину, покрытые частыми полосами, вспухшими и синими от плеточных ударов.— Двух баранов волки сожрали. Каждый раз так платил. Гневно сжал кулаки:— Человек дешевле скотины.

Григорьев подошел вплотную к Юлаеву и крепко пожал его

тонкую, изможденную руку...

Зазвенел звонок. Тотчас же появился красноармеец.

— Накормить и до выяснения под стражу, — коротко приказал Григорьев и еще раз крепко пожал руку Абубекира. — Чтобы в колхоз попасть, Аслан-бек должен здесь пройти. Другого пути нет. Болота кругом... — проговорил вслух Григорьев, подойдя к окну.

III

...Когда пришла революция, хмурые чабаны вместе с беднейшими крестьянами разгромили ханов и беков. Они сами стали

управлять землей и пастбищами.

Аслан-бек собрал шайку басмачей и нападал на заставы. Он подвешивал красных аскеров к деревьям вверх ногами, выкалывал кинжалами пятиконечные звезды на их спинах и вбивал им в головы гильзы английских патронов.

Так мстил Аслан-бек своим бывшим чабанам!

Его ловили везде, но нигде не могли поймать. Он вдруг по-

являлся, делал свое черное дело и также внезапно исчезал. И никто не видел его в лицо. Только старые чабаны, собираясь ночью вокруг костров, рассказывали о нем всякие небылицы.

Они говорили, что у него зеленые, как у шайтана, глаза и острый, как у цапли, нос. А когда он посмотрит в упор в бесстрашные глаза волка, зверь становится кротким и удирает прочь.

Такие глаза у Аслан-бека!

А еще говорили: однажды пуля красного аскера пробила ему ногу и уложила под ним лошадь. Он был в беспамятстве. Он лежал, истекая кровью.

Так лежал он ночь, день, а на вторую ночь к нему подкрались два шакала. Аслан-бек схватил их обеими руками и задушил.

Такие руки у Аслан-бека!

И еще говорили: коня подбили под Аслан-беком, но он быстрее ветра уходил от пограничников. И он бежал через камыш, степью, через лес, и ничто не могло догнать его, и он добрался до той стороны границы.

Такие ноги у Аслан-бека!

Много раз громили банду Аслан-бека, но сам он каждый раз оставался неуловимым...

IV

Ночь спали тревожно.

Кроме обычных нарядов, у всех переправ выставили дозоры колхозников.

На чердаках комендантской, бани и жилых домов заставы установили пулеметы.

Краснопляс, прославленный гранатометчик, так и лег спать,

обвешанный гранатами.

Григорьев на быстром тонконогом арабчонке то и дело объезжал часовых...

Следующие два дня, утомительные и длинные, прошли тихо и спокойно, и Григорьев приказал снять дополнительные посты.

— Должно быть Аслан-бек выведал о нашей готовности к встрече,— заметил он.— А может липу городил этот самый Абубекир? Попался и выпутаться таким образом думал...

В конце обеда пришло письмо от Веры Антоновны. Назимова положили в больницу, и приступы прекратились. Самочув-

ствие его резко улучшилось.

— Перемена климата,— заметил Краснопляс.— Я всегда говорил— самый верный способ лихорадку лечить— климат менять. Факт.

- Ты все говорил да говорил, возразил Григорьев. Какая тут перемена климата? Тридцать верст разницы. Солнце то же и комары те же. Им тридцать верст отмахать — сущий пустяк.
- Вы, товарищ командир, напрасно с медициной спорите дело проверенное и мне доверенное. Факт.

Когда спорили Григорьев и Краснопляс, останавливать их бы-

5 Прикамье 65

ло бесполезно. Крепко уважавшие друг друга, они ни за что не желали друг другу в чем-либо уступить. Дух противоречия вселялся в них в эти минуты, и они спорили до исступления.

— Ладно, — сказал Краснопляс. — Давайте кончим. Я все од-

но прав.

Григорьеву понравилось резюме повара и он бросил:

— Люблю я вашу кашу за хороший подлив, а нашего пова-

ра — за превеликий ум и веселый характер.

— А у меня предложение, — проговорил умиротворенный комплиментом Краснопляс. Широкая улыбка покрыла все его веснущатое лицо. — В бане хорошо бы попариться. Жара хоть и могучая стоит, но парная — дело важное и пользительное. И все согласились...

* * *

— Пуще, пуще спину три,— умолял товарища повар,— по позвоночнику пройдись. Для дела необходимо.

Боец, растиравший Краснопляса, устал. Пот лил с него гра-

дом, и мочалка то и дело выскальзывала из рук.

Григорьев взобрался на самую верхнюю полку парной и оттуда обдавал всех холодной водой. У бойцов от неожиданности захватывало дух, казалось, что летишь куда-то в пропасть с высокой горы.

— Ух! Ух! Ох, ты!— кряхтел и пыхтел от удовольствия Краснопляс. Разгоряченный, он с трудом поднялся со скамейки и на-

правился к парной.

Что-то свистящее звякнуло в окно, и стекло со звоном разлетелось во все стороны. Григорьев, обливаясь кровью, покатился вниз с полки. Он был ранен в голову.

Издали доносились выстрелы и громкий лай встревоженных

псов, приглушенные стенами бани.

— Налет! прохрипел Григорьев, преодолевая боль и закры-

вая рану руками. — Васильев, принимай команду.

Старшина подбежал к нему. Он собрался было поднять командира и оказать ему необходимую помощь, но Григорьев повторил приказание.

- Есть! Принять команду, - ответил Васильев.

Краснопляс с гранатой в руке вылетел на крыльцо и бросил ее в приближающихся басмачей.

— Ловите гостинцы!

Приняв от Васильева связку гранат, он побежал вперед.

Застрекотали пулеметы.

Басмачи, не ожидавшие такой встречи, в беспорядке отступали. Они яростно стегали лошадей и неслись по направлению

к реке.

По обочине дороги, прижимаясь к высокому камышу, на белом коне скакал бородатый старик в красной чалме. Лошадь его слегка прихрамывала и явно отставала. Краснопляс ринулся за ним в погоню. Оглянувшись, басмач заметил, что за ним гонится человек, и свернул в камыш.

Прыгая по кочкам, спотыкаясь и проваливаясь в топкую грязь, Краснопляс бежал за красной чалмой.

Он подбил под нарушителем коня, но старик оказался силь-

ным и быстрым и, отстреливаясь, уходил от пограничника.

— Не уйдешь! Сдохну я, но ты не уйдешь! — кричал ему вдо-

гонку Краснопляс.

Й он бежал и бежал, не останавливаясь. Он долго прицеливался и бросил последнюю гранату. Вода и грязь столбом поднялись над болотом, и он увидел, как, неуклюже взмахнув руками, старик шлепнулся в воду.

Предусмотрительно озираясь, Краснопляс подошел к басмачу. Старик лежал в грязи, и чалма сползла с бритой головы. Он хрипел.

Где-то поблизости надрывался выводок диких уток. Ястреб, распластав крылья, медленно кружил над болотом, выискивая добычу.

Осторожно ("язык" понадобится) повар поднял басмача, взвалил его на спину и, тяжело ступая, направился к заставе, прихватив с собой красную чалму.

Острая боль пригибала его всего к земле: ломило ногу. Толь-

ко теперь он понял, что был ранен.

VI

Измазанные грязью, исцарапанные, бойцы столпились недалеко от заставы.

Солнце, как раскаленный медный таз, спускалось в камыши. Воздух, густой от испарений и неподвижный, точно тяжелый груз, придавил заставу.

Беспощадные комары жалили немилосердно, но на них никто

не обращал внимания.

На дороге показался Краснопляс; бойцы побежали к нему навстречу.

- Кого несешь?

Важную птицу. В красной чалме был. Дышит.

Пограничники помогли ему освободиться от ноши и сами понесли басмача в комендантскую.

Прихрамывая и улыбаясь, опершись на руку бойца, повар

плелся за ними следом. В руке он нес шелковую чалму.

Толпой они ввалились в кабинет, но сразу умолкли. На диване с перевязанной головой, побледневший и осунувшийся, лежал Григорьев. Глаза его были открыты, и радостный блеск светился в них. Он был жив и счастлив. Счастлив, что жизнь его и судьба переплелись с судьбой этих простых и душевных парней.

Григорьев ослабевшим голосом проговорил:

— Приведите-ка сюда задержанного. Спасибо сказать ему надо. Да и пусть на земляка поглядит.

Краснопляса перевязали, и он похаживал вокруг старика, по-

лулежавшего в глубоком кресле.

— Странное явление мы наблюдаем. Первый раз в жизни вижу.—И он приблизился к басмачу, который теперь открыл гла-

за и озирался по сторонам.

— С каких это пор у совершенных брюнетов совершенно седые бороды?— рассуждал Краснопляс и начал ощупывать лицо старика.

Борода, колючая и слежавшаяся, местами отступала клочьями. Не в силах сдержать нахлынувшей ярости, Краснопляс с силой рванул бороду. Бойцы с удивлением смотрели то на руку повара, в которой болталась борода, то на басмача.

 Артист, оказывается, гадюка!— разнервничался Краснопляс, и только старшина, показывая на раненого Григорьева,

смог успокоить его.

Перед бойцами полулежал тщательно выбритый мужчина лет сорока пяти. Что-то туманное застилало его взгляд. Преисполненный ненависти, он скривил рот и хотел было плюнуть в бойцов, но слюна, густая и желтая, даже не взлетев, пополэла по подбородку и упала на его шелковый халат.

В это время в комендантскую пограничник ввел Абубекира.
— Юлаев!— прошептал Григорьев,— большое спасибо тебе скажет советская власть. И колхозники большое спасибо скажут.

Бойцы сочувственно переглядывались.

Юлаев подбежал к Григорьеву и наклонился над ним.

— Товарищ начальник,— чуть слышно заговорил он.— Не надо спасибо. Совсем не надо. Я сам себе за такое дело спасибо

скажу.

№ И вдруг, заметив лежавшую около командира красную чалму, Юлаев испуганно стал оглядываться вокруг, ища ее обладателя. Увидев басмача, он вздрогнул и припал к командиру — страх и ненависть одновременно овладели им.

В кресле полулежал Аслан-бек!

Ал. БЫЧКОВ

СЛОВО

Бумага под рукою холодна... И снова боль, и все мученья снова. Как много слов, но где такое слово, В которое любовь заключена?

Где слово то, в котором вдохновенье? И бродишь ты, и кажется тогда, Что день — не день, что ветер без движенья, И горькою становится вода.

Проходит ночь — бессонница и мука! Пошатываясь, выйдешь на крыльцо Навстречу солнцу, трепету и звукам, Ветрам, что плещут свежестью в лицо.

И вдруг замрешь...

Прислушаешься... Взглядом

Окинешь все — привольно и легко! Далекое, как будто, тут же, рядом, И не было, как будто, далеко.

А близкое — еще родней и ближе, Все глазу необычно и ново. Протягивая руки, скажешь: _

— Вижу, Как в первый день рожденья своего!

Был штиль — и нет! Да будет воля шторму! Разбужен громом сонный небосвод. Под ветром парус обретает форму В единственном стремлении — вперед.

И перед ним расторгнулись границы, Он как призыв к движенью и борьбе. Ты слышишь: сердце громче стало биться... То слово просыпается в тебе. В нем вся любовь, что вечно нас тревожит, И радости, и горе в нем слились,— Из слов земных оно нам всех дороже— Знакомое, простое слово: жизнь!

дни осени

Еще на запад не летят пернатые гонцы; Еще ветра не понесли листву во все концы; Еще по травам не прошлась певучая коса, Не стала инеем сухим вечерняя роса. Однако, в этот ясный день не только мы с тобой, Оттенки осени во всем Почувствует любой. Я каждый новый день всегда по-новому встречал,-Что не замечено вчера, сегодня замечал: Иную молодость, полет иных, веселых птиц, Морщинки острые на лбу и складки у ресниц. И становился в те часы трезвее и мудрей, -Я вас как должное встречал, дни осени моей!

морщинки

Он пришел — с ним свежесть ветра, Что сопутствовал в походах. Плечи плотные — в пыли. — Вспоминал меня, товарищ?— Ты в лицо ему взглянула, Где морщинки пролегли.

Там, на стойбищах нанайских, На сыром речном привале, Долго глядя на реку, О тебе не говорил он?.. Может, в этих-то морщинках Спрятал он свою тоску?

борис михайлов

ДЕРЕВЦО

СЫНУ

Теплым летом в чащобе тенистой Затеряется тропка моя. На земле — прошлогодние листья, Серый мох и сухая хвоя.

Наверху перепутаны ветки. Зашумят — только ветром качни. Высоко, высоко, хоть и редко, Да виднеются солнца лучи.

Мне цепляется вереск за плечи, И летит паутинка в лицо... Пробивается солнцу навстречу Молодое, смотрю, деревцо.

Пусть пока оно выглядит хрупким, Неприметно среди крепышей. Будет листьев развертывать трубки Все сочнее, свежее, нежней.

Пить земли благодатные соки, Как весной на угоре трава. Чтоб не гнуться, не быть кособоким, Будет долго тянуться сперва.

И, не кланяясь каждой кручине, Новых веток раскидывать сеть, И крепчать и густеть на вершине, Раздаваться у комля, звенеть.

Хорошо! Пробивайся высоко. Клейким листьям тепло и светло. Пей земли благодатные соки, Чтобы солнце на плечи легло!

ЕВГЕНИИ ФЕДОРОВ

ПОВЕСТЬ О ЗЛОКЛЮЧЕНИЯХ ПЕРВОГО РУССКОГО ЗОЛОТОИСКАТЕЛЯ

1

Завод и крепость Екатеринбург отстроили в 1724 году среди гор и дремучих лесов. Несколько лет спустя в городе была налажена небольшая гранильная мастерская. Устроил ее иноземец — шведский поручик Реф, которого вывез на Каменный Пояс берг-советник Василий Никитич, впоследствии известный

историк.

Первые самоцветы, которые попали в Екатеринбургскую гранильную мастерскую, были тумпасы и строганцы — кристаллы горного хрусталя. Самые красивые и крупные тумпасы приносил в гранильную мастерскую кержак Ерофей Марков. Этот бойкий и очень подвижный человек на сотни верст кругом обошел все шиханы¹ и чащобы. Никто лучше его не знал месторождений самоцветов; он чутьем угадывал скрытые свойства тумпасов. Еще до появления камня в гранильной мастерской он начинал играть в руках Ерофея Маркова. Горщик знал, что каждый "дым" может чудодейственно заиграть другим цветом. Ему была известна одна тайна, — он со своей женой Прасковьей Васильевной делал чудеса с дымчатыми тумпасами. Камень густого цвета они запекали в хлебной корке, и дым тумпаса после этого превращался в золотистый или нежно-желтый. Казалось, в кристалле горного хрусталя застыла капелька солнечного сияния. Дело на вид было простое, но нужно было знать, как запекать и какого "дыма" тумпас можно и следует запекать.

Отыскивал тумпасы Марков неподалеку от села Шарташ, по долу реки Березовки. Поисковое дело ему очень нравилось—тихое, покойное. Целые дни проводишь в лесу. Кругом чащобы; свирепые ветровалы захламили еле приметные лесные тропы. В боровых вершинах беспрестанно гудит верховой ветер; поют птицы; на заре к дальнему водопою на Березовке пробежит осторожный зверь. Хоть и тяжело рыть заступом землю, но зато, когда попадешь на тумпасы или строганцы, радуется сердце и тешится глаз.

¹ Шихан — скалистая вершина горы.

Однажды горщик заложил глубокий шурф и наткнулся на знатную залежь тумпасов и строганцев. Камень попался крупный и с красивой дымкой, и оттого работалось споро и весело. Солнце поднялось высоко над вершинами синих елей, припекало, и Ерофей решил, что пора полдничать. Он в последний раз копнул заступом и вдруг заметил, что среди мокрого песка поблескивает незнакомый желтенький камешек. Горщик бережно перетер на ладошке влажный песок и нашел несколько "скварчинок" с вкрапленными в них крупинками таинственного самоцвета. Старик-кержак много видел на своем веку самоцветов, но такого камешка еще никогда не встречал. Он чутьем понял, что нашел не простой камень.

Ерофей бережно обмусолил находку, камешек не терял блеска и был тяжелее тумпасов. Горщик тщательно завернул его в тря-

пицу и отнес домой.

Утром он отвез строганцы в Екатеринбург и сдал в гранильную мастерскую. Там перед раскрытым окошечком сидел сухонький старик-гранильщик с плутоватыми глазами. Это был известный знаток уральских самоцветов. Ему-то и решил Ерофей показать свою диковинную находку. Вытащив из-за пазухи заветную тряпицу, он показал мастеру желтые камешки. У старика засверкали глаза. Он жадно взял камешки и накалил их на огне; затем на маленькой болванке небольшим молоточком он сковал желтую пластиночку.

— Ну, брат, — засиял старик: — неужто ты это нашел тут на

Каменном Поясе?

— А что? — дрогнуло сердце горщика.

— Да знаешь ли ты, что нашел? Ведь это золото!

— Неужто? — Ерофея обдало жаром.

— Истин бог, золото! Сказывали в нашем царстве-государстве его вовсе нет. А тут вот—на!

Старик вертел, любовался желтенькими камушками.

— Ĥу, Ерофей, счастье тебе привалило!— весело обнадежил горщика мастер.— Отнеси ты эти камни в горную канце-

лярию. Там, мил-друг, облагодетельствуют тебя!

Марков спрятал свое нежданное богатство за пазуху и вышел на улицу. По небу ползли низкие серые тучи, надвигался вечер, итти в горную канцелярию было уже поздно, и он отправился домой.

За ужином Ерофей рассказал своей старухе про совет гранильщика. Женка опасливо оглянулась на слюдяное окно и пе-

рекрестилась.

— Что ты! Что ты, батюшка! Господь с тобой! На беду с табанюхами свяжешься. Ой, Ерофей, не к добру этот камушек попал к тебе!..

Всю ночь старик-добытчик не мог уснуть, ворочался, а

утром, не слушая попреков жены, ущел в крепость.

В горной канцелярии, куда попал Ерофей, в большой светлой комнате свысокими стрельчатыми окнами, в которые падали косые лучи солнца, стоял огромный стол, покрытый зеленым

сукном; на столе поблескивало петровское трехгранное зерцало. В кресле, обитом зеленым штофом, сидел важный в пышном парике бритоус-саксонец. При виде горщика он нахмурился и грозно посмотрел на него. Однако, горщик не оробел; он снял с головы шапку, достал тряпицу и уверенно прошел к столу. Ерофей развернул узелок и выложил на стол пластинку и желтые камушки.

— Что это? — грозно сдвинул брови саксонец.

— Сие есть золото!— Ерофей радостно посмотрел на бритоуса. Тот заметно оживился, серая сонливость и безразличный вид быстро спали с его мясистого лица.

О-о! прохрипел саксонец, и его толстые пальцы, уни-

занные перстнями, потянулись за золотой пластинкой:

Подай сюда!

Он взял пластинку и поднес к прищуренным глазам.

— Золото, золото...— зашептал он и вдруг захохотал громко и дико:— Где ты его взял? Тут в горах? Разве может быть золото в России? Ты своровал это, мужик!

Ерофей не на шутку обиделся.

- Мы народ честный! Ворюг у нас в роду николи не бывало. Золото я в шурфе нашел, на болоте, у речки Березовки. Он оно как!
- О! О!— раскрыл от изумления рот саксонец, вышел из-за стола, подошел к Ерофею и похлопал его по плечу:

— Молодец, если это так, жди награды! Я пришлю рудовед-

цев на-днях, а сейчас иди, я подумаю...

Горщик вышел из канцелярии. Он повеселел и подумал: "Напрасно я кручинился. Камень в мои руки угодил, знать, счастливый. Вот оно как повернулось!"

И Ерофей заторопился в Шарташ поделиться с женкой своей

радостью.

II

Спустя несколько дней в Шарташ наехали рудоведцы горной канцелярии— асессор Порошин и штейгер Вейдель. С ними была работная дружина. Ерофей повел их на знакомое место.

Работная ватага, приведенная в лес, быстро расчистила Ерофеев шурф и выкидывала влажный желтый песок. Асессор Порошин и штейгер Вейдель сидели в тени и ждали результатов поисков.

Никто, даже Ерофей, сидевший тут же неподалеку от шурфа, не заметили, что рабочие вместе с золотистым песком выбросили несколько "скварчинок". Они-то и доказывали, что где-то неподалеку залегает коренное месторождение золота. "Скварчинки" быстро завалили новыми штыбами земли. Песок в шурфе оползал, так как на дне копаня обильно просачивалась вода. Пришлось вычерпывать ее из шурфа ведрами. Поисковые кляли на чем свет стоит Ерофея — шурф углублялся, грозил обвалом, а золотой жилы все еще не было.

Горщик сидел мрачный, насупившись. Он не верил своим

глазам, даже попадавшиеся густодымчатые крупные тумпасы не радовали его. Золотых камушков так и не отыскалось.

Злой и высокомерный Вейдел подозвал Ерофея.

— Расскажи, как ты нашел золото?

Кержак в сотый раз повторил, как попались ему "скварчинки", но штейгер только пожимал плечами.

— А где же жила? — упрямо допытывался он-

Ерофей угрюмо молчал.

Асессор Порошин также угрюмо поглядывал на кержака и говорил:

— Обманул, старый филин. Драть бы тебя!

— Истин бог, тут оно было найдено,— перекрестился горщик, но Порошин не поверил ему.

Поиски оказались напрасными — в шурфе Ерофея Маркова

золото не нашлось. Старый горщик упал духом.

— Вот оно счастье-то, — с горечью подумал он. — Понапрасну не послушал я женки. Колдовской желтый камень всем отвел глаза! Быть беде!

Чиновник и штейгер сели на коней и уехали, а Марков уныло

побрел домой.

"Что же случилось?"— с горечью думал он.—"Ведь сам же держал в руках золото, и здесь, ведь, нашел". Сколько ни ломал он голову, но не мог найти объяснения непонятного явления. А объяснение было простое. Ерофей Марков напал на рассыпное золото. Добыча такого золота производилась тогда в Венгрии. Только там и знали, как его отыскать и промыванием извлечь из песка. У нас на уральских заводах со времени царя Петра Алексеевича работало много иноземцев-штейгеров. Они разрабатывали железные и медные руды, а с добычей рассыпного золота были незнакомы. Не знал этого и штейгер Вейдель.

Между тем, по приезде в крепость асессор Порошин донес начальнику горной канцелярии, что находка Маркова не подтвердилась и в шурфе при поисках оказались кварц и тумпасы.

Начальник горной канцелярии прочел это донесение и заду-

мался:

"Как же так? Ведь кержак приносил настоящее золото. Где же он его взял. Выходит, старик хитрит, обманывает. А что если допросить с пристрастием?".

Вскоре в Шарташ помчался нарочный. Ерофея Маркова

требовали немедленно в горную канцелярию.

— Вот когда началось, — с тоской подумал кержак. — Затаскают теперь мои старые кости. Ох!

Ерофей сердцем почуял беду и не ошибся.

Только переступил он порог знакомой палаты, как сразу заметил — у двери ее стояли рослые горные солдаты с мушкетами. У окна на полу сидел лохматый кат, в красной рубахе, в руках у него была жильная плеть. При входе Ерофея в палату кат ощерился.

Горщик побледнел, но собрался с духом. Твердым шагом он подошел к столу, за которым сидел грозный начальник. Са-

ксонец, как стервятник на добычу, пронзительно смотрел на кержака.

- Я знаю, ты обмануть хотел нас, но...

— Истин бог, вот-те христос,— перебил Марков грозного начальника и перекрестился.— Истинно показал, всё, как есть, без утайки!

- Замолчи!- привстал с кресла берг-начальник, покраснел

и, указывая на ката, пригрозил: - Будешь бит.

— Помилуй бог, — прошентал побелевшими губами Ерофей. — Николи вором не был!

Саксонец молча прошелся по комнате, успокоился и подоб-

ревшим голосом сказал:

— Хорошо, я еще раз буду тебе верить, а ты покажешь золо-

тое место. Я больше не буду тебя трогать. Иди!

Тяжелым шагом вышел Ёрофей из горной канцелярии. На душе было сумрачно — мерещился лохматый кат с жильной плетью.

Вскоре в Шарташ наехали новые рудоведцы — асессор Юдин и иноземец-штейгер Маке. С ними прибыла свежая партия работных. Шарташские кержаки попрятались.

"Эк, накликал Ерошка беду! Не откупишься, не открестишься теперь от скобленых табашников",— недовольно думали они.

Ерофей повел поисковых к проклятому месту. Штейгер Маке внимательно осмотрел изрытую копань и, отсчитав от нее сотню шагов, подальше от болота, велел работникам заложить новый шурф.

— Так будет лучше, подальше от воды. Копай глубже и

шире!- приказал он рабочим.

Поисковые крепыши дружно взялись за работу. Тяжело им было смотреть на Ерофея,— бодрый, живой старик осунулся, потемнел. Всю дорогу он клялся им, что место его верное, а куда подевалось золото,— не знает. Видимо, сам нечистый отводит глаза. Среди поисковых были кержаки, они знали Ерофея за честного человека.

Все шло спокойно, и в душе Ерофея снова затеплилась надежда,— может быть, на этот раз поиски будут успешными. Он бродил по кромке болота и отыскивал тумпасы. В этот день и тумпасы легко шли в его руки — попадались добротные и пригожих дымов. Неподалеку от болота Ерофей нашел в чаще залежи новых незнакомых камешков.

Трижды отходил и возвращался к ним горщик.—"Опять нечистый шутит. Нагрянет еще другая беда!"— опасливо рассматривал он новую находку. Но не утерпел и отнес их штейгеру Маке.

Саксонец осмотрел камешки и узнал своих старых знакомых. Это была свинцовая руда, которую он в свое время добывал в Саксонии. Маке отвлек несколько человек от шурфа и отправил на поиски свинцовой руды. Новая находка Ерофея оправдала себя — поисковые напали на залежи свинцовой руды.

Между тем, сколько ни углубляли шурф, золото так и не

нашлось. Оно было понятно, — золотая россыпь лежала ближе к болоту, а шурф заложили в противоположной стороне. Но ни Маке, ни асессор Юдин не додумались до этого. Они все искали золотую жилу, а ее и быть не могло.

Маке недовольно поглядывал на Ерофея, покачивал головой. Поисковые донесли, что и свинцовая жила ведет себя не подобно прочим жилам — быстро оборвалась, и выходит все ни к

чему.

"Обманщик, - подумал и Маке про старого горщика. - Хотел

свинцовой жилой глаза нам отвести".

В тот же день асессор Юдин послал нарочного с донесением в горную канцелярию. В нем он так же, как и Порошин, сообщал, что "...в указанном Марковым месте и в окрестностях золотой руды не найдено, а в шурфах попадаются только пустой камень и глина, и шурфовать тут не для чего. А свинцовая руда хотя и может быть почтена за жилу, но сродни заграничным не будет, ибо вдаль надежды не кажет".

Ерофея Маркова отпустили во-свояси, а сами горные начальники вернулись в крепость. В канцелярии встревожились. Начальник был вне себя. Он пошел на угрозы, но угрозы не подействовали,—ему казалось: кержак упорствовал и затаил зо-

AOTO.

"Маке и Вейдель — отменные знатоки руд, — думал он: — не может того быть, чтобы они не узнали золотую жилу". — Вор, вор, раскольник! — кричал саксонец на всю горницу. — Надо для острастки наказать старого плута!

Горщик и не чуял, что над его головой собирается грозная

туча.

III

В один из ясных августовских дней в Шарташ пришли незваные гости — пыльные, потные солдаты. Привел их рябой, громадного роста, капрал. По его приказу солдаты окружили Ерофея и погнали в крепость. Все это произошло неожиданно и быстро! На крик и слезы Прасковьи Васильевны со всего Шарташа сбежались кержаки. Они гудели, как растревоженный пчелиный рой. Корили раскольницу:

- Связались с табашниками! На все село беду навели! Что

теперь делать?

Женка всхлипывала и утирала слезы.

Ерофея в это время вели по пыльной улице. Он не смел поднять глаз на знакомые домики; всюду у ворот стояли кержачки, ребята, девки. Они тыкали руками, показывали на старика:

— Повели остуду!

Сердце Ерофея разрывалось на части. Его вели, как вора, среди белого дня по знакомой дороге. Все встречные с удивлением и страхом поглядывали на горщика и покачивали головами.

Ерофея под конвоем доставили в горную канцелярию. В хорошо знакомой ему обширной палате заседали важные чинов-

ники. Все были в суконных камзолах, на рукавах кружева, белели пышные парики. Главный берг-начальник вынул из кармана камзола табакерку, достал табаку и сделал сладкую понюшку, после чего громко чихнул. Чиновники подобострастно пожелали ему доброго здравия. Начальник помолчал, поднял серые неприятные глаза на Ерофея и спросил строго:

Господа асессоры и я ждем твоего истинного признания.

Ерофей низко поклонился.

— Истин господь, все вам поведал без утайки. Ослобоните, буду вновь искать, может нападу на поганый камень...

Саксонец откинулся в кресле.

- Ты слышал, что сказано тебе! Ежели есть столь имущие люди, то мы допустим поруку, а ты тем временем подумай об истине!
- Все чул, но истин бог...— Ерофей не договорил, поник головой,— он понял, что ему все равно не поверят.— Ваша милость, меня знают гранильщики, может, они поручатся. Прошу спросить их?— с горечью попросил он берг-начальника.

Начальник переглянулся с чиновниками, кивнул головой:

— О сем решим, а пока до порук надлежит отвести под караул!

Солдаты вывели Ерофея на крыльцо. Здесь на приступочках сидела женка Прасковья Васильевна и знакомые гранильщики.

— Братцы, братцы!— обрадовался Ерофей.— Безвинно страдаю, без порук не отпускают из-под караула.

Женка повалилась в ноги кержакам гранильщикам.

- Отцы милостивые, не оставьте сироту. Не виновен

Ерошка мой, — завыла баба.

Кержаки поднялись с приступочек крыльца, тяжело переминались. Самый старый потупил глаза, о чем-то глубоко размышлял.

Ерофей поклонился Старикам:

Не выдайте, братцы!

Бородатый гранильщик поднял глаза на мастеров.

— Как, други? Ерофей — наш, древней веры. Неужто погибать ему от табащников?

— Пошто? Дадим поруку, — загалдели гранильщики: — Жи-

воты положим, раз такое горе нахлынуло!

— Родимые мои, милостивцы, — заголосила женка и заторопила поручителей: — Айдате к аспидам, а то разойдутся аль пе-

редумают!

Солдаты потащили Ерошку на гауптвахту, а кержаки двинулись в канцелярию. Писчики и начальство немало почванились, поворчали, но согласились отдать Ерофея на поруки. С кержаков взяли клятвенное обещание и писали о том бумагу, что они поручаются своим хозяйством и животиной, что казна не станет в убытке.

Вечером Ерофея Маркова освободили из-под стражи, и он первым делом побежал в гранильную мастерскую поблагодарить

своих поручителей.

Гранильщики встретили горщика неприветливо. Молчали, пе-

реглядывались.

— Вот что, Ерофей, — предложил вдруг старик-гранильщик. — Не связывайся ты с табанюхами, — поведай им истинное место, где желтый камень добыл. Пес с ним, и дело с концом!

— Непременно отвяжутся! — поддержали остальные граниль-

щики.

— Братцы, и вы с ними заодно. Вот крест!— Ерофей перекрестился истово,— все поведал, что знал. Братцы!— на глазах его заблестели слезы.

Старик-гранильщик покачал головой и сказал со вздохом: — Эх, горемыка ты, горемыка! Погубил тебя желтый камень!

С тяжелыми думами возвращался Ерофей в Шарташ. Ноги, казалось, налились свинцом — еле волочил их. Кто он теперь: вольный человек, горщик или арестант? Что будет робить он, когда пройдут две недели отсрочки? Ведь, все равно нового он ничего не скажет!

Дома его ожидали укоры и попреки. В его тесную, но опрятную избу собрались все шарташские старики-кержаки. Наставник отец Назарий долго корил Ерофея и наложил на него

суровую епитимию.

Дни, однако, летели быстро, и наступила пора Ерофею Маркову снова явиться с объявкой в горную канцелярию, где уже поджидали его. Горный начальник и на этот раз не поверил горщику. Он решил прибегнуть к крутой мере — заставить Ерофея дать клятвенное показание "под смертной казнью". Об этом и поведал кержаку разгневанный саксонец. Ерофей упал в ноги, но саксонец перешагнул через него и велел солдатам взять кержака.

Тем временем на крепостной площади спешно подновили эшафот, водрузили на нем плаху. Крепостный профос — инвалидный солдат Степка на слепой каурой кобыленке объехал крепостные, заводские улицы и базары и оповестил людей о предстоящей вроде как бы казни. Народ толпами тронулся на крепостную площадь. Прибежали и гранильщики.

К тому времени рота солдат окружила эшафот, и среди наступившей тишины раздалась барабанная дробь. Два рослых солдата ввели на помост под руки Ерофея. Он потемнел и был страшен. У плахи появился палач в красной рубахе; в руках его сверкал наточеный широкий топор. Палач, беззастенчиво раз-

глядывая толпу, скалил крепкие зубы.

Ерофея подтолкнули на край помоста и заставили стать на колени. Он истово перекрестился и наклонил голову. Палач взмахнул топором...

В толпе заголосили бабы. Бородатый кержак-гранильщик

крикнул, перекрывая бабий визг:

— Не замай, Ерофей! Мы — тут!

Топор застыл в воздухе над загорелой шеей Ерофея; ярко поблескивало на солнце его острие. Ерофей громко произносил клятву:

— Обещаю не утаить ведомого мне места, в коем отыскал золото; укажу его при первом допросе и тем возвышу доходы

государевы. Клянусь именем господа-бога. Аминь!

Палач опустил топор, в народе облегченно вздохнули. С лица Ерофея катился обильный пот. Солдаты подняли его и поставили на ноги. Он блуждающим взором оглядывал площадь и народ. И опять не утерпел один из гранильщиков и крикнулему:

Крепись, Ерофей!

На помост поднялся чиновник, развернул лист и громко про-

читал приказ горной канцелярии.

"Повелеваем, впредь до указу, Маркова отдать на денежные поруки и притом объявить ему, чтоб он для совершенного оправдания приискивал как в объявленных от него, так и в других местах таких и других руд и как приищет, то, не вынимая из земли, для свидетельства объявил бы в канцелярию и являться ему в канцелярию каждый месяц по-дважды".

Ерофей молча выслушал указ и, когда чиновник окончил читать его, он поклонился и угрюмо сошел с эшафота. В толпе раздвинулась дорожка. Ерофей тяжелым шагом пошел по ней

и не смел поднять на народ взора.

IV

Над Ерофеем Марковым учинили беззаконие. Однако, пересылая план разведок и образцы золота, горная канцелярия в

своем донесении в Санкт-Петербург умолчала об этом.

Чиновники канцелярии побаивались, чтобы происшествие на крепостной площади каким-либо окольным путем не дошло до столицы. Всем были известны царские указы, поощряющие розыски руд, металлов и самоцветов, а тут вдруг над Марковым вместо награды устроили позорище и угрозу лишить его живота. Молва о находке Ерофея и наказании над горщиком быстро облетела все уголки Каменного Пояса, и надо было опасаться, что подобные меры надолго отобьют у всех охоту к поискам.

Ерофей попрежнему отыскивал для гранильной мастерской тумпасы и строганцы, но крепкого кержака словно подменили. Он стал угрюм, заметно постарел, а в густой бороде появились пряди седины. Каждые две недели горщик являлся перед грозные очи начальника горной канцелярии. Тот, хотя и имел самоуверенный и спесивый вид, однако, в душе побаивался горщика: "Кто знает, что он думает? Может от обиды и ножом

пырнет".

Глубокой осенью из Санкт-Петербурга от берг-коллегии в горную канцелярию пришло уведомление и указание по делу Ерофея Маркова. Рассмотрев присланные материалы, берг-коллегия рекомендовала поступить с Марковым без озлобления, пристойно и наградить его за находки.

Берг-коллегия признала, что горщик Ерофей Марков нашел подлинную золотую россыпь, чему свидетельством явились "кварц,

глина и песок, в чем обыкновенное золото находится".

В Санкт-Петербурге заинтересовались и самим Марковым. Запрашивали, где родился и где ранее живал, и чем промыш-

ляет этот первый отечественный золотоискатель.

Получив столь убедительный наказ от берг-коллегии, горный начальник перетрусил и немедленно созвал в Екатеринбурге совещание из опытных иноземных штейгеров и заводских металлургов, которых оповестил о поисках золота и пробации его. Однако, все до одного иноземцы уклонились от предложения, ссылаясь на новизну дела.

— Песчаное золото умеют добывать в Венгрии, но поскольку мы в сих краях не бывали, добычу не видели, просим извине-

ния, - учтиво отказывались они.

Так ни с чем они и разъехались.

На землю пала морозная уральская зима — все замело глубоким снегом, и это успокоило начальника горной канцелярии.

Не начинать же дело в лютую зиму.

Но берг-коллегия, однако, не успокоилась и в начале 1746 года запросила о судьбе своего указа. В горной канцелярии переполошились и опять вспомнили о деле. Однако, и саксонцы, и русские знатоки умели производить пробацию только железных и медных руд. С пробацией золота никто не был знаком,— пришлось пробирное дело этого металла ставить заново.

Тут вспомнили и о Ерофее Маркове. Последнее время он, хотя и ходил в канцелярию, но отмечался от писчика и после отметки сейчас же незаметно уходил. Горщик понимал, что острота прошла, к нему понемногу остыли и, пожалуй, можно было бы изредка пропускать явку в канцелярию, но боязнь за своих поручителей заставляла его каждый раз в срок являться в опостылевшую крепость. На последней явке из палаты вышел сияющий асессор Юдин; улыбаясь, он подошел к Ерофею и похлопал его по плечу.

— Ну, Марков, радуйся, отошел господин начальник. Поручает он тебе отыскать золото. Бери поисковых и айда в лес!

— Что вы, — испугался Ерофей, — опять кутерьма выйдет. Ослобоните, господин асессор. Притом еще зима на дворе. Вот кабы по весне, — другой резон, да и место надо прежде наглядеть.

— Это правда, — согласился асессор: — однако, к весне го-

товься штейгерить...

Не радовало Ерофея внезапное благоволение начальства. Когда он дома рассказал жене о новом назначении, Прасковья Васильевна замахала руками.

— Опять колдовской камень в избу принесешь, я и то все уголки святой водой забрызнула. Еще от старой беды не ушли,

а ты другую за пазухой тащишь.

Кержак не перечил женке. Но дело было не так просто, как думала она. Начальство предложило честь — штейгерить; отказом, чего доброго, опять угрозу навлечещь, и волей-неволей Ерофей должен был подчиниться.

6 Прикамье 81

Опять наступил май. Белоствольные березки оделись нежной листвой, в дальнем бору закуковала кукушка. Зацвели лесные

травы. Пора в путь-дорогу, отыскивать золотые места!

В июне над Шарташом отгремела первая запоздалая гроза. Шарташ-озеро посинело, вздулось, белогривые валы полезли на каменистый берег. Над Каменными Палатками ударил гром и расколол мшистую скалу.

После грозы буйно поднялись хлеба и травы, как хмельной зашумел лес. Легко дышалось. С котомкой за плечами и бадожком в руке Ерофей обошел знакомые болотники и горные пади-Смытые песчаные забереги ручьев и родников манили к себе старого горщика,— здесь он находил тумпасы и клал метки для шурфов.

Дней через десять Ерофей явился в горную канцелярию, к асессору Юдину. Тот выслушал кержака и на другой день отрядил с ним поисковую партию. Горшик повел ее в лес.

На знакомых местах, где Ерофей находил тумпасы, заложили три шурфа. На этот раз горщику повезло, — во всех трех приисковые нашли золото. В первых двух на заступ попались "скварчинки", вкрапленными зернами золота, а в третьем объявилась железная руда, на которой поблескивали золотые крупинки. Ерофей отрядил нарочного с известием в канцелярию. Там облегченно вздохнули: "Наконец-то можно учинить отписку в бергколлегию!"

Дальнейшие поиски, однако, прекратили. Шурф с железной рудой оставили без внимания, а "скварчинки" из двух первых ям наметили к пробам.

На этот раз начальник вызвал Ерофея к себе и подарил ему

серебряный рубль.

— За богом молитва, за царицей награда не пропадет, — по-своему высказал русскую пословицу саксонец.

Но не рублю был рад Ерофей, а тому, что чиновные люди,

наконец-то, отвязались.

На этот раз Ерофей вернулся в Шарташ бодрым и веселым,—

угрюмости как и не бывало...

Берг-коллегия не угомонилась; в Петербурге очень заинтересовались поисками русского золота. По санному пути в зиму 1747 года в Екатеринбург наехал из Москвы пробирный мастер Рюмин, которому берг-коллегия предписала отыскать по указанию Ерофея Маркова старые шурфы, взять потребное количество песку и глины и самолично спробовать на золото. В ожидании весны под наблюдением Рюмина возвели горн для плавки и муфель.

С первыми весенними днями в шурфах Ерофея Маркова была взята новая проба песка и глины, и Рюмин произвел анализ, который показал, что в камешках настоящее золото, но залегание его в грунте было весьма неопределенно, и это всех сбивало с толку. Берг-коллегия слала в горную канцелярию новые

¹ Скалы около Шарташа.

и новые требования, но гордые иноземцы не хотели признаться в своем невежестве.

Неизвестно, сколько тянулись бы отписки, если бы этим делом не заинтересовался сам Михаил Васильевич Ломоносов — первый русский ученый. Он только-что приехал из-за границы и привез с собой молодого знатока горного дела немца Райзера. Михаил Васильевич, дознав о поисках на Каменном Поясе золота, немедленно послал Райзера в Екатеринбург. Райзер приехал не один; его сопровождал берг-гауэр Глесс. Оба они прибыли в горную канцелярию, вызвали Ерофея Маркова и очень внимательно выслушали.

Летом они втроем с партией рабочих отправились на знакомые Ерофею места. Для поисков Райзер избрал тот самый шурф с жилой железных руд, который был заброшен по указу

горной канцелярии.

Глесс сам забрался в копань. Он с рабочими углубил ее, тщательно проглядывал каждую горсть песка и неожиданно для всех обнаружил коренную жилу.

Взятые образцы руды с блестками были опробованы и пока-

зали богатое содержание золота.

Райзер немедленно написал о том Ломоносову, поздравляя

его с открытием первого русского золота...

Ерофей Марков ожил; с него окончательно сняли всякие подозрения. Кержаки-гранильщики гордились своим земляком. Даже сам господин поручик Реф стал подавать Ерофею руку...

Однако, иноземцы приняли все меры к тому, чтобы потопить

открытие в пучинах канцелярских отписок.

Шурфы, копаные Ерофеем, заплыли, заросли молодой порос-

лью, и все понемногу предалось забвению.

Только много лет спустя, в 1816 году, когда Ерофея Маркова давным-давно не было в живых, вспомнили первого русского золотоискателя, и на Урале приступили к разработке залежей рассыпного золота.

евгений федоров ПСИНОГОЛОВЫЙ ХРИСТОФОР

I

Профессор Розен, сопровождавший известного путешественника Гумбольдта в его странствованиях по Уралу, побывав в обширных владениях горнозаводчика Прокофьева, был очарован незабываемыми красотам и диких горных уголков. Ученый почел за необходимое записать в дневнике свое восхищение этими прелестными местами.

"Завод господина Прокофьева богат и обширен,— писал он,— производство ведут приписные крестьяне. Наиболее очарователен пруд — украшение сего поместья. Он огромен и имеет десять живописных островов. Плотина обложена гранитом и огорожена чугунными решётками, вставленными в гранитные столбы. Отсель открывается изумительный вид на черноватые еловые леса, кои покрывают береговые возвышенности и придают виду строгий, серьезный характер, свойственный ландшафтам севера, но тем не менее имеют весьма много привлекательного. Ландшафт сей напомнил мне подобные же в Швеции, виденные в прежние годы.

Сам господин Прокофьев толст, бородат, а глаза — плутовские. Однако ж с нами он отменно вежлив. И что примечательно,— за ним все время по пятам следует пес. Волкодав сей громаден, сер и премного элобен. Видать, добрый пес! Глаза у него человечьи и он безусловно предан своему хозяину. Кли-

чут пса — Ратай"...

На другой день профессора постигло горькое разочарование. Первое утреннее пробуждение его в хоромах гостеприимного хозяина произошло от грубых окриков и невыносимого воя, оглашавшего двор. Профессор выглянул в окно и ужаснулся. Посреди пустынного двора, обнесенного высоким частоколом, топтался малорослый грузный хозяин. Заложив руки за спину, щурясь от яркого утреннего солнца, он покрикивал:

— Ату! Рви хлеще!..

Вдоль частокола бежал нагой мужик с выпученными от ужаса глазами и выл от боли. Злой волкодав Ратай настигал бегущего и рвал икры. Лохматый кат¹ с сыромятной плетью бежал рядом с истязуемым и, когда тот останавливался, жгучими ударами подхлестывал его...

Профессор зажмурил глаза и с омерзением отошел от окна. В эту пору в горницу вошла синеглазая прислужница. Гость не утерпел и спросил ее:

¹ Кат — палач.

— Поведайте, любезная, сколь велико преступление сего разбойника, ежели его так мучительно истязают?

Молодка вспыхнула, потупила глаза.

— Эх, барин, да это вовсе и не разбойник, а жигарь. Хозяин хотел его девку испоганить, а она не далась. Вот его и пытают за то...

Она замялась и покосилась на темную дубовую дверь:

- Только вы, барин, об этом никому...

Профессор разбудил Гумбольдта и рассказал ему о виденном. Оба немедленно засобирались в дорогу. Господина Розена больше не радовали восхитительные виды, перо валилось из рук. Может быть, по этой причине и дневник остался недописанным.

Путешественник Гумбольдт мрачно молчал. Плотно сжав губы,

он сухо откланялся хозяину, и гости уехали.

Заводчик прищурил глаза и усмехнулся вслед:

— Ишь ты! До чего жилы тонкие, ровно скрипичная струна. Не выдержали суровости нашей жизни. Эге!

В душе заводчика отъезд гостей-ученых вызвал облегчение.

— Немчишки-соглядатаи, — опасливо подумал он про себя: — Насмотрятся тут и сбрехнут что не к месту на людях. Ладно удумали, мин герры. Уехали — покатились, скатертью дорога!

На радостях хозяин наказал истопить баню.

Четыре молодки под вечер сволокли хозяина в мыльню, разоблачили его и усадили в дубовое корыто, наполненное приятной теплой водой. Девки старательно намывали и терли тучное тело хозяина. Довольный заводчик плескался в воде и кряхтел.

После омовения он вышел в предбанник и жадно выдул ведерный жбан холодного квасу. От его багрового распаренного тела валил пар. Прислужницы завернули утомленного хозяина в простыни и уложили на лавку. Настал час самозабвенного отдыха...

В щели предбанника золотились последние лучи заходящего солнца. Мимо раскрытой двери мелькали низко летающие стрижи.

— Экая благость! — сладостно думал хозяин. — Будет ведро и,

хвала богу, соглядатаев сбыл...

В эту минуту блаженного покоя в предбанник ввалился заводский приказчик — широкоплечий нелюдимый кержак. Он сопел, топтался у порога, как неуклюжий медведь. Приказчик многозначительно поглядел на хозяина и на дверь мыльни.

В бане на полке, в густом пару, хлестались вениками креп-

котелые молодки.

— Закрой! — показал хозяин на дверь в баню. — Ну, докладывайся, пошто приволокся? Аль, случилось что?

Приказчик закрыл дверь, скинул шапку. — Беда, господин, — хрипло выдавил он.

Хозяин сбросил простыни, вскочил. Глаза его зажглись недобрым огнем.

- Hv!

Из-под густых бровей приказчика сверкнули угрюмые глаза. Он засопел, разгладил бороду и сказал:

¹ Жигарь — углежог, обжигающий уголь для заводских домен.

— Троих пымал, а четвертый угребся— жильный бес и челобитную на тебя, хозяин, уволок!

— Девки, облачать! — заревел заводчик и глаза его налились

злобой. - Я им покажу челобитье! Я им...

Он задыхался от ярости. Девки мигом облачили его. Красный, распаренный хозяин выскочил за порог бани и заорал на весь заводский двор:

- Плетей! Ратая сюда!

На его зычный зов с высокого крыльца сорвались и бросились навстречу дядька кат и серый волкодав Ратай...

II

Рассвирепел, залютовал хозяин, — разослал во все концы конные дозоры. С усердием они обшарили горы, чащобы, болотистые зыбуны да изрыскали тайные тропы, но беглец-челобитчик, как в воду канул. Ушел удалец и унес горькую жалобу на заводчика.

Задержанных беглецов заковали в тяжелые дубовые колодки и бросили в яму. Хозяин и кат отводили душу на несчастных: каждый день они спускались в глухое подземелье и чинили расправу. Жгли каленым железом им пятки, полосовали кошкой, подпаливали бороды, но молчали бедолахи. Ни одним словом

не обмолвились, несмотря на страшные муки.

По утрам на шихт-плац сгоняли всех заподозренных и секли кошками. Еще пуще обезумел от крови заводчик: на избитых, измордованных натравливал пса-волкодава. Пес пьянел от ярости: рвал икры, опрокидывал людей на землю и грыз. На неделе троих унесли с шихт-плаца замертво с изорванными глотками. По заводу прошел глухой слух, что темной ночью кат сбросил с плотины грузные рогожные кули.

А пока шли суд и расправа на заводе Прокофьева, беглецчелобитчик достиг города Екатеринбурга и после долгих мытарств добрался до горного начальника и вручил ему мирскую жалобу. Жаловались в ней работные, что Прокофьев обременяет людишек непосильной работой, истязает их нещадно, а баб и девок берет

себе на утеху.

Горная канцелярия всколыхнулась. Учуяли приказные в этом деле доходную статью. Давненько добирались они до денежной кассы заводчика, да причины не находилось. А тут челобитная

подоспела, - само счастье шло в руки.

По жалобе проворно нарядили следствие; на завод наехали горные начальники и стали допрашивать работных и потерпевших девок. Все в один голос показали на безмерное утеснение. Следователи жили на заводе долго, тянули допросы, изводили бумагу.

Заводчик не дремал, умчался в Екатеринбург и пробыл там

с месяц.

В скором времени на завод пришел указ, а в нем предписывалось: крестьян, которые изобличены в неповиновении, наказать плетьми и сдать в солдаты, девок за блудодейство предать церковному покаянию, а заводчика поручить наблюдению предводителя дворянства.

Дабы неповадно было в дальнейшем возмущать народ, закованного в кандалы челобитчика-ходока под сильным караулом

доставили на завод и сдали на внушение заводчику.

Измученный, избитый работный предстал пред грозные очи владельца. Суд был скорый и беспощадный. На ранней зорьке по приказу заводчика кат вывел его за ворота и пустил бежать.

Вдогонку за несчастным натравили пса Ратая...

На валу стабунились мужики и заводские бабы. Глядя на эту гнусную картину, бабы утирали слезы.

Работные угрюмо молчали...

Не прошло и недели, как на заводе случился новый переполох. Нежданно-негаданно с ночи исчез пес Ратай. Днем волкодав, как тень, следовал по пятам хозяина, а вечером ложился в коридоре у порога хозяйской спальни— стерег его крепкий сон. И вдруг обнаружилось— нет Ратая. Поднялась суета, кричали, свистели,— пес не отзывался. Хозяин насупился, помрачнел—почуял неладное.

После недолгих поисков пса нашли в темном сарае. Ратай, тихо раскачиваемый ветерком, висел на пеньковой веревке. У раскрытых ворот сарая расхаживала ворона и призывно каркала.

Пса вынули из петли, положили на землю. Подошел хозяин. Все притихли. Заводчик склонился и тоже долго-долго молчал

над падалью. Потом встряхнулся, крикнул, озлобясь:

— Так вот что с моим верным другом сделали. Погодите же! Хозяин ушел в хоромы и вызвал к себе попа. Заводский попик отец Иван немедленно явился на зов владельца. В серой домотканной рясе, худой, с испитым лицом, попик боязливо переступил порог хозяйской горницы и заискивающе поклонился.

Хозяин сидел в широком покойном кресле. Опустив на грудь

голову, он о чем-то тягостно думал.

— Изволили звать, батюшка?—прервал щемящую тишину поп.

Заводчик поднял глаза.

— Батя, беда стряслась! Сгиб мой верный друг—Ратаюшка,— в голосе хозяина задрожала теплая нотка.

— Добрый был пес! — вздохнул поп. — А только вы не из-

вольте кручиниться, то все ж псина, а не человек...

— Как не человек?—Вспыхнул хозяин.—Ведомо тебе, батя, что пес мой получше человека берег меня! Они, они, работные, его сничтожили!— закричал заводчик.—Так я ж им покажу, как превысоко стоит мой пес. Слушай, батька, пса я упрятаю в домовину, а ты панихиду отслужишь, да на заводское кладбище отнесем.

Поп вытаращил глаза, лицо его удивленно вытянулось.

— Сегодня заупокойную отпоешь! — поднялся с кресла заводчик.

Поп скрестил на животе руки, лицо его построжало. Он со-

брался с духом, осмелел.

— Увольте, милостливец. Скотину, а наипаче пса канонами православной церкви не дозволено покоить на людском погосте. Не могу.

— Как?—вскипел заводчик, сжал кулаки и тяжелым шагом пошел на попа.—Как? Ты смеешь мне в том отказывать! Я тут царь и бог... Убью! — скрипнул он зубами.

Поп испуганно пал на колени.

- Расказните, не могу! Лучше прикажите принять мученическую смерть, чем господа обидеть.
- Дурак! Сот пять отсыплю, хорони пса!—не отступал хозяин.
   Ох, и велик соблазн,— вздохнул поп.— Да не могу. Ох не могу!.. Расстоигут меня...

— Кто?

— Известно кто, — митрополит. Ох, пощади, батюшка...

Хозяин прошелся по горнице, кивнул головой:

Ладно, поговорим и с митрополитом!..

III

Отказ попа отнюдь не смутил настойчивого горнозаводчика, а только добавил куражу. "Что бы там ни было, а свое возьму!" — не отступал он от своего намерения.

В ближайшие дни он съездил в Екатеринбург, отыскал бойкого писца и настрочил челобитье митрополиту. В ходатайстве

господин заводчик слезно обращался:

"Ваше преосвященство!

Во имя отца и сына и святого духа. Я покорнейший и смиренный Ваш и православной церкви недостойный раб дерзаю просить Вас о дозволении настоятелю нашему отцу Ивану отслужить панихиду о преданном друге нашем, безвременно положившем живот — Ратае. Благочинный прихода отказал нам в том и в захоронении его на заводском погосте, ссылаясь на то, что Ратай есть существо четвероногое — пес, а не человек. Осмелюсь опровергнуть сие доказательством. Первое — у Ратая очи глядели по-человечьи, были умильные и умные. Второе — был нам до смерти предан и не любил нерадивых и суесловных работных людишек. В третьих, ни пития, ни озорства, ни блуда за ним не значилось, ибо облегчен он был во младенчестве. К тому, ваше преосвященство, нам известно: "Блажен, иже скоты милует" и по канонам православной церкви по скоту допускается богослужение. Всем ведомо молебствие о скоте в Егорьев — вешний день, а также и то, что преподобные Лавр и Флор издревле почитаются в русском народе за покровителей коней. Посему слевно просим, Ваша милость, снизойти к ублаготворению нашей почтительнейшей просьбы. От скудости нашей вносим Вам при сем пять тысяч ассигнациями на обновление святого храма и прочие богоугодные надобности. Из сего Вы сами видите, сколько рачительны мы к делу веры нашей и в преданности к Вам, ваше преосвященство.

К сему руку приложил Ваш покорнейший слуга, владетель железоделательных заводов Прокофьев"...

Получив это слезное послание заводчика со вложением пяти тысяч, митрополит по части денег не морочил себе голову,—

богомерзкие ассигнации, дабы не было соблазна младшей братии, быстрехонько прибрал к рукам. Что же касается молитвословия о псе и его погребении, он долго совещался со священниками и вынес весьма осторожное решение, которое и довели до сведения заводчика.

"К нашему глубокому прискорбию вопрос о сем не может быть определен за недостатком материалов",— гласила резо-

лютивная часть сего деликатного решения.

Ответ митрополита обрадовал заводчика. Он потребовал к себе отца Ивана и показал ему отписку. Отдав должное домашним настойкам, заводчик и поп долго совещались и пришли к выводу, что письмо митрополита — безусловно добрый знак, а за материалами дело не станет...

Спустя несколько дней по окрестности разнесся слух, что к попу Ивану явилась честной жизни богоугодная старушка и на духу поведала ему про дивный сон. Снилось ей, будто на облаке в окружении ангельского сонма на землю спустился преподобный Христофор. Лик его был, как то известно из писания о житии его, косматый, псиный. И сказал псиноголовый Христофор безгрешной женке не то грозно, не то ласково:

 Иди, честная вдовица, и поведай православным, что послан я был господом-богом на землю и принял муки в образе

пса отверженного...

Многие слышали эту женку, ибо она словоохотливо со слезами на глазах и с дрожью в голосе кротко рассказывала о чудесном явлении. Однако, заводские работные проявили себя

маловерами и потешались над женкой.

После сего необычного случая поп Иван и заводчик Прокофьев составили новую челобитную. В ней они обратили внимание его преосвященства митрополита на то обстоятельство, что преподобный мученик Христофор, как то явствует из книги жития святого, имел псиную наружность. Притом свидетельство непорочной жизни заводской вдовицы о необычном явлении святого мученика, хотя и во сне, указывает о рачительстве преподобного Христофора в сем деле.

Известно, что глас народа — глас божий. А кто сия смирен-

ная, богомольная женка, как не народ?..

К новой челобитной, по совету попа Ивана, заводчик приложил пятнадцать тысяч рублей ассигнациями на обновление

риз и престола.

Никому неизвестно, какое обстоятельство возымело действие на его преосвященство митрополита. Злые языки утверждали, что решение последовало из-за приложения к челобитной. Но как бы то ни было, от митрополита последовала собственно-ручная отписка. В ней значилось:

"Иерею отцу Ивану и владельцу заводов господину Проко-

фьеву.

Во имя отца и сына и святого духа.

Имеем Вам сообщить, смиренные чада церкви нашей, поскольку в известном деле было заявлено ходатайство пре-

подобного мученика Христофора, постольку мы не можем чинить препятствий к молитвословию о милосердии божьем к скоту с захоронением его подобающим образом"...

Пока шла переписка, пес Ратай был упрятан в холодный подвал, но это нисколь не помогало, — труп пса предавался тле-

нию со всеми присущими сему случаю явлениями.

Дабы избежать соблазна, поп Иван отпел "упокойника" заглазно, после сего пса извлекли из подвала, уложили в долбленую дубовую домовину, в какую кладут умерших кержаков, и с пышностью отнесли на заводский погост, где и погребли среди христианских могил...

IV

Действия заводчика усилили ропот и недовольство среди работных. Последнее нанесенное им оскорбление возымело силу, и на третий день после погребения пса самоуверенный и гордый своим деянием хозяин после крепкого и освежающего сна рано утром вышел на крыльцо и отшатнулся.

Посреди крыльца лежал извлеченный из могилы труп Ратая. Мертвый пес скалил на хозяина зубы. Подле его оскаленной

пасти лежало письмо.

Возмущенный заводчик схватился рукой за сердце и, молча, убрался в покои. Приказчик прочел господину подметное письмо. В нем предупреждали хозяина:

"Убрали одного пса, уберем и другого двуногого и главного.

Разумей, хозяин!"

Заводчик за весь вечер ни словом не обмолвился с приказчиком.

— Ну, быть грозе, - думал тот. - Жди беду!

Но прошло немало дней, а хозяин не призывал ката. Струсил заводчик. Он потемнел, осунулся, но из-за гордыни не сдавался...

В народе в старое время бытовало поверье: кто гроб загодя сделает или памятник на своей будущей могиле заживо поставит,— тот долговечен на земле не будет.

"Погодите! — храбрился заводчик. — Вы меня смертью пугать! Так вот, гляди, назло вам оттяпаю монумент, да ишшо какой!"

Заводчик выбрал на кладбище сухое высокое место — золотые пески. Отсюда видны кругом горы и леса. Над будущей могилой возвышалась вековая могучая пихта, а кругом расстилались пахучие травы.

Издалека сюда привезли мрамор. Большой искусник-итальянец год трудился над камнем и вырезал диковинный монумент. Все ходили на кладбище и дивились невиданному итальянскому

мастерству.

Заводчик к этому времени совсем заплыл жиром. Он рас-

хаживал по заводу и похваливался:

— Видели — зрели? Ин, какой монумент возвел. Я ишшо сто годов отбрякаю!

Но все случилось иначе.

Весной по буйной верховой воде по Чусовой-реке гнали груженые железом струги. И стряслась тут беда. Бурливая вешняя волна подхватила струг, понесла стрелой и с ревом хряснула его о каменную грудь бойца. Струг качнулся, раскололся и тяжелый груз пошел на дно. А за ним утонул и заводчик.

Никто не дознался: — то ли нарочно потесные² головной струг на бойца направили, то ли в самом деле нежданая беда

нагрянула..

Роскошный монумент на кладбище так и остался стоять впусте.

Бойдами называются высокие скалы на берегах реки Чусовой. О них в былое время часто разбивались струги.
 Потесные — рулевые.

БОРИС РЯБИНИН

КУНГУРСКИЕ КАМНЕРЕЗЫ

Стамеска уперта тыльным концом в правое плечо. Плавный нажим плеча, короткое движение руки — и отточенное лезвие врезается в камень. Камень податлив. Он легко уступает металлу, крошится и осыпается. Кажется, что это не камень, а какая-то пластическая масса, напоминающая вязкостью обыкновенный

парафин.

Но это камень, и камень хрупкий, требующий самого чуткого внимания. Одно неверное движение — и изделие безнадежно испорчено. Ненужную грань не исправить, не убрать никакими силами. Вещь идет в брак. Нужно все начинать сначала. Но эта печальная случайность очень редка. Резчик осторожен и точен. Тверды, безошибочны линии. Сколько нужно художественного чутья, чувства меры, пропорции, чтобы так, играючи, резать камень, не ошибиться, придать ему законченную форму!

Перед резчиком стоит гипсовая или глиняная модель. Быстрый взгляд на модель, едва заметный поворот стамески — и на камень ложится новая грань. Вот одним движением вырезано ухо слона. Другим — выявлен глаз. Еще один взгляд на модель — и появляется хобот. Вещь стилизована с учетом технологического процесса и это дает возможность резать уверенно

и быстро.

И вот из бесформенной глыбы на глазах рождается произведение художника. Едва намеченные при заготовке линии принимают законченные формы. С каждым движением руки они очерчиваются все яснее, отчетливее и художественно оправданнее. Еще один взгляд на модель, теперь уже долгий, испытующий, сличающий верность копии с оригиналом, еще несколько осторожных движений, устраняющих замеченные недоделки, и вещь вчерне готова. Правда, ей еще предстоит пройти шлифовку и полировку, но это уже механические операции и резчик не занимается ими. Законченное резьбой изделие уходит от него, а он принимается за обработку новой заготовки.

Резчик — центральная фигура всего камнерезного производства. Быть резчиком может не всякий. Поэтому весь технологический процесс обработки изделия разбит на ряд самостоятельных операций, из которых резчик выполняет самую ответственную художественную огранку (нарезку) камня. Остальные операции проходят через другие руки. Это освобождает резчика

от непроизводительной траты времени и ускоряет обработку изделия.

Обработка камня начинается с распиловки. Распиловочный цех помещается в нижнем этаже производственного здания. Здесь сумрачно, низко. По земляному полу проложена рельсовая дорожка. Она уходит через двери во двор и упирается в груду камней, наваленных под навесом. Камни серые, грязно-белые, ничем не примечательные. Неопытному человеку трудно поверить, что именно из этого материала и сделаны те изящные белоснежные вещицы, которыми полон склад готовых изделий.

Огромные камни или, как их здесь называют, блоки с помощью тележки доставляются в цех и ставятся под распиловку. Медленно, торжественно, с сухим монотонным шуршанием пилят камень широкие глыбовые пилы. Пилы железные, очень гибкие и мягкие. В этом их отличие от обычных пил. Они натянуты на деревянные прямоугольные рамы и приводятся в движение электромотором. Распиловка идет всухую, без увлажнения, в противоположность разделке мрамора на мраморных заводах, где

при пилке блоки непрерывно опрыскиваются водой.

Постепенно каменные глыбы раздеваются, грязная, выветрившаяся кора спадает с них. Обнажается чистый поделочный камень. Блок распадается на несколько частей. Каждая из них подвергается дополнительной разделке. Безжалостно опиливаются все инородные вкрапления, все трещиноватости, даже самые ничтожные.

Нужно знать камень. Без этого нельзя покорить его, нельзя заставить жить в многообразных радующих взор формах. Мастер тщательно осматривает, ощупывает глыбу. Он даже жмет ее, как на рынке жмут арбуз, стараясь отобрать лучший. Если камень корош, мастер бережно опустит глыбу, постучит по ней твердым ногтем. Звенит! Можно пускать в дело. Если-же "камень в треску", то мастер, покачав головой, без сожаления отбросит его в кучу битого хлама. Такой камень не годен, он подведет и подведет обязательно на исходе работы, когда в него уже будет вложено много труда.

После отбора полученная заготовка поступает на ленточную пилу для тонкой вырезки болванок по профилю. Здесь начинается зарождение вещи. Бесконечная ленточная пила мчится с бешеной скоростью. Рабочий аккуратно подводит к ней заготовку. Гул мотора сразу тонет в визге пилы. Визг нарастает, становится нетерпимо пронзительным по мере того, как рабочий ускоряет код болванки, и вдруг разом обрывается: профиль вырезан. Все это происходит с такой быстротой, что начинаещь сомневаться: камень ли это? Пилят как обыкновенное дерево! Мутная, белесая пыль, тяжелая и быстро оседающая, напоминает, что это камень. Она струями брызжет из-под токарных бабок и тут же оседает горкой на полу. Ее выгребают из цеха лопатами. Это идеальное сырье для получения высокосортного гипса. Но... об этом ниже.

Токарная бабка — это простейший токарный станок с ременным шкивом. Их в цехе несколько — они стоят вдоль стен, напротив окон, работая от общей трансмиссии. Заготовка вещи наса-

живается на шпиндель. Заготовка вращается, рабочий стамеской снимает все неровности на камне, придавая ему правильную гео-

метрическую форму.

Токарную бабку проходят только токарные изделия, то-есть те, форма которых включает правильную окружность. Все остальные, минуя бабку, поступают на второй этаж — в резной цех. Здесь образуются два производственных потока. Один — особо художественные и статуарные вещи — идет прямо к мастеру-резчику. Другой — массовая продукция — проходит еще ряд раздельных операций. Это своеобразный конвейер, на котором происходит "сборка" чернильных приборов, пепельниц, пудрениц, слонов, шкатулок и других утилитарно-художественных вещей.

В резном цехе тихо, просторно, много света. Рядами расставлены длинные низкие столы, за которыми сидят камнерезы. Станки, механические пилы остались внизу, в распиловочном цехе. Вся дальнейшая обработка камня— исключительно ручная.

Вот рядом, бок о бок, идет по конвейеру партия слонов (набор из семи штук) и чернильных приборов. В заготовках, поступивших снизу, непосвященному еще трудно распознать характер будущей вещи. На столе перед рабочим лежат несколько толстых каменных валиков. Рабочий лучковой пилой распиливает их на аккуратные круглые шашки, как обычно нарезают ножом колбасу. Это будущие крышки для чернильниц. Рядом другой рабочий с помощью такой же пилы производит зарезку ножек и хобота на небольших каменных кубиках — будущих слонах. По шаблону обрезается все то, что нельзя было взять ленточной пилой. Операция несложна и на ней заняты рабочие низкой квалификации и ученики.

Затем изделия перекочевывают к следующему столу, где на помощь резчику приходят стамеска и деревянный молоток — киянка. Зажав стамеску в левой руке и придерживая изделие на левом колене, резчик ровными, точно рассчитанными ударами киянки скалывает все лишнее. Перед ним стоит модель, каменная или отлитая из гипса, по которой он время от времени проверяет свою работу кронциркулем. Закончив долбежку, он берется за рашпиль и сглаживает шероховатости и острые выступы.

Затем наступает решающий момент — нарезка. Нарезка под силу только особо квалифицированному и одаренному мастеру. С помощью несложного набора стамесок (узкая, широкая и полукруглая) он должен вдохнуть жизнь в кусок грубого камня —

дать ему окончательную форму.

Стамеска переходит в правую руку. Теперь уже нельзя действовать ударом. Не помогут киянка, рашпиль, шаблон. Нужны верный глаз и твердая рука. И нужны опыт, уменье "ладить с камнем". Это они— и только они!— дают ту непринужденную и последовательную легкость, с какой художник-резчик, мастер своего дела, избрав за начало какую-то одну, лишь ему известную точку, формует острием стамески плотную каменную массу.

Но камень есть камень. И поэтому-то у стамесок длинные деревянные рукоятки, которые так удобно упереть в плечо. Рез-

чик режет плечом. Меньше утомляется рука, тверже, увереннее линии. Больше может проявить себя чувство меры, объема. Этим

чувством камнерезы владеют с удивительной силой.

И вот вещь приобрела свою форму. Если она, эта вещь, состоит из нескольких частей, ее склеивают ("собирают!"). Но она еще не готова. У нее грубая, шероховатая поверхность, под которой теряется очарование рисунка камня. Необходимо сделать ее глянцевитой, ласкающей и глаз и осязание. Камень нужно отполировать.

Сначала его шлифуют. Ни за что не догадаться, как это делается! Шлифовкой занимаются почти исключительно женщины. Полное отсутствие какого-либо инструмента. На столах — чашки с водой в которые погружены какие-то сушеные стебли. Пучки стеблей в руках у женщин. Этой моченой травой они методически натирают поверхность изделий. Когда пучок истирается, заменяют его новым и трут опять, трут до тех пор, пока камень не станет идеально гладким, без заусениц и шероховатостей.

В чем секрет шлифовки?

Секрет — в траве. Не всякая трава пригодна для этой цели. Пригоден только хвощ. Вероятно, каждому приходилось находить на полях и в лугах этого скромного и незаметного потомка гигантских хвощей каменноугольного периода. Он безлистен, сух и очень прочен. О него легко можно порезать руку. Хвощ собирают, сушат, заготовляют как сено. Стебли хвоща имеют тонкие продольные риски. Кроме того, он содержит много кремнезема и при высыхании становится удивительно твердым и хрупким. Его заваривают, он отмокает и теряет хрупкость. В таком виде его пускают в работу. Шлифуя, натирают не вдоль, а поперек волокон. Острые, твердые риски хвоща, как наждачная бумага, — но несравненно нежнее ее, — снимают тончайший слой камня. Они не дают после себя даже самых ничтожных царапин. Они именно шлифуют, а не просто равняют поверхность.

За шлифовкой следует полировка. Хвощ заменяется негашеной известью и мылом, разведенным в воде до густоты сметаны. На слегка увлажненную тряпочку набирают щепотку извести и, отряхнув прильнувшие комочки, полируют. Блеска еще нет. После обмакивают тряпку в мыло, вновь набирают извести

и продолжают полировать. Появляется блеск.

Холодный камень оживает. Исчезла инертность глыбы. Солнце преломляется в зеркальных полированных гранях. Ярко и выпукло проявился нежный рисунок камня. Оттенки его стали чистыми и сочными, формы — легкими и радостными. Из замысла художника и усилий многих людей родилось произведение искусства.

Нужно, чтобы оно жило долго. Изделие парафинится. Это своеобразная профилактика против физического выветривания. Обычно она проделывается в специальных ваннах; изделие купают в расплавленном парафине. Здесь, в Кунгуре, эту операцию выполняют несколько по-иному. Изделие, как пирог, садят в духовой шкаф, нагревают до полусотни градусов и кистью наносят расплавленный парафин. Затем протирают тряпкой сначала в горячем, а потом в холодном состоянии. Операция очень несложна и лишь

при нагревании требует известной осторожности: при перегреве свыше ста градусов камень подгорает (обжигается), белеет и превращается в гипс. Парафин закупоривает микроскопические поры в поверхности камня, окутывает его тончайшей непроницаемой пленочкой и предохраняет от разрушения. Одновременно парафин усиливает блеск и скрывает отдельные шероховатости в углублениях, куда не могла проникнуть хвощинка.

* * *

Первые художественные изделия из уральского камня появились на рынке в первой половине прошлого столетия. Если верить старикам-камнерезам, зачинателями его были жители Покрово-Ясыльской волости, Осинского уезда, Пермской губернии. Позднее, лет шестьдесят назад, занялись им крестьяне нынешнего Ординского района, близ города Кунгура. Никаких артелей тогда, конечно, не было. Работали отдельные мастера-кустари. Сами за свой страх и риск искали и заготовляли камень, сами резали его у себя на дому, сами и сбывали. Работал такой мастер в бане. Устраивал несложный ручной привод. Приспосабливал к делу семью. Жена или сын крутит, приводит в движение станок, сам точит, режет камень.

Резали вначале исключительно селенит — волокнистую разновидность гипса желто-медового цвета. Камень красивый, прозрачный, как гречневый мед, и в обработке очень податливый. Ходовым товаром были сапожки, туфельки, рамочки, пасхальные раз-

рисованные яички.

Первым предпринимателем, поставившим камнерезное дело на промышленную ногу, был некто Свечников из Екатеринбурга. Он объезжал села и глухие лесные деревушки, скупал "на корню" продукцию камнерезов и после продавал ее в городах, наживая огромные деньги. "Камушки" брали охотно. Покупатель предъявлял требования к ассортименту. Свечников стал завозить мастерам модели. Уже в этот период мастера создали ряд вещей, которые живы и по сей день. Свечников был не единственным предпринимателем. На камешках богатели многие.

Позднее камнерезами заинтересовалось земство. Художник земства систематически наезжал к мастерам, корректировал их работу, снабжал моделями. Изделия из уральского камня находили все больший спрос. Они стали известны за границей, поль-

зуясь и там заслуженным успехом.

В годы первой мировой империалистической войны камнерез-

ный промысел заглох. Возродился он уже в наше время.

В 1924 году был организован Кунгурский Многопромсоюз, который взял на учет всех кустарей-надомников. С этого момента камнерезное дело пошло круто вверх.

Спустя некоторое время произошло объединение надомников в артели. В Ординском районе были выстроены две мастерские:

в с. Красный Ясыл и в д. Овчинники (ныне д. Павлова).

Трест "Русские самоцветы" в 1929—30 гг. выстроил камнерезную фабрику в селе Вторые Ключики. До этого трест зани-

мался обработкой изделий из камня на бывшей Екатеринбургской гранильной фабрике.

В 1932 г. организовалась камнерезная артель в Кунгуре, которая расположила свое производство в подгорной части города,

на берегу реки Ирени.

На первых порах все эти "фабрики" не имели никакого оборудования. Артель объединяли лишь общая крыша да скамьи. Инструмент камнерезов такой, что не допускает автоматических движений. Однако кое-что удалось сделать и в этом направлении. В 1931 году Горно-Иренская артель в дер. Красный Ясыл поставила двигатель для механической распиловки и токарной обработки. В 1933 году более фундаментально механизировалась Кунгурская артель: помимо глыбовых пил и токарных бабок здесь поставили ленточные пилы и сверлильные станки. Совсем недавно Кунгурская артель частично ввела механическую рашпиловку.

В связи с изменившимися условиями работы видоизменялась и обработка вещи. Был разработан технологический процесс, где центральная роль отводилась мастеру-резчику, а все второстепенные операции выполнялись помимо него. Это позволило развернуть промысел в невиданных до сего размерах. Ныне годо-

вой оборот артели выражается в миллионах рублей.

Камнерезный промысел — это самобытное народное искусство, созданное талантливыми самоучками. Мастера-самородки являются и по сию пору тем костяком, на котором держится творческое благополучие артели. У каждой артели есть свои имена, которыми гордятся. Это люди больших дарований, скульпторы,

создающие волнующие произведения.

В Горно-Иренской артели работает старый мастер Д. Е. Батуев. Им создана скульптурная группа "Дружба народов", статуэтка "Ревущий медведь" и ряд других оригинальных вещей. В Опачевской артели выделяется молодой резчик Ф. П. Васенин — тонкий художник, выросший за последние годы. Его работы имеются на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Заслуженной славой пользуются мастера Павловской артели Н. С. Оболдин и А. С. Орлов. Это — авторы многих скульптурных произведений, поражающих тонкостью резьбы, умелым комбинированием расцветки и рисунка камня. Изделия Павловской артели вообще могут быть отнесены к категориям лучших.

В Кунгуре работают А. Ф. Сидоров, В. Н. Каданцев, Я. А. Зубенин — опытные с многолетним стажем резчики; восемнадцатилетний Виктор Ваганов, несмотря на молодость, безусловно заслуживает звания мастера; скульптор А. Е. Попов — художник ар-

тели. Все это одаренные, незаурядные люди.

В производственной конторе Кунгурской артели стоит шкаф с образцами изделий. Шкаф занимает всю стену. Он далеко не полон, но сколько тут интересных и осуществленных замыслов!

Привлекают внимание две статуэтки Попова, сработанные из белого ангидрида: "Лыжник" и "В дозоре". Обе вещи радуют пропорцией линий и верностью схваченных движений. За "Лыжника", метровой высоты, сделанного совместно с Зубениным,

7 Прикамье 97

в 1938 году на 1-й Свердловской выставке камнерезных изделий Попов получил диплом 2-й степени и денежную премию. Премию мастер и художник поделили пополам. Попов, безусловно, тяготеет к работам статуарного характера. В складе полуфабрикатов (в резном цехе) стоят его новые гипсовые модели, ждущие своего разрешения в камне,—"Крольчатница" и "Новый урожай" (колхозница, несущая плоды). Обе работы композиционно компактны, интересно задуманы и говорят о крепнущем мастерстве молодого

Более многочисленны в шкафу утилитарные изделия. Подробно представлен А. Ф. Сидоров. "Работать камень" он начал семнадцати лет и скоро будет отмечать свой двадцатипятилетний трудовой юбилей. Он отличный копировальшик и автор оригинальных утилитарных вещей, в числе которых белая, с желтым сердечком, пудреница "Ромашка", пепельница "Виноградник", разные шкатулки. У мастера Я. А. Зубенина, работающего в артели с 1934 года, бросается в глаза разнообразие тем: тут и массивная пепельница с обезьяной, и лиричная, хорошо орнаментованная в русском народном стиле, пудреница с сидящей на крышке птичкой, и статуэтка "Моряк", оригинал которой ныне находится в Свердловской картинной галлерее. Недавно по модели Зубенина пошла в производство лампа "Дракон", пользующаяся большим спросом. Любопытно отметить, что о мифологических драконах Зубенин знал лишь понаслышке, и, несмотря на это, сумел создать по собственному замыслу небезынтересную вещь с крылатым своеобразно стилизованным чудовищем.

Молодые мастера Бутаков и Ваня Макаров имеют определенное влечение к анималистическим сюжетам: лежащий тигр, медведи, собаки, подчасник с лисицей, пепельница тоже с лисицей, нацелившейся на воробья. "Бодающий козел" Макарова интересен

архитектурным разрешением деталей: рогов, бороды.

Шкаф далеко не полностью отображает творческое лицо артели-Здесь многого нет. Так, например, были отправлены на Парижскую выставку пепельница "Золотая рыбка", статуэтка "Пограничник с конем", сделанная по модели Попова, и ряд других вещей.

Весной 1940 г. в Молотове состоялось Всесоюзное совещание по камнерезному промыслу. На выставке изделий из камня, привезенных из Свердловской, Молотовской, Горьковской областей, из Алма-Ата, Новосибирска, Бурят-Монгольской АССР, лучшими оказались изделия уральцев, особенно изделия молотовских мастеров. Фактически Молотовская область — ведущая для камнерезного искусства, а старинный небольшой городок Кунгур — его географический центр.

Видимо, это не случайно. Искусство камнереза находится в тесной зависимости от материала. Без хорошего камня не сработать хорошей вещи. Камень нужен мягкий, вязкий и красиво расцвеченный. Этим условиям удовлетворяет ангидрид. В сущности — это гипс, который здесь привыкли звать ангидридом. Есть минерал ангидрид, очень красивый — голубой, кремовый, прозрачный, но твердый. Не нужно путать его с кунгурским

скульптора.

гипсом, который значительно мягче. Гипсы могут дать полную палитру оттенков, начиная от красных и кончая зелеными. Это материал свой, местный. Из привозных можно назвать гагат (черный, похожий на уголь, камень) и серпентин (темно-зеленый и черный талько-хлорит, добываемый близ ст. Мраморской и на Шабровском руднике). Любопытно отметить, что серпентин при нагревании меняет цвет.

Сейчас в ходу, главным образом, молочно-белый и серый ангидрид. Это слишком мало. Гипсы с их изумительными расцветками, безусловно, заслуживают большего внимания. Недопустимо забыт

первый поделочный камень — селенит.

Неблагополучно и с ассортиментом, поступающим в продажу. Слишком большое место в продукции артелей занимают "носители счастья"— слоны, ночники-совы и другие, хотя и популярные, но отдающие дурным вкусом вещи. Топорны многие образцы письменных приборов. Они однообразны и примитивны. Недопустимо мало выпускается статуарных вещей. Почему-то все внимание сосредоточено на утилитарных изделиях, а между тем камнерезы могли бы предложить богатый выбор художественных произведений — от настольной изящной статуэтки до внушительной парковой статуи. Творческие возможности не ограничены.

Страна предъявляет большой спрос на изделия из камня. Нередко потребители сами приходят в контору артели. Приносят свои предложения, заказы, эскизы. Одни требуют партию оригинальных письменных приборов, другим нужны статуарные тематические вещи для недавно построенного Дворца культуры, третьи приносят заказ на художественную резную крышку для альбома, отправляемого в Москву на выставку. Председатель правления артели долго смотрит через очки на эскизы, затем говорит:

- Попова надо позвать.

Приходит художник Попов, молодой, худощавый, в сером клетчатом костюме, запудренном каменной пылью. Попов окончил камнеобрабатывающее отделение Свердловского художественно-промышленного техникума. За столом он сидеть не любит и целые дни пропадает в цехах. "Мое место там, около мастеров",— говорит он.

Художник оживлен. В его руках — маленькая круглая коро-

бочка из глины.

— Пудреницу Ваганов сделал,— говорит он.— Очень удачная работа. Недавно закончил "Горняка", а сегодня уже новая модель готова.

Модель совсем свежая и еще не успела просохнуть. Но даже и сырая она изобличает тонкий художественный вкус автора. Она орнаментована на тему "Сказка о золотой рыбке": кудрявые волны, старик тянет сеть. На крышке посажена изящная чешуйчатая рыбка. Стилизация удачна, и художник радуется успеху молодого мастера.

7*

Председатель показывает заказ.

- Вот, взгляни, Алексей Елисеич. Кому дать?

Художник быстро знакомится с эскизами.

— Можно Ваганову, — предлагает он.

Виктор Ваганов — крепкий широколицый юноша, скромный и внимательный. Бывший воспитанник Кунгурского детдома. Окончил двухгодичные курсы камнерезов, в артели работает около двух лет. За этот небольшой срок успел показать себя способным, талантливым резчиком. Рисует, лепит. Сделанная им фигура шахтера получила одобрение художественного совета и вошла в ассортимент.

Ваганов молча выслушивает объяснения заказчика. На тонкую ангидридовую пластинку нужно нанести глубокую резьбу. Рисунок сложен, и заказчик неуверен в его выполнимости. Вага-

нов рассеивает все сомнения.

- Можно, - спокойно говорит он.

Заказчик уходит, а мастер с художником тут же погружаются в обсуждение технологии принятого заказа. Попов быстро распределяет очередность обработки деталей рисунка, Ваганов вносит свои веские дополнения. У обоих, несмотря на молодость, чувствуются уверенность опыта, твердое знание дела. Недаром Вагановым гордится вся артель, а художник Попов пользуется авторитетом не только среди своих, но и среди камнерезов других артелей. Ни одно серьезное начинание не обходится без его участия.

Художник Попов — "любитель побродить с ружьишком", как он сам говорит. Ему уже удалось "заприметить" много мест с выходящими на поверхность цветными гипсами-ангидридами. Недавно на совместной прогулке с председателем артели посчастливилось наткнуться на выходы цветных гипсов в полукилометре от города. Взятые с поверхности образцы оказались очень неплохими. После этого, не дожидаясь геологов, на место залегания немедленно была отправлена бригада из трех опыт-

ных мастеров с наказом достать "камешек поглубже".

Сейчас художник Попов захвачен новой идеей. В камнерезном производстве получается много отходов — обломки, опилки, кучи каменной пыли. Это — идеальное сырье для получения чистого гипса. Утвержден проект постройки за городом филиала по утилизации отходов. Поставить печь для обжига и будет обеспечен еще один вид ценной продукции — гипс высшего качества (хирургический). А затем из этого гипса, думает художник, можно делать художественное литье — бюсты, копии классических античных произведений, архитектурные детали, ну, и, конечно, новые оригинальные вещи.

Проект, безусловно, интересен. И кто знает: не разовьется ли со временем рядом с уральским камнерезным Палехом—Палех

такого же яркого и самобытного гипсового литья...

Г. АРГЕНТОВ

наговоры дружки

Собирателю произведений народного словесного творчества при записи материала приходится захватывать материал в широком масштабе - записывать фольклор не только в том обширном крае, который намечен им к обследованию в отношении фольклора, но время от времени приходится делать, пользуясь случаем, "пробные выемки" материала у знатоков из других, отдаленных местностей. Я, например, ставил себе целью запись всех видов фольклора, главным образом, в пределах Камского Предуралья, но при поездках по Уралу и при отдельных встречах с лицами из дальних краев производил и от них запись нужного мне материала. Путем таких записей я имел возможность познакомиться с богатством фольклора и далекого Вятского края и Зауралья. Так, будучи в пермском лазарете на испытании зрения в 1917 году, я однажды разговорился там с одним раненым солдатом — Семеном Васильевичем Русских, уроженцем деревни Лобачей, Дворищенской вол., Нолинского уезда, Вятской губернии.

В беседе со мной он сообщил мне, что до войны он не раз "дружил" на свадьбах. На мое предложение записать свои наговоры он охотно согласился и скоро представил мне рукопись с наговором. Я эту запись сохранил и только теперь имею возможность закрепить ее на страницах печати.

* * *

Когда поедут от жениха к невесте, поезд останавливается за воротами, и дружка начинает наговор: он читает три раза исусову молитву (господи исусе), за ней наговаривает:

"Все ли в скопе? Все ли в сборе? Все ли в добром здоровье? Все ли выехали со двора, не осталось ли ково за столбом? Свахонька-суредихонька! Всех ли ты поежжан суредила? Всех ли по козелкам усадила! На наших поежжанах азямчики фабричнова сукна, кушачки малиновова цвету, перчаточки "жамчатные", шапочки бухарчатые, шарфики у всех вязаны, головушки примазаны. Взяли ли всё, не забыли ли чё? Взяли ли шубку? Взяли ли юбку? Взяли ли башмачки? Взяли ли чулочки? Взяли ли белильца? Взяли ли румянца? Взяли ли зеркальцо? Свахонька-

суредихонька, взяла ли ты пуховую подушку, штобы не избить молодую молодушку о виченную плетюшку. Поехали мы за девкой, а привезем молодушку. Отец благословенной! Мати порожденна! Благословите нашева князя молодова под златой венец встать, светой закон принять, а нам, дружкам, вперед ехать, путьдорожку торить!"

Все отвечают: -- Бог благословит!

По приезде поезда к невесте дружка с полудружьями идут в избу к невесте, поезжане остаются в ограде и дожидаются, пока возвратится дружка и пригласит их в избу. Подойдя к дверям избы, дружка читает молитву исусову три раза. Хозяин говорит: "аминь", и дружка с полудружьями заходят в избу. Стоя среди избы, дружка начинает наговаривать:

"Здравствуйте, господа! Явился дружка к вам сюда! За ково вы будите меня почитать? За русскова ли царя или за французскова богатыря? Нет, я не русской, я не французской, я хорошо воспитан был и смолоду везде я жил: был я в Танбове, был я в Ростове, был я в Рязани, был и в Казани, был в Париже, был и ближе, но не видал такой веселой конпании, какая здесь собралась. Есть на мне мундир, семьдесят семь дыр, пять-

десят две заплатки, с меня взятки гладки"...

"Любезной сватушка и любезная сватьюшка! Зашел я к вам не в клить, нельзя ли чем язык отлить? (Сват подает вино). Теперь за этот стакан читать решился я невольно, нужда заставила меня. Оно мне сердце давит больно: прошу вас выслушать меня! Если знать вы все хотите, то повнимательней сидите, то узнаете тогда мою "молитву" до конца. Теперь я, дружка, к вам пришел и всем радось вам принес: окорок капусты и вилок ветчины. Здравствуй, кут! Здравствуй, брус! Здравствуйте, старые старички и дорогие гостеньки! Здравствуйте, старые старушки и молодые молодушки! Здравствуйте, красные девицы, пирожные мастерицы! Здравствуйте, столы и скамейки и вся дорогая семейка! Здравствуй, сват и сватья, сегодня ли у вас свадьба?" (Ответ: "Сегодня").

"Как мы ни годили, а в один день угодили, пива и винца наварили. Ты теперь, сватушко, свою-то родню попотчуй пивцом, а нашу-то винцом. Мы напьемся у тебя попьянее, будем говорить про тебя повеселее: што хорошо напоил сватушко дорогой. Нельзя ли за это выпить по рюмочке по одной, а за другую

опять скажем!" (Опять подают вино).

"Мы приехали к вам не со Слудки, не на семеры сутки, не день дневать, не ночь ночевать, а попить-погулять, а к ноче

опять домой уезжать!.."

"Приехали к вам не в осуду, а опростать посуду. Стали мы сегодня с полночи, гнали што есть мочи, а рассветало за лужкам ехали — торопились, в трех соснах заблудились, ехали по вашему волоку. Ваш волок — семь елок, я на каждую елку глядел, очень ись-пить захотел. Сватушко дорогой, нет ли у вас примочек из винных бочек?" (Опять подают вино).

"Теперь, любезный сватушко и любезная сватьюшка! Станьте на скамеечку, к середнему окошечку, посмотрите в окошечко — на вашом поле, на наших конях едет свадьба. Конички у нас у всех вороные, кареточки городовые, дуженьки вязовые, оглобельки ветловые, заверточки шолковые, хомуты с плашшам, вожжи с клешшам, уздечки тесьмянные с большим кистям. Ехали — понужали, к широкому двору подъезжали; подъезжали к вашей деревне, как к городу, а к вашему дому, как к терему; как у ваших у ворот стоит дворник Сиволот и зевает во весь рот:

- "Сторонись, братцы-народ, штобы кому дружка не за-

мчался в рот!"

"Любезной сватушко и любезная сватьюшка выходили, златые ключи выносили, немецкие замки отпирали и нас на двор впушшали. Мы становили лошадей середи широкова дворца, у паратнова крыльца, привязывали их к златым столбам, шелковым поводам, немецким узлам. Теперь, любезной сватушка, дайте нашим лошадям сена по копне да овса по зобне, сена зеленова, а овса толчонова, а то хлеба, а если нет хлеба печенова, то ты, сватушко, найди нам человека, мы с нево снимем портки и заставим: "всю ночь овес толки!"

"Наш молодой князь остался в чистом поле, в широком раздолье, в полном здоровье, а ваша княгиня как?" (Ответ: "То-

же, слава богу, здорова!").

"Наш сватушко этому сильно обрадовался, из горенки в горенку похаживает, из шкафчика во шкафчик поглядывает, бутылочки переставлял и нам, дружкам, по рюмочке водочки наливал!" (Опять подают вино дружке).

"Теперь я тебе, любезной сватушко, скажу и прикажу: трубу закрыть, двери затворить! Поставьте ко столу "стольничка", ко дверям "притворщичка", к печке "стряпею", штобы печку открывала, бочечку оттыкала; мне дайте — дружке, стульчик с перильцам, штобы навалитца широким крыльцам!"...

"Дайте ложку-долгочеренку, как хлебнуть, так и за пояс заткнуть, молодых молодушек под бок ткнуть, штобы оне не дремали, а почашше нам ись-пить подавали, — я пить-то не пью, да честь люблю. Боюсь, штобы мне самому не напитца и тебя не напоить да и ваших гостеньков не удивить". (Подают вино).

"А вы, малые ребятишки — синие пупки, косые желудки, через брус на меня — дружку, глядеть — глядите, да на меня, дружку, не уроните соплей мотушку, а идите в чистое поле, в широкое раздолье. Вам там посеян "загон" репы, вы его рвите, в середку не ходите да и не деритесь! А если раздеретесь, то я приду на суд, принесу еловый сук и всех вас перепорю"...

"А вы, красные девицы, пирожные мастерицы! Идите за ворота, вам там поставлен горшок каши, вы его хлебайте, а лбы не марайте и меня-то, дружку, не ругайте. А если нехватит, — я ишо

добавлю"...

"А вы, старые старички, седые бородки, умные головки! Садитесь по лавке в кут, я вам дам шерсти пуд да пива куб. Вы пиво пейте, шерстку теребите, да и меня, дружку, хвалите, што хорошо устроил!"...

"А вы, старые старушки, пожилые молодушки, набоковые шамшуры, толстые синюхи, косые заплаты, лицом вы ребоваты, а сзади горбаты! Становитесь ко стене лицом, штобы удобнее было вас хлестать бичом, а полезайте на полати—гнилой лук перебирати. Вы на меня, дружку, не сердитесь, я ведь ругаю тех, которым 70 лет, а здесь таких, наверно, нет; вы на меня, дружку, не сердитесь, а лучше по доброй воле по домам разойдитесь да молодых молодушек пошлите, про нас — поежжан песенку спеть, нашева молодова князя развеселить и молодую "расхлевить", а с нас—поежжан денег получить: с ково — алтын, с ково — пятак, а с меня, дружки, можно и так, но если заспорите, то и я отдам"...

"А теперь, любезной сватушко и любезная сватьюшка, сядьте на брус, свесьте ноги на очеп, посмотрите на свою дочерь, как вы свое чадо поили-кормили, за дубовый стол становили, уму-разуму учили; она у вас жила, не мед пила и к нам придет, не сахар ись будет. Мы ваше чадо увезем в "нищецко" стадо. Ей теперь здесь не дом, пора отсюдова вон. Придет наш князь молодой, возьмет ее за правую ручку, за златое колечко и поведет на крылечко. Мы их на парах, на тройках повезем, будем вен-

чатца, хорошо отличатца"...

"А теперь, любезной сватушко и любезная сватьюшка! Милости просим встретить нашева князя молодова, тысяцкова, "поневестницу", больших бояр и малых бояр и всех любезных поежжан. Ты, сватушко, иди с винцом, а ты, сватьюшка, с пивцом. Винцо-то неси не шкаличком—не косушечкой, а целой четвертушечкой. Стаканчик не выбирай, а в обе руки забирай, подноси— не сплесни, подавай—прибивай, участи-улести, штобы несовестно было завтра самому приехать. Это ишо не сказка, а присказка. Сказка будет впереде на той неделе, к середе. А пока этой молитве аминь, а за ее ишо выпьём стаканчик один!"

Дружка уходит в ограду и приходит с дарами.

"Меня—дружку-Петрушку, ишо поежжана к вам в избу послали, молодую навестить и подарок подарить. Я—дружка-Петрушка, на легоньких ножках, сафьяновых сапожках шел у вас по сеням, чуть меня телята не съели. Телята у вас стоят страшные, лбы у них стышные, брюха рваные, ноги драные. Я их испугался, за скобочку схватался; скок через порог, едва ножки переволок, глаза упер в пол и потолок"...

"Расступися, народ! Расшатися, народ! Дайте дружке дорож-

ку, штобы не наступить кому на правую на ножку"...

"Которая здесь молодая? Прошу тебя на резвые ножки стать и нам, дружкам, поклон воздать, а от нас гостинец принять!"

Невеста принимает гостинец. И тогда все идут в ограду встречать поезжан.

H. TAPACOB

из народных загадок молотовской области

Печатаемые ниже народные загадки собраны и записаны Н. ТАРАСОВЫМ в течение 7 лет по преимуществу от представителей старой деревни в пределах, главным образом, бывш. Оханского уезда, в волостях Верещагинской, Карагайской, Сивинской, Покровской и др. Н. ТАРАСОВЫМ записано 246 загадок. Большинство их представляет значительный интерес, как загадки оригинальные, если, например, сравнивать их с работами других собирателей загадок (А. Садовников: "Русские народные загадки" (2508 номеров), Г. Аргентов: "Фольклор Прикамья" — 1000 номеров). Вариантов среди этих загадок мало.

Ниже печатается наиболее интересная часть загадок, собранных

Н. ТАРАСОВЫМ.

1. Стоит бычище, проклеваны бочища.

(Новый сруб).

2. Промеж вас, промеж нас добрый молодец увяз.

(Мох между бревнами избы).

3. Двадцать пять рядком на одной подушке спят.

(Потолочины).

4. По сеням и так, и сяк, а в избу никак.

(Двери избы).

- 5. Две сестры по край двери стоят, в избу войти не смеют. (Дверные притолоки).
- 6. Основы сосновы, уток соломенный.

(Соломенная крыша).

7. День корпит, ночь корпит, в "подымки" спит.

(Заслонка печи).

8. Бабушка Софья день и ночь сохнет, час отдыхает, когда дым по избе гуляет.

(Заслонка).

9. Отец не родился, а сын уж под потолок вырос.

(Дым).

10. Серое сукно тянется в окно.

(Дым).

11. Ударю булатом по каменным палатам, вылетит княгиня, сядет на перину.

(Огниво).

12. Красный кочеток по жердочке бежит.

(Лучина горит).

13. Висит, болтается, всяк за него хватается, всяк перед ним нагибается.

(Рукомойник).

14. Кто без рук, без ног по избе ходит.

(Колыбель).

15. Четыре ноги, а не зверь, с перьями, а не птица.

(Кровать с периной).

16. Маленький шарик все обшарит; обежит теремок и опять В УГОЛОК.

(Веник).

17. Расхрабрится, что твой петух, а уляжется — смирнее мокрой курицы.

(Веник).

18. Уж есть ли кто таков, как Иван Русаков, -- сел на конь и прямо — в огонь.

(Горшок).

19. Был парень в копанце, был малый в "хлопанце", был на пожаре, был на базаре; молод был — семью кормил; умер — вышвырнули на улицу - собака не глядит.

(Горшок).

20. Родился — вертелся, рос — вертелся, я ли не парился, я ли не жарился, всех любил, всех кормил, а помер — без поминок в яму.

(Горшок).

21. Кривой конь лезет в огонь, за ним туда же Федосья растрепаны волосья.

(Кочерга и помело).

22. Ни свет, ни заря пошел, согнувшись, со двора.

(Коромысло).

23. Два братца хотят подраться, да друг друга достать не могут.

(Ведра на коромысле).

24. Пришел паук на деревянных ногах, всю избу загородил. (Ткацкий станок).

25. И стучит и гремит, молния сверкает, с одного конца тает, с другого вырастает.

26. Сядем, тетка, рядком да поговорим ладком. Будешь держаться за меня — гляди сгорбишься, как я, а не подержишься за меня — станешь голая, как я.

(Пряха и прялка).

27. Чудо — чудом сошлось все кругом, дыр много, а вылезать некуда.

(Pewemo).

28. Больше вертится, больше толстеет.

(Веретено).

29. Кого с полу за хвост не поднимешь?

(Клубок.)

30. Слушаю — послушаю: в избе кто-то вздыхает, а нигде ни души.

(Тесто в квашне).

31. Комовато, ноздревато, и кисло и ломко, а всех милей. $(X_{\lambda}e\delta).$

32. Не велик капитал, а душу напитал. (Щи). 33. Дедушко смеется, инда шубенка трясется. (Кисель). 34. Меня одну не едят, и без меня мало едят. (Соль). 35. Стоит копейка, а разобъешь—внутри серебро да золото. (Яйцо). 36. Бел, как снег, в чести у всех. (Caxap). 37. Сижу верхом, не ведаю на ком. (Шапка). 38. В липовом корытце живое тело шевелится. (Нога в лапте). 39. В каком месте свинья сквозь быка прошла? (Apamba).40. Весь свет одевает, сама нагишом. (Игла). 41. Били меня, колотили меня, мяли меня, трепали меня, во всё чины производили, на престол с царем посадили. (Обработка льна). 42. На нашей Параше сорок рубашек, а ветер подует и тело FOAO. (Kupuua). 43. На сене лежит, сама не ест и другим не дает. 44. Желтый Демид весь день на солнышко глядит. (Подсолнух). 45. Телятки-гладки привязаны к грядке. (Огурцы). 46. Под землей птица гнездо свила, яиц нанесла. (Картофель) 47. Красная девица сидит в темнице, коса на улице. (Морковь). 48. Зимой всех теплей, летом всех холодней. (Погреб). 49. Поднялась Арина выше овина, в землю кланяется, а не изломается. (Журавель). 50. Поднялась трава выше двора. (Хмель). 51. Встанет — выше лошади, ляжет — ниже курицы. (Ayra).52. Большой скачет, малый плачет. (Дуга и колокольчик). 53. Мычит вол на семь сел. (Колокол звонит). 54. Ася, я разляглася, а кабы встала, так до неба достала; кабы руки да ноги, я бы вора связала; кабы язык да глаза, я (Дорога). бы все рассказала.

55. Тянется как нитка, на клубок не смотаешь. (Тенета). 56. Под окнами ляжет, к стене не привалить. (Aopora). 57. На конце, на деревце живота наши качаются. (Колосья). 58. На кургане сидят курочки с серьгами. (OBec). 59. Криво-лукаво к лесу бежало, зелено-кудряво спрашивало: "Криво-лукаво, куда побежало?" — "Зелено-кудряво, тебя стеречи". (Изгородь и озимь). 60. Полевые покромочки не складешь в котомочки. 61. Бьют — терплю, режут — терплю, ворошат — терплю и за всё добром плачу. (Земля). 62. Баба-яга, распорота нога, других кормит, сама голодна. (Старая соха). 63. Мал мужичок сквозь землю прошел, синю шапочку нашел. (Лен). 64. Кожу носим, мясо бросим, голову едим. (Лен, конопля). 65. Никто не пугает, а все дрожит. (Осина). 66. Стоит старичок - красный колпачок. (Мухомор). 67. Косой бес поскакал в лес. (Заяц). 68. На болоте плачет, на сушь нейдет. (Кулик). 69. По поднебесью веревка протянулась. (Жиравли в небе). 70. Не велик конек, за море ходит. (Ласточка). 71. Шило впереди, клубок посереди, ножницы сзади. (Ласточка). 72. На реке живет Тарас, кричать горазд. (Лягушка). 73. Кину не палку, убью не галку, ощиплю не перья, съем не мясо. (Удочка и рыба). 74. Не зверь, не птица, а нос как спица. (Слепень). 75. Летит Мамыра—ни лица, ни рыла; кто убьет, тот свою кровь прольет. (Комар). 76. Самого не видно, а голос слышно. (Комар). 77. Насилу поколели, всему миру надоели. (Комары, мухи).

78. Летит пуля—жужжит, я в бок, она за мной, я — в другой. она за мной, я хвать, ан это что такое? (Myk). 79. Голубой шатер весь мир покрыл. (Небо). 80. Какой огонь всех ярче горит. (Солние). 81. Взглянешь — заплачешь, краше его на свете нет (Солнце). 82. Золотой пришел, серебряный убирайся. (Солние и лина). 83. Видаться — видятся, а вместе не сходятся. (Солние и лина). 84. Сестра к брату в гости идет, а он от сестры прячется. (Солние и луна). 85. Молод был — молодцом глядел, под старость устал — меркнуть стал, новый родился -- опять развеселился. (Месяц). 86. Влезет в окно, растянется как сукно, не прогонишь ни крестом, ни пестом, пора придет - сам уйдет. (Солнечный луч). 87. Ты только из дому, а она уж до риги шагнула. (Тень). 88. Кого с земли плетью не сгонишь? (Тень). 89. Хоть весь день гоняйся за ней — не поймаешь. (Тень). 90. Поле не меряно, овцы не считаны, пастух с рожком. (Небо). 91. Утром в сажень, в полдень в пядень, а вечером — через поле шагает. (Тень). 92. Поднялись врата, всему миру красота. (Радуга). 93. Живет без тела, говорит без языка, никто его не видит, а всякий слышит. $(\partial xo).$ 94. Без рук, без ног в лесу воюет, к избе подойдет — в окно стучит, жалобно в избу просится. (Bemep). 95. Расходится детина — удержу нет; уляжется — не видать, не слыхать. (Bemep). 96. Посмотрю в окошко — стоит долговязый Антошка. 97. Тонок, долог, голенаст, прыгать горазд, а в траве не видать. $(\Delta o \times \Delta b).$ 98. Лежал, лежал да в реку побежал.

(Снег).

99. Течет, течет — не вытечет, бежит, бежит — не выбежит. $(P_{yye}\hat{u})$.

100. Старо лукошко, новый покрой.

(Замерэший пруд).

101. Дедушка на реке мост мостит без топора, без клиньев, без подпорок.

(Мороз на реке).

102. Пятеро волов одной сохой пашут.

(Пальцы).

103. Что быстрее пули?

(Мысль).

104. Что любишь, того не купишь; что не надо, того не продашь.

(Молодость и старость).

105. И рать и воеводу — всех повалил.

(Сон).

106. У семерых братьев по одной сестре. Сколько сестер? (Одна).

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ЕВГ. БОГОЛЮБОВ

новое о решетникове

В № 52 "Пермских губернских ведомостей" за 1861 г. (отдел неофициальный) была напечатана статья молодого Ф. М. Решетникова под заголовком "Библиотека для чтения чиновников Пермской казенной палаты". До Октябрьской революции статья эта никогда не включалась в собрания сочинений Решетникова и была основательно забыта большинством,— хотя ее знал и отметил первый биограф Решетникова Глеб Ив. Успенский. Редакция полного собрания сочинений Решетникова, изд. Свердлгиза, включила эту статью (по тексту "Пермских губернских ведомостей") в первый том, высказав в примечаниях предположение, что статья кое в чем подправлена как рукою пермского приятеля Решетникова — Трейерова, так и рукой редактора пермской газеты. Нодаже и в таком "выправленном" виде статья представляет определенный интерес и для характеристики Решетникова, и для истории жизни Урала в так называемую "эпоху реформ".

Нам удалось разыскать в Пермском областном архиве любопытные материалы, которые позволяют с уверенностью восстановить и историю организации "библиотеки для чтения чиновников Пермской казенной палаты", и некоторые интересные моменты, связанные с личностью и биографией Ф. М. Решетникова

в этот период.

Эти материалы заключены в особой, канцелярского вида книге, озаглавленной "Журнал заседания выборных членов за 1861 и 1862 гг.".

Книга сохранилась в том виде, в каком она была еще во времена существования казенной палаты. В ней пронумерованы все полулисты и есть отметка: "В сей книге нет двадцати двух листов". Пронумерованы в ней и все решения по вопросу о библиотеке чиновников Пермской казенной палаты, занесенные в нее за период с 14 марта 1861 года до 31 августа 1863 года (дата последней записи).

Из этих постановлений три, несомненно, запротоколированы собственной рукой Решетникова, а имеют его собственноручные подписи (как выборного члена библиотечного совета) двадцать

постановлений.

Уже одно это обстоятельство заставляет обратить на эту книгу заинтересованное внимание. Но, помимо того, и сама по

себе раскрывающаяся в ней история имеет такой своеобразный и типический интерес, что остановить внимание на этой книге стоит.

Aело происходит, как видит читатель, в самый разгар так называемых "великих реформ", когда и в Петербурге и на местах чувствовались какие-то "веяния", какие-то запахи общественной "весны". Правительство Александра II чувствовало, что в стране еще не устранена опасность крестьянской революции, что нужно сделать какие-то временные уступки взбудораженному обществу, что необходимо обмануть общественное сознание хотя бы внешней видимостью прогрессивных мероприятий. Массы глухо, но глубоко волновались, и в этом была страшная, жуткая угроза. На всю страну звучал мощный голос Чернышевского - голос, который был для царских сатрапов своего рода "memento mori". * Именно это заставляло царское правительство открыть некоторые предохранительные клапаны и, таким образом, спустить страну к "успокоению" на мягких тормозах. Таков был, как известно, классовый смысл "великих реформ" и либеральных "веяний" шестидесятых годов прошлого века.

В "Помпадурах и помпадуршах" Салтыков-Щедрин бесподобно рассказал, как отражались эти "веяния" в провинции и

кто были их официальными проводниками.

Когда один из героев Щедрина помпадур Дмитрий Павлович Козелков, в прошлом просто дворянский сынок и шалопай, получил в Петербурге инструкции и приехал в свою губернию, он, прежде всего, считал, что "для того, чтобы хорошо вести дела, нужно только всех удовлетворить. А для того, чтобы всех удовлетворить, нужно всех очаровать, а для того, чтобы всех очаровать, нужно не то, чтобы лгать, а так объясняться, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы облизывался... Таким образом слушатель постоянно держится, так сказать, на привязи, постоянно чего-то ждет, постоянно что-то как будто получает и в то же время никаким родом это получаемое ухватить не может".

И, определивши для себя такой образ действий, Митенька стал прямо одержим либеральным празднословием. "Он словно даже и не говорил, а гудел; гудел изобильно, плавно и мерно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона, гудел неустанно и час, и два; смотря по тому, сколько требовалось

времени, чтобы очаровать..."

"Я бы желал,— ораторствует Митенька,— чтобы все, начиная от самого приближенного ко мне лица и до самого последнего субалтерн-офицера, поняли мою мысль так же точно, как я сам понимаю. Я желал бы собрать всю губернию, соединить, так сказать, на одно мгновение все административные рычаги в один пункт и сказать им: "Господа! Вот моя мысль! Поймите, господа, что я вам говорю, и сообразуйтесь!.. Я хочу, чтобы все, по воз-

^{*} Помни о смерти.

можности, были довольны, чтобы никто не был обижен, чтобы всякий мог беззаботно пользоваться плодами рук своих ...

История с библиотекой для чиновников Пермской казенной палаты и является живой и выразительной иллюстрацией к щед-

ринской сатире.

В роли Митеньки Козелкова выступает в этой пермской истории председатель Пермской казенной палаты Александр Афанасьевич Толмачев. Это — тот самый Толмачев, который такими несимпатичными чертами отмечен в биографии Решетникова, написанной Глебом Успенским, и в дневнике самого Решетникова. Когда обносившийся бедняк Решетников пришел к Толмачеву на дом просить об улучшении его материального положения и подал ему письменное заявление об этом, Толмачев сказал: "Мне, батюшка, некогда читать, — я собираюсь в церковь и вам советую тоже итти". А когда Решетников упомянул, что он что то сочиняет, Толмачев уже сердито добавил: "Я лучше вам советую заниматься, чем сочинять. Занимались бы больше в палате". И спустя несколько дней еще раз посоветовал: "Вам нужно выбрать одно из двух: или сочинять или служить". (Весь этот эпизод см. у Г. Успенского "Жизнь Ф. М. Решетникова", гл. VII).

Но в таком виде этот любитель всенощных и недруг сочинителей мог выступить только тогда, когда он был нараспашку и неглиже, в домашнем, так сказать, виде, "в натуре". Совсем другим этот пермский Козелков выступает публично, перед ли-

цом убогой тогдашней пермской общественности.

Почуяв петербургскую "весну" и новые либеральные "веяния", он, видимо, решил потрафлять духу времени и действовать "в духе прогресса". И вот между другими мероприятиями либерального ряда Толмачев задумывает открытие библиотеки для чиновников казенной палаты, в которой был председателем.

Вполне возможно, что либеральный мудрец имел при этом и особые виды и цели. В Перми существовала в это время библиотека революционно-настроенных преподавателей духовной семинарии, называвшаяся по имени одного из них библиотекой Иконникова. Она сделалась постепенно центром революционной пропаганды в Перми в начале 60 годов и могла явиться для чиновников казенной палаты опасным притягательным центром. Стало быть, иметь библиотеку при самой палате, под непосредственным присмотром, было гораздо спокойнее и безопаснее.

Конечно, даже и в проведении этого крохотного дела Толмачев проявляет величайшую осторожность и употребляет своеобразную перестраховку, именно посылает просьбу о разрешении

библиотеки в Петербург, министру финансов.

Министром финансов был в это время Княжевич. Он тоже не захотел принять такого "страшного" дела под свою полную ответственность и снесся с министром народного просвещения. Еще бы! Шутка сказать — библиотека для сотни чиновников!

8 Прикамье 113

Но времена были либеральные, и дело, в конце концов, получило благоприятное разрешение: после долгой проволочки министр финансов уведомил Толмачева, что "к удовлетворению ходатайства не только не встречается препятствия, так как само собой разумеется, что в библиотеке этой будут находиться лишь одобренные цензурой книги и повременные издания, но что было бы желательно, чтобы означенная библиотека получила возможную общедоступность".

Повидимому, сердца чиновников казенной палаты при получении этого известия радостно взыграли. Они взялись за дело всерьез и решили дать его организации вид как бы самоуправления чиновников, чуть не парламента. 14 марта 1861 года (через месяц после "освобождения" крестьян) на общем собрании членов библиотеки было постановлено образовать для управления библиотекой особый совет выборных членов или, как они названы в протоколе, "депутатов" от разных отделений конторы: контрольного, казенного, ревизского, питейного, соляного и т. д... Председателем совета был избран, конечно, Толмачев, библиотекарем — крупный чиновник Тиммерман, помощником библиотекаря — будущий приятель Решетникова В. А. Трейеров.

Не обошлось, разумеется, и без проявлений подхалимства: на следующий день, 15 марта, чиновники собрались вновь и, "желая выразить свою признательность г. Александру Афанасьевичу Толмачеву, как основателю библиотеки, постановили: господина Александра Афанасьевича просить в лице всех членов собрания принять звание всегдашнего почетного члена библиотеки

с полным на дела ее влиянием".

Со своей стороны Толмачев совершенно вошел в роль "просветителя" и "благодетеля" для своих чиновников.

Во-первых, он "принес в дар" библиотеке, видимо, залежавшиеся у него материалы комиссии по крестьянскому делу (о чем было сейчас же услужливо записано в протокол собрания), вовторых, его супруга Евгения Эдуардовна Толмачева, расшедрившись, с своей стороны пожертвовала "Фрегат Палладу", сочинение Гончарова (что также было увековечено в протоколе); в-третьих, Толмачев распорядился выписать на средства палаты следующие журналы 1861 г.: "Современник" (Чернышевского и Некрасова), "Искру" (Курочкина) и "Отечественные записки" (Краевского).

30 марта 1861 года состоялось торжественное открытие библиотеки. Этот день был избран для открытия не случайно: это была годовщина вступления Толмачева в управление палатою, и он, видимо, захотел символически сблизить две эти знаменательные даты: день его появления в палате и день ее культурного

торжества.

На открытии библиотеки Толмачев произнес речь, которая заслуживает того, чтобы привести ее целиком: моментами не знаешь, Толмачев ли списал ее у Козелкова, или Щедрин подслушал у пермского златоуста.

Вот эта речь, увековеченная в протоколе полностью:

"Господа! Я выбрал сегодняшний день для открытия библиотеки, день моего вступления в управление палатою, желая его ознаменовать полезным делом. При вступлении моем в управление палатою я дал вам обещание заботиться о пользе и нуждах ваших, - я это исполняю и буду исполнять до последнего дня моей службы с вами. Цель открытия библиотеки именно та, чтобы каждый из вас имел возможность за ничтожную плату читать все газеты и журналы, которые будут выписываться для библиотеки. Для этого я назначил вечерние часы. Положив прочное основание нашей библиотеке, я буду стараться довести ее если не до полного совершенства, то по крайней мере до сколь возможно хорошего состояния. В ней будет равенство от меня до последнего писца. Вам угодно было избрать меня в председатели комитета, — приношу вам искреннюю признательность за честь избрания и за доверие ваше ко мне, которое я ценю от искреннего сердца, но при обширных своих занятиях я должен буду отказаться, ибо заняться усердно, так, как я привык, не могу, потому что не имею времени. Вследствие этого предлагаю вам выбрать из среды своей председателя без различия чина и места, им занимаемого, а я, оставаясь простым членом, буду иметь один голос с вами и, находясь в среде вашей, буду уважать те правила, которые мы все положили. Я желаю одного сблизиться с вами покороче, чтобы каждый из вас видел во мне на службе начальника, а вне службы товарища, и каждый из вас чтобы твердо был убежден в истине сказанных слов моих при вступлении моем в управление палатою, - что будущее убедит вас в истине всего сказанного мною.

Теперь факты говорят сами за себя. Я устроил вам обмундировку, устроил библиотеку, устрою и эмеритальную кассу и буду хлопотать, сколько мне достанет, устроить и еще что-нибудь полезное для вас, желая при отъезде моем отсюда оставить вам по себе добрую память. Теперь, господа, позвольте принести вам мою искреннюю признательность за то горячее сочувствие, с которым вы [откликнулись — Е. Б.] на одну из самых задушевных моих мыслей. Этому сочувствию я обязан тем, что имею удовольствие видеть в эту минуту осуществление моих предначертаний.

Итак, милостивые государи, вы видите, что если бы я согласился принять ваше предложение — иметь полное влияние на дела библиотеки, то этим бы нарушил единство идеи правил, всеми нами сообща положенных, и стал бы в противоречие с самим собою".

Эту пламенную и патетическую риторику летописец пермской библиотеки заключает замечательной концовкой: "Об этом внести в книгу заседаний".

Дальней шая судьба библиотеки последовательно проходит через все стадии, обычные для либеральных мероприятий, проведенных просвещенным начальством в качестве ширмы для прикрытия рабьего молчания страны и в то же время в качестве оплота против опасных затей в революционном духе.

С одной стороны на ее работе, несомненно, отражаются некоторые требования и стремления ее наиболее активных и передовых участников. Поэтому собрание выборных постановляет (27 апреля 1861 г.) выписать сочинения Белинского, Щедрина, стихотворения Некрасова, "Бунт Стеньки Разина" Костомарова. 4 декабря общее собрание всех членов библиотеки постановляет выписать на следующий 1862 год журналы "Современник" в 2 экз., "Русское слово" в 2 экз., "Искру" в 1 экз., присоединив, правда, к этому "Время" Достоевского, "Русский вестник" Каткова и даже по одному экземпляру журналов "Православное обозрение" и "Дух христианства".

В марте 1862 г. выборные члены библиотеки на специальном заседании постановляют: "Выписать из книжного магазина Дюфура, по объявлению, от него распубликованному в 53 № "Сына отечества", экземпляр книги "Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне" (1 руб. сер.). Речь идет, несомненно, о дрянной книжонке Шедо-Ферроти, обливавшей клеветнической грязью Герцена и позднее разгромленной в подпольной прокламации Писарева. Но выборные члены, конечно, не знали содержания книги и, видимо, были привлечены самим именем Герцена. Этот острый интерес к Герцену, несомненно, весьма сим-

птоматичен.

С другой стороны, "депутаты", повидимому, изнывали от сознания своей ответственности перед избирателями и от полной невозможности заняться сколько-нибудь значительным делом.

Обычно на их собраниях производится свидетельствование поступления и расходования сумм библиотеки, и такого рода записей мы находим свыше тридцати из всех имеющихся 69 записей.

В ряде других записей сохранен тон серьезности при таком содержании, которое кажется исполненным подлинного юмора и прямо просится под перо того же Щедрина. Чего стоит, например, такая запись от 19 июня 1861 года: "Трейеров (помощник библиотекаря) просит разрешить следующий вопрос: должно ли взыскать или сложить незаплаченный штраф двадцать копеек сер. с журналиста Пермского уездного казначейства Ивана Александровича Хлопина, умершего в нынешнем месяце.

Постановили: незаплаченный журналистом Пермского уездного казначейства Иваном Александровичем Хлопиным, уже умершим,

штраф сложить".

В том же самом месяце "депутаты" на одном из заседаний со всей серьезностью решили один единственный вопрос, который изложен так: "1861 года, июня 5 дня, в присутствии выборных членов библиотеки, Михаилом Павловичем Тиммерманом был представлен на рассмотрение испорченный членом библиотеки Федором Никандровичем Хомяковым № 1 "Искры", который, на основании § 8 правил библиотеки чиновников, и рассмотрен, но как не потерявший своего достоинства признан к употреблению вполне годным и без всякого платежа за то штрафа".

Спустившись до разрешения столь скрупулезных вопросов, как взыскание двугривенного с неисправного покойника, "депутаты" развлекались время от времени только упражнениями в празднословном красноречии, замечательные образцы которого им были даны Толмачевым. Повидимому, не последняя роль в этом празднословии принадлежала все тому же Трейерову, который, например, делая отчет за 1861 год, растекался в таких пышных фразах: "Казалось бы, при наших шансах нельзя надеяться и на название-то библиотеки, да еще публичной. Но для общества нужна только мысль, нужно только дать толчок и из ничего сделается что. Ваше единодушие осуществило эту мысль. Каждый понимающий необходимость умственного развития дал свою лепту в библиотеку. Предложенная одним господином мысль о добровольной подписке была встречена горячим сочувствием. Это я постараюсь доказать фактически".

Перечислив затем жертвователей поименно и указавши, что с их помощью библиотека приобрела "77 названий книг, заключающих в себе 257 томов", оратор переходит к части патетиче-

ской и ведет ее в таком высоком стиле:

"Поддержим же, милостивые государи, существование нашей библиотеки. Откажем себе в маленьких материальных удовольствиях и посильными пожертвованиями наверстаем ничтожную плату и де-факто докажем, что учреждения, основанные на социальных началах, где все равны в правах своих, где все как бы братья, не умирают от недостатка материальных средств... Библиотека наша теперь стоит на твердом основании, и я твердо уверен, что она никогда не разрушится, если мы дружно будем поддерживать ее". Когда читаешь эти строки, чувствуешь, что оратор воображал себя кем-то вроде Минина, спасающего отечество...

Имя Решетникова сначала не встречается в книге,— его в момент основания библиотеки и не было в Перми: в штат Пермской казенной палаты он был зачислен лишь в мае

1861 года.1

Но уже в январе 1862 г. мы под № 33 находим такую запись: "1862 года, января 5 дня, выборные члены в заседании своем постановили: избранного служащими канцелярии палаты Федора Михайловича Решетникова в депутаты вместо Павла Марковича Маркова допустить в члены собрания выбранных членов с правом голоса, согласно § 4, 2 главы устава библиотеки".

Очевидно, Решетников стал уже заметным человеком в канцелярии палаты,— возможно, его выделила статья о библиотеке, напечатанная с его инициалами Ф. Р. в "Пермских губернских ведомостях" от 29 декабря 1861 года. Разгадать его инициалы

чиновникам, конечно, было нетрудно.

¹ Кстати, в I томе соч. Решетникова изд. Свердагиза, стр. 465, указан, как дата зачисления, июнь 1861 г. В Пермском обл. архиве мы нашли "Сдаточные списки решен. делам, хранящимся в архиве Пермской казенной палаты" с такою записью: "1861 г. мая 25 № 12/2726". О перемещении канцелярекого служителя Решетникова в штат казенной палаты. Количество листов 10. Самого дела мы, к сожалению, не нашли.

Последующие двадцать протоколов заседаний при библиотеке идут уже с подписями Решетникова, как члена совета библиотеки. 30 марта 1862 года роль Решетникова в библиотеке еще вырастает. В протоколе от этого числа за № 46 записано: "Избраны библиотекарем Ник. Антон. Золотавин, помощниками его Григ. Павл. Хитрин и Констант. Егор. Кузнецов. Кандидатами Платон Мих. Лавров и Федор Михайлович Решетников".

27 июля мы вновь встречаем имя Решетникова в такой записи: "По случаю увольнения г. председателем палаты от обязанностей дежурства в библиотеке библиотекаря оной Золотавина, общее собрание выборных членов постановило: допустить на время для дежурства в библиотеке кандидата помощника библиотекаря

Федора Михайловича Решетникова".

5 сентября того же года Решетников поднимается до положения помощника библиотекаря, правда, не первого, а третьего.

Наконец, 18 декабря он избирается первым помощником библиотекаря: "Члены общего собрания "постановили", гласит запись № 61, "избрать библиотекарем Вас. Афиног. Трейерова, кандидатом Григ. Павловича Хитрина, помощником библиотекаря — Федора Михайловича Решетникова, кандидатом к нему Ник. Егор. Кузнецова".

Все это, думается, говорит о том, что Решетников в кругу чиновничьей общественности был, несмотря на его молодой возраст, довольно заметным человеком и пользовался некоторым

авторитетом.

Но в то же время в протоколах нет ни одного указания на какое-нибудь публичное выступление Решетникова,— он вырисовывается каким-то молчаливым силуэтом.

В июле 1863 года Решетников увольняется из Пермской палаты,

а с 3 августа он уже числится на службе в Петербурге.

Между тем, в это самое время среди чиновников Пермской палаты шел, повидимому, большой переполох в связи все с той же библиотекой.

Еще в 1862 г. организаторы другой пермской библиотеки, революционной по направлению, Иконников и др. были арестованы, а самая библиотека закрыта. У Иконникова и его группы были раскрыты связи не только с казанской группой революционеров, но и с Петербургом, в распространении "Колокола" Герцена. Флигель-адъютант Мезенцов создал в Перми,— в провинциальном, разумеется, масштабе, дело, подобное делу

Чернышевского.

Лето 1863 года, в связи с целым рядом событий, и, прежде всего, с польским восстанием, заставило правительство насторожиться еще более и усилить полицейское внимание к окраинам. Под подозрение стали брать и либералов, которые не поняли смысла нового курса. На смену Мите Козелкову выходит на сцену Федя Кротиков, "помпадур борьбы" против зловредных начал и заблуждений, который начинал свои программные выступления с такого тезиса, что "наука есть оружие обоюдоострое, с которым необходимо обращаться, по возможности, осторожно. Что

посему, ежели господа частные пристава не надеются от распространения наук достигнуть благонадежных результатов, то лучше совсем оные истребить, нежели пропустить превратные толкования, за которые многие тысячи людей могут получить в сей жизни законное возмездие, а в будущей лишиться спасения"...

В полном соответствии с этой общей картиной, нарисованной Щедриным, сходит со сцены и пермский Козелков, он же Толмачев, который в протоколах библиотеки называется в 1863 году

уже "бывшим г. председателем казенной палаты".

Всю переднюю часть этой сцены занимает теперь пермский военный губернатор, который и берет на себя роль "помпадура

борьбы" местного масштаба.

Совершенно естественно, что этот отважный воитель обратил внимание и на злополучную чиновничью библиотеку. Она была неудобна потому, что стояла несколько в стороне от общего наблюдения, какому подвергались библиотеки обычного типа. Она вообще была "оружие обоюдоострое" и внушала некоторые сомнения насчет "благонадежных результатов", а потому вполне законно возникал вопрос, не лучше ли "совсем оную истребить".

В июле 1863 года библиотечный летописец отметил получение казенной палатой отношения военного губернатора от 10 июля за № 2, в котором высказывалось соображение, что существование библиотеки при казенной палате не достигает вполне своей цели и признается еще, по мнению его превосходительства, некоторым образом несообразным с пользами службы. Поэтому его превосходительство считал необходимым влить библиотеку казенной палаты в общегородскую публичную библиотеку".

Новый председатель палаты не мог оставить без внимания столь авторитетный голос и немедленно к нему присоединился: "Господин председатель выразил свое мнение, что соединение библиотек было бы весьма полезно и удобно и притом с тем, чтобы учредители имели на вечные времена право бесплатного

чтения".

Но рядовые чиновники — члены библиотеки были не так чутки

к новому курсу и держались за прежние "вольности".

На общем собрании членов библиотеки 7 августа 1863 г. они дружно высказались против слияния библиотек, выдвигая в защиту своего мнения такие аргументы: во первых, "библиотека эта, как собственность чиновников, утверждена г. товарищем министра финансов с тою целью, чтобы дать бедным чиновникам возможность умственно развиваться и чрез это быть разумными деятелями на служебном поприще и честными исполнителями воли правительства"; во вторых, "чиновникам, постоянно занятым службою, положительно нет времени ходить на край города в публичную библиотеку за книгами": "к тому же библиотека, занимая очень небольшую комнату, нисколько не стесняет палаты своим помещением и нисколько не отвлекает служащих от занятий по обязанности."

Приводя все эти аргументы, собравшиеся постановили: "Просить его высокородие (председателя палаты. Е. Б.) оказать со

своей стороны покровительство членам библиотеки и ходатайство, чтобы библиотека, согласно утвержденных правил, про-

должала свое существование при казенной палате".

Повидимому, для большей авторитетности своего ходатайства (сформулированного, как видит читатель, весьма скромно и робко) члены библиотеки собрали под этим протоколом сверхобычное количество подписей: вместо обычно встречающихся 8-10 их здесь целых сорок.

Подписи Решетникова под этим протоколом нет, — он уже

был в Петербурге.

Нам неизвестно, чем окончилась неравная борьба горсточки перепуганных чиновников с всесильным в провинции военным губернатором. Очевидно, победил этот последний,— по крайней мере, в книге протоколов библиотеки мы находим после этого только два ничтожных по содержанию протокола, а затем записи прекращаются и дальше следуют чистые листки. Очевидно, короткая российская "весна" кончилась, подули суровые ветры осени.

Так в пермском захолустье отразились, "как солнце в малой капле вод", общие судьбы российского либерализма в шестидесятых годах — отразились с удивительной прозрачностью, открывающей самые разнообразные и тонкие детали его эволюции.

Ценные свидетельства даются этими материалами для хара-

ктеристики Решетникова в этот период.

Эти материалы, конечно, в общем подтверждают правильность утверждений биографов (в первую очередь Гл. Ив. Успенского) о том, что Ф. М. Решетников в Перми находился в либеральном окружении и в известной мере испытал его воздействие.

Это ясно уже из того, что он оказался участником не иконниковской библиотеки, а библиотеки чиновников казенной палаты, в которой он притом играл довольно заметную роль. Это ясно и из того, что его ближайшим литературным советником в Перми был, много раз нами упоминавшийся, Трейеров, либеральный облик которого в этих материалах вырисовывается с исключительной чёткостью.

Но в то же время сопоставление статьи Решетникова "Библиотека для чтения чиновников Пермской казенной палаты" с протоколами свидетельствует о том, что он уже тогда чувствовал себя очень неловко в атмосфере либерального раболепия и вну-

тренне протестовал против него.

В этом смысле характерно вот какое обстоятельство: мы видели, как подхалимски подчеркивается в протоколах благодетельная роль председателя палаты Толмачева, как тщательно записывается его речь и т. п. Из дневника Решетникова видно, что он хорошо знал, как приятны были Толмачеву такие комплименты: выразить их — значило полностью расположить к себелиберальничающего начальника. И, все же, при сопоставлении с книгой протоколов его статья (даже в подправленном, по свидетельству Гл. Успенского, виде) удивляет сдержанностью отношения к мнимому благодетелю пермских чиновников. В этом,

думается, сказалась его демократическая закваска, его отвраще-

ние от официальной лжи и лицемерия.

Наконец, очень характерно для Решетникова стремление к точности фактического материала, сообщаемого в его очерках. Мы сверили с протоколами показания Решетникова относительно движения денежных сумм, выписываемых изданий и т.п.,— они оказались точными до полукопеек.

Это лишнее подтверждение того, как добросовестно Решетников стремился быть достоверным свидетелем каждой, даже вто-

ростепенной, детали.

Честный облик будущего писателя-демократа в тяжелой обстановке казенного либерализма, с одной стороны, и приши-беевских запретов—с другой, четко вырисовывается перед нами даже из этого небольшого эпизода пермской жизни Решетникова.

А. И. ЕФИМОВ

ЯЗЫК УРАЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАМИНА-СИБИРЯКА

Мамин-Сибиряк располагает совершенно своебразным языком, который позволяет говорить о "голосе" писателя и специфике

излюбленных им средств выражения.

Живописные картины уральской жизни и огромное количество персонажей, поставленных в типичное для них окружение, заставляли писателя не только совершенствовать общепринятые тогла нормы литературного языка, но и обращаться к еще неиспользованным речевым ресурсам, необходимым для создания характерного уральского колорита, богатого яркими и разнообразными красками. Язык старателей, горнорабочих, старообрядцев, золотопромышленников, диалекты Урала — вот те источники, откуда брал Мамин-Сибиряк речевые самородки и искусно сочетал их с уже общепринятыми в литературе средствами выражения. Таким образом, в его распоряжении находился богатый материал, позволявший творить целые полотна этнографического характера, смело обращаться к уральской старине, быту золотоискателей, раскольников, миллионеров Приваловых и вообще оправдывать репутацию "сибиряка", этого "старателя", который на Урале имел дело с золотоносными речевыми пластами.

I

Прежде чем приступить к характеристике красочного языка "уральского самоцвета", необходимо сказать несколько слов о самих филологических воззрениях писателя, главным образом, взглядах и оценках уральских говоров, хорошо представленных в его произведениях, а также вообще простонародной речи.

Язык Урала так же, как и население его, формировался из источников самого разнообразного происхождения. В нем сочетались диалектные черты и северного, и южнорусского наречий,

ибо колонизация Урала, начало которой датируется XII веком, когда предприимчивые новгородцы связали его с торговым миром Запада, носила чрезвычайно пестрый характер. Сюда стекались раскольники с р. Керженец, так называемые "кержаки", переселялись целые селения крепостных из центральных губерний и Украины, шли ссыльные, охотники, искатели золота и т. д. С течением времени здесь создавался общий язык, в котором стирались и нивеллировались старые орфоэпические черты, вырабатывалось единое произношение и, главное, создавался новый словарно-фразеологический фонд, вбиравший в себя и профессиональную терминологию старателей, горнорабочих и лексикон старообрядцев, промышленников и др.

Процесс сглаживания диалектных черт проходил, по свидетельству Мамина-Сибиряка, очень медленно. Однако, писатель уже мог наблюдать, как создавался уральский, общий для всего населения, язык. В своей уральской летописи "Три конца" он, описывая жизнь "туляцкого" и "хохлацкого" концов селения, дает интересные сведения о скрещивании их говоров и приобщении к одному общепринятому языку: "Замечательно было то, что как хохлушки, так и тулянки одевались совсем по-заводски, как кержанки... Ни плахт, ни запасок, ни панев — ничего не осталось, кроме как у старух, донашивавших старое. Молодые бабы-мочеганки во всем подражали щеголихам-кержанкам. То же было ис языком, и с песнями... Молодые все говорили "по-кержацки", а старинные хохлацкие и туляцкие песни пелись только на свадьбах. 1

Этст "кержацкий" диалект, как мы увидим ниже, широко привлекается Маминым-Сибиряком, и атрибуты его, часто снабженные пояснениями, встречаются не только в речи персонажей,

но и в языке самого автора.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в смысле уяснения языковых воззрений писателя, его взглядов на пути и нормы развития литературного языка и на состав его словаря, фразеологии и т. п. Можно без преувеличения утверждать, что Мамин-Сибиряк, как реалист и подлинно народный писатель, благоговел перед силой и образностью выражений простого народа. В этом отношении у него много созвучного с Гоголем, который в "Мертвых душах" так восхищался меткостью народных изречений:

"Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собой и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света... Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово."2

² H. В. Гоголь, собр. соч., том I, изд. 1911 г., стр. 108.

¹ Мамин-Сибиряк, избр. соч., изд. 1936 г., Свердловск, т. III, стр. 92.

Мамин-Сибиряк полностью солидаризуется с Гоголем во взглядах на эти качества народа. В романе "Золото" он тоже поражается способности простого русского человека одним словом удачно охарактеризовать целый строй понятий. Здесь он рассказывает любопытную историю появления на Балчуговских золотых промыслах нового управляющего, который своей строгостью, педантичностью, нововведениями и усилением эксплуатации вызвал у рабочих всеобщие антипатии, выразившиеся, наконец, в подборе для него удачного прозвища:

"В кабаках обсуждался подробно каждый шаг Оникова, каждое его слово, и наконец произнесен был приговор, выра-

жавшийся одним словом:

- Чистоплюй!..

Кто придумал это слово, кто его сказал первый — осталось неизвестным, но оно было сказано, и все сразу почувствовали полное облегчение. Чистоплюй — и делу конец. Остальное было понятно, и все вздохнули свободно. Сказалась способность простого русского человека одним словом выразить целый строй понятий. "1

Это уменье писателя чувствовать и ценить силу и точность народной речи обнаруживается также в выборе средств художественной изобразительности, бытующих в простом народе. Мамин-Сибиряк много делал в смысле демократизации литературного языка, приближения его к излюбленным приемам народного выражения. Если мы обратимся к словарю писателя или его фразеологии, то окажется, что в них преобладают изречения, заслужившие в народе славу ходячих, "крылатых" выражений. К ним он прибегает даже в таких ответственных случаях, как заглавия произведений, обязанные, предельно экономя средства языка, символизировать идею и содержание произведения. Так, популярное на Урале выражение "ходить (жить) в худых дущах" фигурирует у него в заглавии рассказа, который называется "В худых душах", при чем в самом рассказе автор объясняет в сноске значение этого перифраза: "В худых душах" равносильно при смерти, в ожидании смерти" (том V, стр. 225). Точно так же народная фразеология послужила ему материалом для создания следующих названий произведений: повесть "Пир горой", очерк "Говорок", рассказы: "Не укажешь", "Оборотень", "Старики не запомнят", "Крупитчатая" и многих других.

Таким образом, восторженные отзывы о метких народных выражениях не оставались у Мамина-Сибиряка лишь декларациями — его речетворческая практика была направлена к тому, чтобы освоить эти речевые самородки и украшать ими свою речь. Он сплошь и рядом включает их в повествование. Например, говоря о старушонках и их недугах, автор пользуется их лексиконом: "в чужой век живут", "вот-вот подкатит ей под сердце" или "схватит животом" и при этом или ссылается на пословицы, или же берет их в кавычки (см. т. V, стр. 271). Пери-

¹ Мамин-Сибиряк, избр. соч., т. V, стр. 176.

фраз "под красную шапку" — в солдаты — употребляет он безвсяких кавычек, как бы намекая на то, что выражение уже имеет права литературности: "Беспалый... был закоснелый кержак, отрубивший себе палец на правой руке, чтобы не итти под красную шапку" (т. III, стр. 39).

Совершенно так же дано в романе "Золото" профессиональное старательское выражение "работать в свою голову", т. е.

самостоятельно, на свой риск (т. V, стр. 13).

Часть этого фразеологического материала дается в явно комическом плане, предпосылкой чего служит заложенное в них остроумие, как это заметно на перифразе "плести лапти" — путаться, обнаруживать беспомощность: "Винт в поповском доме продолжался. Выигрывал Василий Васильевич несмотря на то, что делал постоянные промахи по части выходов, забывал объявленные масти и вообще, выражаясь технически, плел лапти". (Т. V, стр. 311).

Особенно богато представлены у Мамина-Сибиряка народные пословицы, о которых он был очень лестного мнения. Некоторые из них, бесспорно, уральского происхождения и впервые попуаяризируются Маминым-Сибиряком, в произведениях которого они были вполне уместны. Это относится, например, к пословице старателей: "Золото моем, а сами голосом воем" (т. V, стр. 8). Другие, хотя и общеизвестны, но бытовали преимущественно у золотоискателей и промышленников, так как очень удачно формулировали их систему взглядов: "У волка в зубе - Егорий дал" (т. V, стр. 58), "Рука руку моет" (т. IV, стр. 149). Третьи, наконец, хорошо воспроизводят быт, нравы, убеждения народатруженика и поэтому их много в произведениях писателя. К ним относятся: "Муж пьет — крыша горит, жена запила — весь дом" (т. IV, стр. 159), "В чужом глазу сучок видим, а в своем бревна не замечаем" (т. IV, стр. 185), "Лупи яичко — не сказывай, облупил-не показывай" (т. IV, стр. 199), "Тем море не испоганилось, что пес налакал" (т. V, стр. 37), "Покойник у ворот не стоит, а свое возьмет" (т. V, стр. 52), "Прямое дерево ветру не боится" (т. V, стр. 69), "В чужой век живет" (т. V, стр. 270), "Мужик сер, да ум-то у него не чорт съел" (т. V, стр. 304), "В святое место да с поганой рожей прийти" (т. III, стр. 297), "Гусей по осени считают" (т. V, стр. 144) и многие другие, иногда уже ставшие фразеологическими архаизмами, сохранившимися в отдаленных от центра говорах. Например, "Давай бог нашему теляти волка поймати" (т. V, стр. 72).

В ряде случаев писатель отказывается конкурировать с этими отработанными образными выражениями и оказывает им предпочтение. Хорошо заметно это в описании общей картины рудника (очерк "Золотуха"), где автор цитирует удачное выраже-

ние приисковой стряпки:

"С широкого крыльца приисковой конторы... открывался великолепный вид как на весь Паньшинский прииск, так и на окружавшие его Уральские горы. И прииск и горы были "точно поднесены к конторе" по меткому выражению приисковой стряпки Аксиньи" (том V, стр. 227).

При описании лесной чащи автор тоже ссылается на народное определение, говоря: "...и вы получите слабое представление о том лесе, про который народ говорит, что в нем "в небо дыра" (т. V, стр. 262).

Нет сомнения, что подобные ссылки не только не обедняли

слога Мамина-Сибиряка, а, наоборот, украшали его.

II

Обратимся теперь к основному словарно-фразеологическому фонду, из которого Мамин-Сибиряк постоянно черпал нужные ему средства,— к языку золотоискателей и горнорабочих, а также уральским диалектам. Нетрудно заметить, что писатель был вполне компетентен в этой области. Его языковое окружение и воспитание, излюбленная тематика и творческий метод — все это вместе взятое заставляло чутко прислушиваться и старательно воспроизводить в своих произведениях язык Урала. Ему хорошо известны не только профессионализмы этих мест, но и различные стилистические варианты их. Так, в очерке приисковой жизни "Золотуха" он демонстрирует любопытные примеры своебразного жаргона старателей, который был выработан ими в целях речевой конспирации:

— Ну-ну, дедка, скажи-ка по-нашему-то?— спрашивал из толпы бойкий парень в кумачной рубахе.— Гляжу я на

тебя, больно ты лют хвастать-то...

— "Принеси мне смолы два, заноса в лесу",— проговорил. Федя, опять обращаясь ко мне.—Поняли?

- Нет.

— Ну, а они понимают. Ведь понимаете?— обратился Федя победоносно к толпе старателей.

— А что это значит? — спросил я.

— "Принеси фунт золота, лошадь в лесу..." — объяснил Федя. — Золотник по-ихнему три, фунт — два, пуд — один; золото — смола, полштоф — притачка, лошадь — заноса..." (т. V, стр. 248).

Заботясь о понятности используемых в произведениях оборотов речи старателей, Мамин-Сибиряк дает обычно подстрочные комментарии к тем профессионализмам, без которых труднообойтись при описании работы и быта приисков и которые вполне удачны и уместны при описании картин Урала. Он, например, так объясняет выражение "выйти на золотник":— "Найти золотоносный пласт с содержанием золота в 100 пудах песку 1 золотник" (т. V, стр. 116).

В романе "Три конца" малоизвестное слово "мочеганки" комментируется им в сноске: "Мочеганками на заводах называют

пришлых жителей" (т. III, стр. 108).

В ряде случаев такие пояснения не выносятся под строку, а даются непосредственно в тексте, как это происходит с профессионализмом "шлихи": "Шлихи — черный песок, образовавшийся из железняка; при промывке он осаждается в "головке" вашгердавместе с золотом" (т. V, стр. 13).

Чтобы приблизить читателя к описываемым событиям, заставить его глядеть на все эти картины уральской жизни и работы приисков глазами компетентного человека, а не экскурсанта, Мамин-Сибиряк всюду стремится называть вещи их собственными именами, часто оставляя их без всяких подчеркиваний и пояснений. В этом отношении интересен язык следующего отрывка:

"Берег Балчуговки точно проржавел от разрытой глины и песков. Работа происходила в двух ямах, в которых, пользуясь зимним временем, золотоносный пласт добывался забоем. Над каждой ямой стоял небольшой деревянный ворот, которым "выхаживали" деревянную бадью с песком или пустой породой двое "воротников", или "вертелов". Тут же откатчики наваливали добытые пески в ручные тачки и по деревянным доскам, уложенным в дорожку, свозили на лед, где стоял ряд деревянных вашгердов" (том V, стр. 9—10).

Здесь, кроме выражений: выхаживали, воротники и вертелы, конечно, явными профессионализмами будут: пласт, забой, ворот, пустая порода, откатчики, вашгерд. И нельзя не признать, что автор достигает цели, облекая эти термины стилистическими полномочиями, удачно оживляющими повествование. Само собою разумеется, что и остальной словарный материал свободен от всякого жеманства и неестественности — он как бы выравнивается по этому специфическому лексикону, участвуя в создании определенного языкового и стилистического профиля писателя.

Этому значительно способствуют также уральские диалектизмы, обильные и в речи героев, и в языке самого автора. У него можно наблюдать диалектизмы самого различного характера. При изображении быта уральского населения он прибегает даже к орфоэпическим диалектизмам, в примечаниях подробно останавливаясь на характеристике местного произношения. Например, в очерке "Авва" он задерживает внимание читателя на типичной сибирско-уральской черте произношения — замене звука "ц" звуком "с" — что, например, встречается в пословичном изречении: "Бабье серсо, что худой горшок, все бренчит". Автор поясняет: "К особенностям заводского говора на Урале принадлежит смягчение ц в с, так что говорят: серсо вместо сердце, сарь вместо царь, девиса, рукависы и т. д." (т. V, изд. 1916 г., стр. 341).

Наряду с орфоэпическими чертами совершенно так же используются и интерпретируются архаичные и неясные этим ологические образования, сохранившиеся в уральских говорах. Так слово "естовой" (народ) автор анализирует так: "т. е. зажиточный (вероятно, от слова: есть)" (т. V, стр. 209). Нельзя сказать, чтобы Мамин-Сибиряк был очень щедр на такие пояснения. Бесспорно, он учитывает то обстоятельство, что излишнее нагромождение неизвестных широкому читателю слов засоряет язык, а поэтому или делает ударение на общеизвестные диалектизмы, не нуждающиеся в сносках и объяснениях (например, "баушка" Лукерья (т. V, стр. 92), "на куфне" сидел" (том II, изд. 1915 г., стр. 8) или же предельно сокращает пояснения, не вдаваясь

в подробности. Например, слово "доспиет", в котором сказалась северно-русская особенность произношения — замена древнего звука ять звуком и, только переводится писателем: "поспеет"

(т. V, стр. 210).

Более свободно и смело оперирует Мамин-Сибиряк диалектизмами словарными и фразеологическими. Часть их дается с подстрочным переводом, например, "лонись" — в прошлом году (т. V, стр. 308), "ботик" — лодка (там же, стр. 302), "галиться" насмехаться (стр. 150), "жило" — жилье, селитьба (т. III, стр. 69), "кулиги" — огороженные покосы (т. V, изд. 1916 г., стр. 347). Большинство же слов местного происхождения как бы приравнивается к общепринятому лексикону и по мере использования их в произведениях освобождается от каких-либо оговорок. Этот процесс включения их в общий лексический и фразеологический фонд, имеющийся в распоряжении автора, хорощо прослеживается на употреблении местного выражения "без утыху"; в начале романа "Золото" оно снабжено кавычками, оговаривающими отсутствие у него прав литературности ("Из города шли и ехали "без утыху" (т. V, стр. 22), позднее, в 3-й части, кавычки уже снимаются, так как эта идиома считается освоенной: "Подраставшая Наташка была у тетки "в няньках" и без утыху возилась с ребятами" (там же, стр. 97).

Если присмотреться к содержанию отбираемых Маминым-Сибиряком слов "кержацкого" диалекта, то окажется, что это все преимущественно бытовые слова: "баская" — красивая ("Штучка"), "полесовщик" — лесной смотритель ("Разбойники"), "шишковал" собирал шишки с кедровыми орехами ("Золото"), "на берегу" на рассвете (там же), "варнак" — бежавший с каторги (там же), "бурак" — берестовый сосуд ("Три конца"), "кошёвка" — санки со спинкой, сиденьем ("Хлеб"), "помочь" — коллективная помощь

(там же) и многие другие.

Ш

Приведенный выше материал профессионально-диалектного характера свидетельствует о стремлении Мамина-Сибиряка раздвинуть границы литературного языка, формировать свой слог путем привлечения богатых речевых ресурсов Урала. Чтобы определить, насколько удачно сумел он освоить этот материал и совместить его с общелитературным, следует обратиться к самой манере повествования, к его слогу и стилистическим закономерностям его. Новые живописные средства представляли ему простор, возможности варьировать слог авторского повествования, переходить на размер языка персонажей. Этот прием, так сказать, перехода на голос персонажей, стилизации их языка безупречно осваивается Маминым-Сибиряком.

Надо сказать, что такая речевая ассимиляция, иногда даже невольное приближение языка автора к речи действующих лиц—явление вполне типичное, обратившее в свое время на себя вни-

мание Л. Н. Толстого. Он утверждал, что

"у писателей, описывающих известный класс народа, невольно к слогу прививается характер выражения этого класса.

При изустном рассказе это еще более заметно".1

Такая стилистическая закономерность хорошо прослеживается у Мамина-Сибиряка, который культивировал литературные традиции и прекрасно чувствовал язык. Это уменье писателя распределять средства языка в соответствии с содержанием и идейным заданием произведения обнаруживается хотя бы при сопоставлении слога произведений разного жанра. Если, например, в романе "Черты из жизни Пепко", где изображены картины петербургской жизни, речь автора не выходит из границ литературного стандарта, то в цикле уральских романов и рассказов он неузнаваем: переходя на размер языка уральцев, он употребляет совершенно новый вариант беллетристического языка. Сделаем такие сопоставления: приведем сначала образец слога романа "Черты из жизни Пепко". Возьмем наугад хотя бы самое начало его:

"Стояло хмурое осеннее петербургское утро. Я провел скверную ночь и на лекции не пошел. Во-первых, опоздал, а во-вторых, нужно было доканчивать седьмую главу третьей части моего романа. Кто пробовал писать роман, тот поймет, насколько последняя причина была уважительна. Прежде чем приняться за работу, я долго ходил по комнате, обдумывая какую-то сцену и останавливаясь у единственного окна, выходившего на улицу. Это окно было моим пробным пунктом, точно каждая трудная мысль останавливалась у него. Может быть, это было инстинктивным тяготением к свету, которого так мало отпущено Петербургу" (том II, изд. 1915 г., стр. 389).

Совершенно иное впечатление производит, например, заметно демократизированная речь автора, предельно приближенная к слогу персонажей, в рассказе "Штучка", где описываются нравы

сибирских купцов и ярмарок:

"Вся улица потешается, бывало, над Фросей и над Омельяном, — благо в таком глухом городишке, как Ирбит, прислуге, особенно летом, решительно делать нечего. Фрося раньше жила в кухарках у исправника, но ушла к Морошкиным прямо от Омельяна, который одолевал ее своими любезностями каждый праздник, когда напивался пьян. И женатый человек был, вместе у исправника жил, а как выпил, — сейчас за Фросей увяжется и непременно всю свою мужицкую пятерню влепит ей в спину. Конечно, и Фрося ему не пирогами откладывала; немало Омельян съел от нее затрещин, но все-таки нехорошо, как Омельян растворит хайло и начнет золотить Фросю на всю улицу, а соседние кучера ржут, как стоялые жеребцы" (том V, стр. 281).

Красочный и образный слог этого отрывка представляет собой полную противоположность приведенному выше. Здесь автор выступает, если так можно выразиться, в своем языково-

стилистическом амплуа, здесь он неподражаем.

¹ Л. Н. Толстой, том 46, стр. 279. Дневник. Изд. Акад. Наук,

Язык его пестрит уральскими речевыми самородками. Стилизация простонародного языка позволяет ему оперировать соответствующим обстоятельствам словарем (увяжется, пятерня, влепит, кайло, ржут), фразеологией, в которой преобладают образные перифразы (пирогами откладывала, съел затрещин, золотить на всю улицу), сравнениями (ржут, как стоялые жеребцы), порядком слов и вообще структурой предложений (ушла... прямо от Омельяна) и т. д. и т. п.

Подобная же стилизация простонародного слога видна и в описании жизни Татьяны Мыльниковой ("Золото"), у которой, как говорит автор, имея в виду ее речь, "муж попался "каратерный", под пьяную руку совсем буян, да и зашибал он водкой все чаще и чаще" (том V, стр. 19). Это стилизаторское искусство Мамина-Сибиряка обнаруживается и в не менее удачном воспроизведении украинского языка, завезенного на Урал переселенцами. В романе "Три конца" у старого Коваля сноха Лукерья подняла бунт: "Сначала она все молчала и только плакала втихомолку, а потом поднялась на дыбы, "як ведмедица" (т. III, стр. 148).

Насколько легко и мастерски переходит автор на голос персонажей, можно судить хотя бы по следующему тексту, где вначале дано словарное "сырье", а потом уже демонстрируется

его обработка, включение в повествование.

"У Мыльникова сложился в голове набор любимых слов, которые он пускал в оборот кстати и некстати: "канпания", "руководствовать", "модель" и т. д. Он любил поговорить по-хорошему с хорошим человеком и обижался всякой невежливостью, вроде той, какую позволила себе любезная сестрица Анна Родивоновна. Зачем же было плевать прямо в морду? Это уж даже совсем не модель, особенно в хорошей канпании..."

(т. V, стр. 128).

Говоря о стиле Мамина-Сибиряка, нельзя не коснуться в заключение специфики его средств художественной изобразительности. Как и все атрибуты слога, они строго подчинены у него общему заданию—изображению уральской жизни типичными для нее речевыми средствами. Можно без преувеличения сказать, что в сравнениях каждого писателя хорошо обнаруживается его общий языковый и стилистический профиль. У Гоголя, например, в объектах сравнений, окрашенных тонким юмором, фигурируют редька, тыква, огурцы, с которыми сравнивается форма человеческих голов; у Коробочки ("Мертвые души") псы заливались на все голоса: один отхватывал наскоро, как пономарь; другой звенел, как почтовый звонок; третий ревел, как контрабас, когда концерт в полном разливе, и т. д. Здесь сразу же чувствуется своеобразный гоголевский аромат.

Певец Урала также очень чутко относился к выбору объектов сравнений, которые должны были гармонировать с общим тоном повествования. Среди его сравнений особенно выделяются те, в которых использованы родные, знакомые писателю с детства образы. Например, "Золото ищут, как бежавшего с каторги

преступника" ("Дорогие гости", т. V, изд. 1916 г., стр. 321). В очерке "Говорок" сравнение обнаруживает в писателе не столько уральца, сколько охотника: "Оборванные и чумазые ребятишки окружили ее, как спуганный охотником выводок, и тоже пугливо озирались на избушку" (там же, стр. 268).

Суровая природа Урала нашла себе отражение в образных сравнениях, например, такого характера: старый и преданный своему делу штейгер, т. е. мастер рудничных работ, по удачному выражению писателя, "точно раз и навсегда замерз на своем промысловом деле и больше не оттаял" (т. V, стр. 52).

Итак, в истории русского литературного языка Мамин-Сибиряк известен, как талантливейший художник слова, обогащавший литературную речь самородками народного языка. Его язык ценен не только новизной и яркостью красок, привлеченных из уральских источников, но и разнообразием стилистических приёмов, создающих неподражаемый слог уральского самоцвета.

21687

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий Климов. Сердце-камень	
оперы)	
А. Спешилов. Эвакуация. (Отрывок из повести)	
А. Бычков. Слово. Дни осени. Морщинки. (Стихи)	9
Борис Михайлов. Деревцо. (Стихи)	
искателя ,	2
Его же. Псиноголовый Христофор	
ΦΟΛЬΚΛΟΡ	
Г. Аргентов. Наговоры дружки	1
литература и искусство	
Евг. Боголюбов. Новое о Решетникове	l li

Прикамье № 2. Молотовское областное издательство 1941 г. Изд. № 29.

Редяктор Н Анисимов Редколлегия: С. Гинц, Б. Михайлов, А. Нелюбин, С. Саргин.

Технический редактор *Н. Ермаков*. Корректоры *В. Южаков* и *А. Пепеляева*

Сдано в набор 15/11 1941 г. Подписано к печати 8/V 1941 г. Формат 60 × 92/16. Объем:8¹/₄ печ.л., 4¹/₈ бум. л., 9 авгор. л., 9,2 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Бумага № 2 Камского бумкомбината. ЛБ 18342

Цена книги 3 руб. 60 коп.

Типография Огиза РСФСР треста "Политрафкнига", Свердловск, Банковский пер., 3. Заказ № 363.

